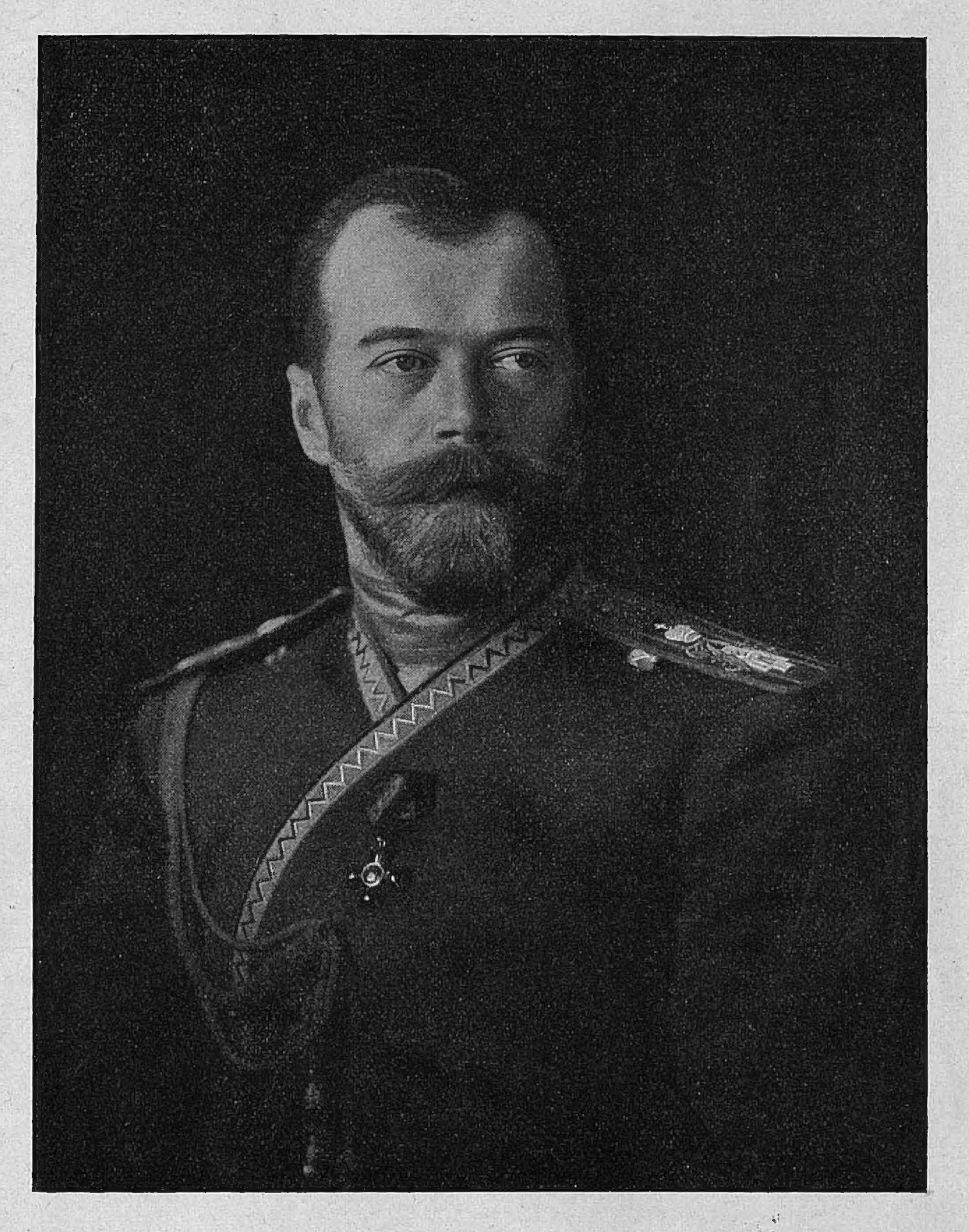
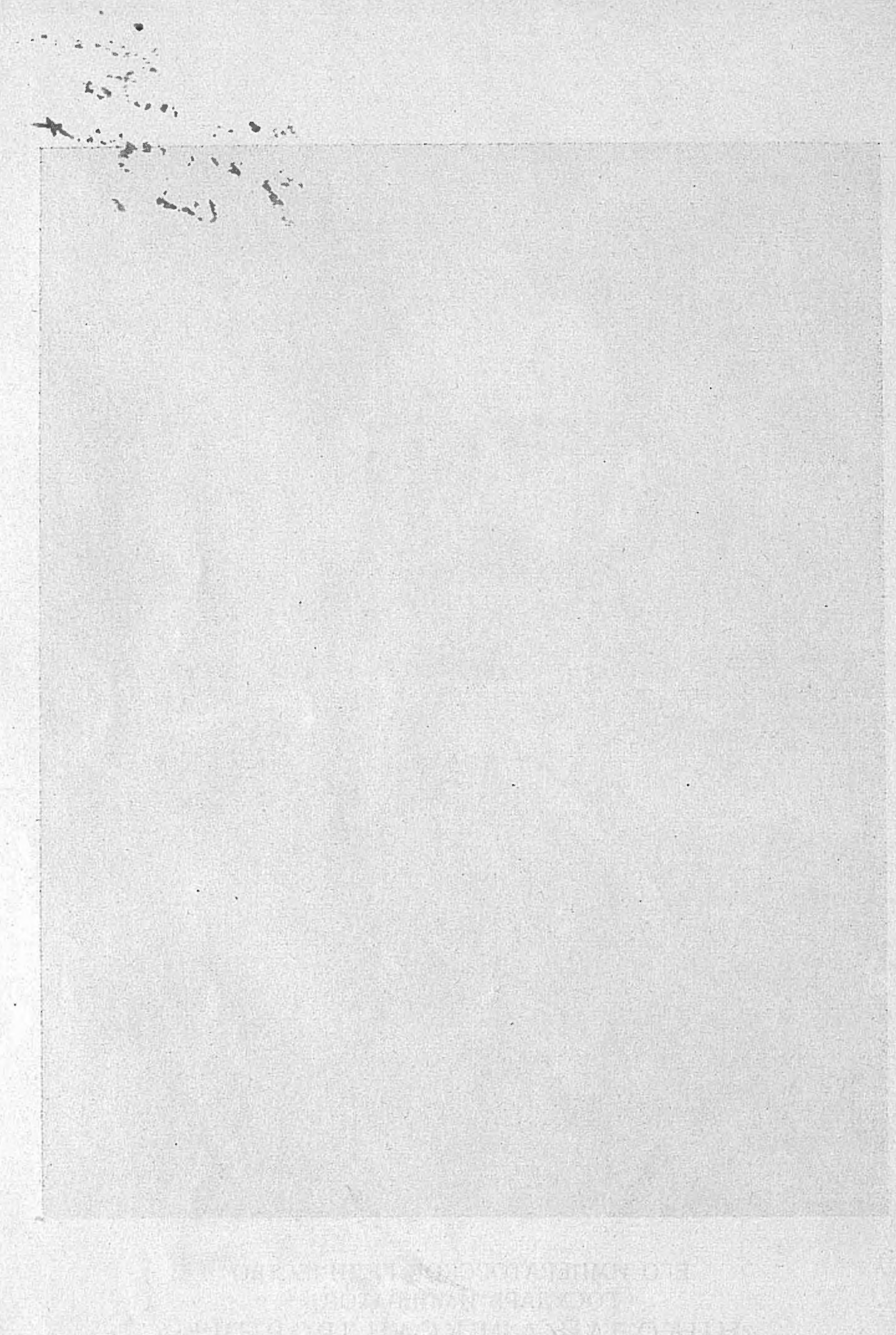
Богданович, Е.
х

1812 ГОДЪ

Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С.-Петербургъ
Звенигородская №11

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Три вѣка назадъ, въ 1612 году, Россія, истерзанная внутренними смутами, истекавшая кровью подъ ударами внѣшнихъ враговъ, заполонившихъ Москву, услышала мужественный призывъ своихъ лучшихъ людей — доблестныхъ хранителей поруганной тогда нашей народной чести, встала, какъ одинъ человѣкъ, и, изгнавъ враговъ, въ 1613 году единодушно избрала своимъ Царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова и впервые вкусила миръ и покой.

Прошло послѣ того 200 лѣтъ, и въ 1812 году на Россію съ полумилліонной арміей двинулся едва ли не величайшій полководецъ всѣхъ временъ, никогда не знавшій пораженія, бичъ народовъ, Наполеонъ. Вся Россія, дворяне и крестьяне, купцы и духовенство, даже жены и подростки, тѣсно объединились вокругъ Благословеннаго Царя своего, Императора Александра Перваго. Какъ и въ 1612 году, Россія проявила безпримѣрную въ исторіи мощь, и, хотя врагъ занялъ Москву, но въ ней нашелъ и погибель свою. Возсіяла на вѣки слава Александра I и русской доблести, навсегда померкла звѣзда Наполеона, съ позоромъ изгнаннаго изъ Россіи. Императоръ Александръ I пожалѣлъ и другіе народы, двинулъ свою

армію вослѣдъ за врагомъ, поражая его всюду въ теченіи 1813 года и, занявъ столицу Наполеона, въ 1814 году, далъ Европѣ миръ.

Съ этого историческаго для всего міра 1812 года прошло сто лѣтъ, и нынѣ, въ 1912 году, при Вѣнценосномъ правнукѣ Благословеннаго, нашемъ возлюбленномъ Государѣ, мы празднуемъ столѣтіе великой Отечественной войны и готовимся въ будущемъ 1913 году торжественно ознаменовать трехсотлѣтіе Дома Романовыхъ.

На Руси еще живутъ, Богомъ хранимые, старцы отъ 110 до 120 лѣтъ, которые помнятъ нашествіе и изгнаніе Наполеона, пожаръ Москвы и возсіявшую надъ Россіей славу, но ихъ очень мало. Мало остается даже такихъ, какъ я, живущихъ девятый десятокъ лѣтъ и въ дѣтствѣ слышавшихъ разсказы отцовъ своихъ о славной памяти двѣнадцатомъ годѣ.

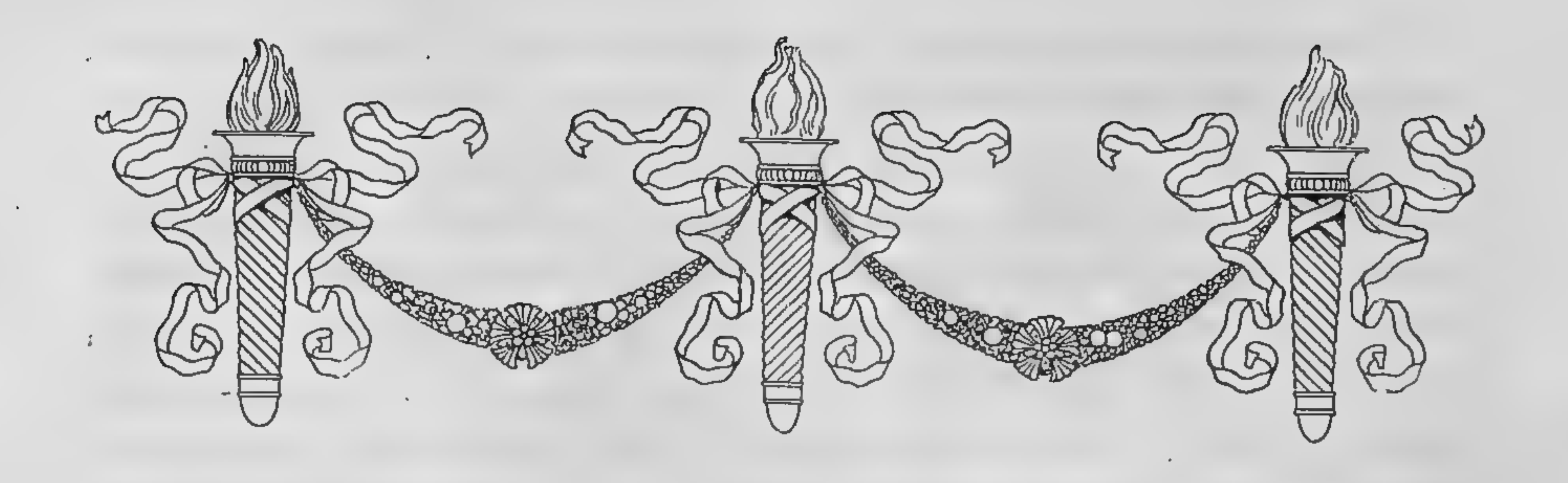
Въ этихъ сказаніяхъ воспитался я, этою славою Двѣнадцатаго года повито было дѣтство мое, ибо отецъ мой былъ однимъ изъ участниковъ Отечественной войны. Помню, какъ сейчасъ, я этого старца, какъ я самъ теперь, убѣленнаго сѣдинами, суроваго и строгаго Предсѣдателя Аудиторіата *) Черноморскаго флота и портовъ въ 30 и 40-хъ годахъ, когда онъ то со слезами въ голосѣ, то съ радостью разсказывалъ, какъ у Березины гналъ враговъ изъ Россіи, какъ былъ контуженъ при Гольниздорѣ и тяжело раненъ въ голову подъ Шампоберомъ, какъ торжественно съ войсками вступилъ въ Парижъ.

*) Суда.

Примѣры отцовъ не проходятъ даромъ,—три мои брата, въ бояхъ — въ Севастополѣ и на Кавказѣ — пали за Родину. Мнѣ Богъ судилъ уцѣлѣть и далъ мнѣ великое счастье—пѣть славу Родинѣ, повѣствовать о ея радостяхъ и печаляхъ, воздавать хвалу ея великимъ людямъ и со всѣмъ русскимъ народомъ возносить горячія молитвы Царю Небесному за ея народолюбивыхъ Царей. И вотъ, дожилъ до дней, когда могу побесѣдовать съ русскими людьми о столь много говорящихъ русскому чувству и уму событіяхъ 1812 года. Разсказы отца моего живы въ моей памяти и укрѣплены еще болѣе тѣми документами, дневниками, письмами, картинами и портретами того времени, которыми Государь Императоръ милостиво разрѣшилъ мнѣ воспользоваться изъ Царскаго хранилища для моей бесѣды съ народомъ.

Благодарю Всевышняго, въ неизрѣченной милости даровавшаго мнѣ дожить до нынѣшней великой годовщины Отечественной войны. Мое старое сердце загорается юношескимъ восторгомъ, когда только подумаю, что я пою славу незабвеннаго года, славу великой войны и спасенія Россіи, вѣчную славу нашей Родинѣ!

Е. Богдановичъ.

I.

Передъ войною.

Поймете ли вы, православные, о какомъ событіи вамъ хотятъ повѣдать, если скажутъ: „28-ой“ или „48-ой“, или „77-ой“, или „5-ый“ годъ?

Вы непремѣнно спросите: „а въ какомъ столѣтіи?“ А другой прибавитъ еще: „а по какому лѣтосчисленію,—до Рождества Христова или послѣ?“ И вы будете правы, ибо никто такъ не говоритъ, ибо, заранѣе не условившись, никто не называетъ годъ безъ столѣтія.

А, между тѣмъ, если вы услышите слова „12-й годъ“— вы сразу поймете, что говорятъ не о 1512 и 1712, даже не о 1612, а непремѣнно о **1812** году, объ Отечественной нашей войнѣ, о невзгодахъ страны родной, о славѣ ея.

Въ длинномъ ряду пережитыхъ Россіей, и всѣмъ міромъ, лѣтъ—1812-й или, попросту, 12-й годъ, занимаетъ особое, Богомъ отмѣченное, мѣсто въ исторіи народовъ и во вѣки вѣковъ будетъ собственнымъ именемъ.

И такъ будетъ не въ одной Россіи, а во всей Европѣ, во всемъ образованномъ мірѣ, ибо въ Отечественную войну народъ русскій не только свою Родину отстоялъ, но спасъ всю Европу отъ посланнаго Богомъ ей въ наказаніе Наполеона.

Правда, и пять вѣковъ тому назадъ Русь святая отстояла Европу, одна принявъ на себя нашествіе изъ Азіи монголовъ, которые чуть ли не два вѣка владѣли нами, пока Дмитрій Донской не разбилъ враговъ, но тогда наши пращуры не знали еще Европы, а Европа не видѣла въ русскихъ своихъ спасителей, ибо считала ихъ такими же дикарями, какъ и монголовъ. Не то было въ 12-мъ году, когда послѣ Великихъ Петра и Екатерины Россія стала державой не только европейской, но первой въ мірѣ, когда зазнавшійся Наполеонъ, покоривъ всю Европу, съ разбѣга налетѣлъ на мощную русскую грудь и нашелъ свой конецъ въ Бѣлокаменной, которую самъ называлъ „Святою Москвою".

Не будь Россіи — не было бы теперь ни Германіи, ни Англіи, ни Австріи, ни одной державы Европейской, ибо, если бы Богомъ вѣнчанный, народомъ прозванный „Благословеннымъ", Царь нашъ, Императоръ Александръ Павловичъ, былъ бы такимъ же честолюбцемъ, какъ Наполеонъ, и согласился на его предложенія, то теперь на всемъ земномъ шарѣ только и были бы двѣ державы: Россія да Франція.

Не намъ судить, что было бы лучше, про то Господу Богу одному извѣстно, и Онъ Всевышній внушилъ Благословенному Императору, спасая Россію, спасти русскою грудью и Европу отъ хищника.

Но гдѣ же причины незабвеннаго „12-го года", этого несчастнаго и славнаго для насъ, года?

Приступая къ описанію какой-либо войны, историки всегда тщатся, прежде всего, возможно основательнѣе разобраться въ ея причинахъ и, зачастую, тщатся напрасно и по очень простому основанію. Война великое зло, но зло, если не необходимое, то почти неизбѣжное для людей. Можно найти способы и средства къ смягченію ужасовъ войны, можно пытаться многія распри разрѣшать международнымъ безпристрастнымъ и безкорыстнымъ судомъ, можно стремиться къ уменьшенію вооруженія, а значитъ и къ уменьшенію народныхъ расходовъ—и все это до нѣкоторой степени уже совершается съ 1901-го года, по почину Миролюбца и Народолюбца Царя нашего, но сдѣлать такъ, чтобы никогда нигдѣ не было войны — нельзя, ибо это не отъ воли людей зависитъ. Господь посылаетъ народамъ войны, какъ испытаніе имъ, какъ посылаетъ Всевышній моръ, голодъ и другія великія

несчастія. Вотъ почему безполезно и тщетно опредѣлять причины той или другой войны, а въ томъ числѣ и причины нашей Отечественной войны 1812 года.

Многіе ученые наши не мало думали и писали о причинѣ войны 12-го года — и... каждый изъ нихъ свою находилъ, другую, а былъ у насъ и такой писатель, который, отрицая всѣ причины, утверждалъ, что все это отъ судьбы, что такъ „должно было быть", „суждено было", забывая, что „судьба" маловѣрныхъ и есть воля Божья для вѣрующихъ.

Дѣло другое — поводъ, толчекъ, но поводъ—не причина. Такъ и для великой и славной войны 1812 г. поводовъ много было и о нихъ мы скоро скажемъ, причиной же воля Всевышняго, Который, посылая намъ испытаніе, въ то же время хотѣлъ покарать честолюбиваго и жестокаго Наполеона.

Недаромъ русскій народъ въ простосердечіи своемъ называлъ его то „Антихристомъ", то „Божьимъ бичомъ".

Нынѣ, когда уже столько времени прошло послѣ нашей съ нимъ великой войны, когда давно уже прахъ его покоится въ могилѣ и жатва зрѣетъ на тѣхъ кровавыхъ поляхъ, гдѣ наши дѣды съ нимъ сражались, не будемъ мы ни проклинать Наполеона, ни порицать его. Онъ дорого заплатилъ за зло, которое хотѣлъ сдѣлать Россіи, и, Божіею волею, зло обратилось ей во благо. Русскій бьется съ врагомъ на смерть, а побѣжденнаго врага жалѣетъ и милуетъ. Наполеонъ хотѣлъ низвергнуть наше православное царство, наложить на насъ цѣпи рабства, а Царь Александръ далъ Франціи миръ, тишину и законнаго короля.

Будемъ помнить и то, что *не съ Франціей и не съ французами* Россія воевала тогда, не французы совершали нашествіе и творили намъ зло, а Наполеонъ, который и родомъ былъ не французъ, а корсиканецъ, французовъ же онъ привелъ въ Россію среди другихъ двадесяти народовъ, которыхъ онъ поработилъ.

Простой артиллерійскій офицеръ, Наполеонъ Бонапартъ выдвинулся въ дни Французской революціи,—она его породила, она его возвеличила, онъ же и задушилъ ее вскорѣ, ибо въ объятой смертью Франціи не было сильныхъ и рѣшительныхъ людей, а Наполеонъ явился тѣмъ капраломъ, который „первымъ палку взялъ".

Въ концѣ 18-го столѣтія Франція находилась въ самомъ

бѣдственномъ состоянiи; благодаря смутамъ, не стало у нея ни вѣры христiанской, ни власти законной, ни славы государственной. Непрiятель стоялъ почти на дорогѣ къ столицѣ, а войско было разбито. Кое какъ собрали французы новую армiю и поручили ее Наполеону, тогда еще весьма молодому, но уже извѣстному генералу. Онъ пошелъ съ войскомъ въ Итальянскую землю и тамъ проявилъ такiя воинскiя доблести, что въ нѣсколько мѣсяцевъ разбилъ сильныхъ непрiятелей, заключилъ славный миръ и тѣмъ спасъ погибавшую Францiю, чѣмъ и прославился и взялъ въ руки власть. Тогда онъ задумалъ идти въ Индiю, которою владѣли англичане, и поплылъ моремъ въ Египетъ чтобы оттуда сухимъ путемъ пройти до Индiи. Но пока въ Египтѣ онъ бился съ арабами и турками, во Францiи опять не стало порядка, и, главное, Государь нашъ Императоръ Павелъ Петровичъ послалъ тогда великаго Суворова въ Италiю усмирить французовъ и примирить народы. Если это благое дѣло не совершилось, какъ хотѣлъ того нашъ Царь, то не по винѣ русской. Суворовъ послѣ славныхъ побѣдъ привелъ русское войско обратно въ Россiю, а Наполеонъ, едва услыхавъ, что Францiи опять пришлось плохо, поспѣшилъ изъ Египта, собралъ войско, снова разбилъ всѣхъ непрiятелей, и стяжалъ этимъ не только любовь, но истинное поклоненiе французовъ. Если бы тогда призвалъ онъ во Францiю законнаго ея короля и, отдавъ ему власть, остался только его полководцемъ и совѣтникомъ, соблюдалъ миръ и думалъ о благѣ своего отечества, великъ бы онъ былъ поистинѣ и не пролились бы потоки слезъ и крови.

Однако, свѣтлый умъ, безпримѣрное воинское дарованiе и великое счастiе, словомъ, всѣ таланты Наполеона помрачались его чрезмѣрнымъ честолюбiемъ. Взявъ верховную власть въ свои руки, онъ не остановился на этомъ, не удовольствовался званiемъ 1-го консула (правителя) и, полный гордости и величiя, потребовалъ себѣ не только королевской, но даже императорской короны и... добился ея: французы провозгласили его императоромъ. Вскорѣ затѣмъ Наполеонъ объявилъ войну Англiи, наложилъ руку на Италiю, и вотъ, когда увидѣли всѣ государи, что онъ ненасытно жаждетъ все высшей власти, началась съ нимъ новая, уже всеобщая Европейская война, точнѣе цѣлый рядъ войнъ.

Наполеонъ I „въ славѣ“.
Раб. Тафонели.

Этимъ войнамъ наши историки посвятили цѣлые томы научныхъ изслѣдованій. О нихъ надо разсказать вкратцѣ, для чего я пользуюсь найденной въ Царскомъ Хранилищѣ любопытнѣйшею и очень рѣдкою книгою, которая называется такъ: „Походъ Наполеона въ Россію, или описаніе происшествій, бывшихъ въ Россіи въ 1812 году, во время нашествія французовъ съ народами всей Европы и бѣгство ихъ. Сочинилъ изъ донесеній Россійскихъ полководцевъ Государю Императору, разныхъ журналовъ, особенныхъ извѣстій и доказательствъ очевидныхъ свидѣтелей Яковъ Деминскій. Санктпетербургъ. 1813 годъ".

Вотъ что говоритъ авторъ, современникъ, о Наполеонѣ и о бѣдствіяхъ, связанныхъ съ его именемъ: „Сей хищникъ престола французскаго, разоривъ сперва малыя государства Италіи, поработивъ Швейцарію и Голландію, наконецъ, напалъ и на Германію безъ всякой убѣдительной причины. Россія вспомоществовала ей къ отраженію его нападеній. Походъ россійскихъ войскъ, ознаменованный многими достопамятными сраженіями, отразилъ на нѣсколько времени опаснаго сего врага. Наполеонъ, издавна взиравшій окомъ зависти на Россію, еще больше раздраженъ былъ симъ ея противъ него поступкомъ. Онъ приступилъ съ войскомъ къ ея границамъ. Россіяне доказали ему могущество и силу своего оружія кровопролитнымъ сраженіемъ и побѣдою надъ его войсками подъ Прейсишъ-Эйлау; но Его Величество Императоръ Россійскій Александръ I-й, для блага подданныхъ своихъ, предпочитая миръ бѣдствіямъ самой выгодной войны, прекратилъ оную Тильзитскимъ дружественнымъ трактатомъ*). Однако, извергъ къ симъ благодѣяніямъ ни мало не былъ чувствителенъ. Онъ не переставалъ питать въ сердцѣ своемъ злобу и зависть на процвѣтавшее благоденствіемъ Государство Россійское. Онъ вознамѣрился твердо сперва обезсилить Германію, потомъ разорить Россію.

Обольстивъ курфирстовъ, самовластныхъ владѣтелей округовъ, составлявшихъ массу Римской имперіи, обѣщаніемъ увѣнчать главы ихъ королевскими вѣнцами, Наполеонъ успѣлъ привести ихъ къ измѣнѣ своего отечества. Наполеонъ, по

---

*) Во время Тильзитскаго свиданія Наполеонъ и предлагалъ Императору Александру I „раздѣлить съ нимъ вселенную".

праву Тильзитскаго трактата, возвелъ ихъ на королевскіе престолы и учинилъ рабами своего властолюбія. Такимъ образомъ, разстроивши Германію, напалъ на нее съ неимовѣрною лютостью; растерзалъ жестоко, принудилъ императора отказаться отъ всѣхъ правъ на владѣніе древней Римской короны и ограничиться только Австрійскимъ округомъ и нѣкоторыми другими. Только бракъ его съ дочерью сего императора нѣсколько поддержалъ престолъ австрійскій, сильно наклонившійся уже къ совершенному паденію.

Наполеонъ съ сего времени началъ помышлять о произведеніи въ дѣйствіе дерзкихъ его намѣреній разорить Россію. Онъ еще прежде, поссоривши ее съ Англіею и Турціею, надѣялся симъ средствомъ истощить силы ея и облегчить себѣ способы къ исполненію своихъ предпріятій; а между тѣмъ, ввелъ войска свои въ Испанію и Португалію; ложно назвалъ королевскую фамилію, отрекшуюся отъ Испанскаго престола, и, противъ желанія испанцевъ, посадивъ на оный брата своего Іосифа, мнилъ покореніемъ сихъ державъ пріумножить силы свои, приготовляемыя для Россіи. Лестію и угрозами набиралъ также многочисленное войско со всѣхъ порабощенныхъ ему державъ, которое составляли 20 народовъ: Франціи, Польши, Австріи, Пруссіи, Баваріи, Голландіи, Швейцаріи, Виртембергскій народъ, Венгріи, Кроаціи, Илліріи, Португаліи, Испаніи и многіе другіе.

Сіи войска долгое время подвигались къ границамъ Россіи, и таковымъ необыкновеннымъ движеніемъ своимъ, несходнымъ съ ожиданіемъ дружественныхъ ея постановленій, подали причину къ подозрѣнію. Россія по необходимости должна была взять осторожность въ безопасности границъ своихъ. Хотя пламя войны Россіи съ Турціей, пылавшее тогда въ Молдавіи и Валахіи, и защищеніе Балтійскихъ береговъ и раздѣлили силы ея, но подозрительные поступки вѣроломнаго друга, большею опасностью заставили непремѣнно и сію сторону обезпечить новыми силами. Наполеонъ на всѣ вопросы на сей пунктъ, ограничивался отвѣтами дружественныхъ увѣреній, но, вмѣсто того, не переставалъ питать злость и продолжать низкость поступковъ своихъ, которые ни съ саномъ его, ни съ какими правилами политики не согласны были, и на которые, конечно, никто изъ государей никогда не дерзнулъ бы посягнуть. Но

Его Величество миролюбивый Императоръ Россійскій, строго наблюдавшій святость союза, всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою Его народа, истощилъ для продолженія мира; и даже по сближеніи обѣихъ сторонъ арміи къ Нѣменю *), еще надѣялся кроткими и миролюбивыми способами отклонить непріязненныя пріуготовленія и сохранить тишину,—однако, всѣ старанія ЕГО были безуспѣшны. Самыя умѣренныя предложенія, наконецъ, остались безъ отвѣта.

Итакъ, лѣвый берегъ Нѣменя покрытъ былъ 600.000 тысячъ человѣкъ наполеоновской арміи и 1.500 пушекъ, а правый — Россійскимъ войскомъ, несравненно малочисленнѣйшимъ. Разставленная по берегу рѣки, и вдоль по пространству границъ, болѣе нежели на 800 верстъ, русская линія состояла подъ командою Князя Багратіона, генерала Тормасова и подъ главнымъ начальствомъ генерала Барклая де-Толли. Его Величество Императоръ Россійскій находился тогда въ Вильнѣ близъ Нѣменя".

Обманывая князей Европы, Наполеонъ, естественно, долженъ былъ обмануть и своихъ солдатъ. Передъ самымъ переходомъ русской границы, онъ отдалъ слѣдующій приказъ „Непобѣдимые французы! Вы творили чудеса во всѣхъ земляхъ и доказали свѣту, что нѣтъ въ подсолнечной народа, который бы не трепеталъ страшнаго грома побѣдъ вашихъ. Нынѣ вамъ открывается пространное поле пожинать лавры и увѣнчать себя безсмертною славою. Вамъ предлежитъ путь въ Россію, побѣдить ее и оставить по себѣ величіе имени Французовъ позднѣйшимъ потомкамъ. Москва и Петербургъ будутъ наградою подвиговъ вашихъ. Вы въ нихъ найдете золото, серебро и другія драгоцѣнныя сокровища. *Вы будете господствовать надъ русскимъ народомъ, готовымъ исполнять раболѣпно всѣ ваши повелѣнія* и дѣлать вамъ удовольствія, какія только угодны будутъ душѣ вашей. Ступайте, друзья, и покажите мужество, достойное имени вашего".

Какъ не похожъ этотъ Наполеоновскій приказъ на тотъ манифестъ, который обнародовалъ нашъ Царь по случаю ополченія и въ которомъ Онъ говорилъ: „взываемъ ко всѣмъ

---

*) Р. Нѣманъ.

Наполеонъ I.

Лицо составлено изъ труповъ, платье изъ Ландкарты на которой означены знаменитыя въ нынѣшнюю войну мѣста сраженій, воротникъ образуетъ кровавое море, поглощающее Корабль. Ленту почетнаго легіона представляетъ кровавая полоса, на коей вмѣсто слова Эрфуртъ начертанъ нынѣшній французскій девизъ Эре фортъ. (т: е: честь пропала) Звѣзда состоитъ изъ паутины, а на плечѣ вмѣсто Эполета лежитъ тяжкая рука Немезиды (богини мщенія). Все сіе вѣнчаетъ орелъ въ видѣ шляпы, у коего глазъ служитъ кокардою шляпѣ, и которой когтями своими изображаетъ волосы.

Приложеніе къ азбукѣ Теребенева на 1812 г.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противъ всѣхъ замысловъ и покушеній врага, да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ русскій! Храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: *со крестомъ въ сердцѣ*, съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ".

Здѣсь надо подчеркнуть то обстоятельство, на которое слабо указалъ Деминскій. Дѣло въ томъ, что только Англія не мирилась съ Наполеономъ, и какъ у него кораблей не было, а Англія, какъ и теперь, была всѣхъ сильнѣе своимъ флотомъ, то и не могъ онъ попасть къ англичанамъ, но зато выгналъ онъ ихъ съ матерой земли отовсюду, запретилъ съ ними торговать, жегъ вездѣ ихъ корабли и товары. Это обстоятельство, въ особенности, многіе считаютъ причиною войны. Борьба Наполеона съ Англіей путемъ закрытія всѣхъ континентальныхъ (материковыхъ) портовъ Европы, или такъ называемая „Континентальная система", въ которую Наполеонъ принудилъ войти государства всей Европы, дѣйствительно вредно отражалась на хозяйствѣ Россіи.

Императрица-Мать въ письмѣ къ Императору Александру I, отговаривая его ѣхать въ 1807 г. на свиданіе съ Наполеономъ, между прочимъ, писала: „Цѣны на предметы первой необходимости возросли столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это равнозначуще голоду, чувствуется недостатокъ въ соли, финансы близки къ банкротству, ассигнаціи потеряли половину своей стоимости, а звонкая монета ходитъ по чрезмѣрному курсу... Между тѣмъ, расходы постепенно растутъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, *одновременно угнетающихъ и деревенскаго жителя и дворянина*. Однимъ словомъ, нѣтъ

сословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено"...

Однако, можно ли это обстоятельство назвать причиною войны? Вспомнимъ, что именно въ это время Наполеонъ развелся со своей первой женой, два раза сватался за сестеръ Императора Александра I, Великихъ Княженъ Анну Павловну и Екатерину Павловну и... оба раза, хотя и подъ благовидными предлогами, но все же получалъ оскорбительные для него отказы. Вспомнимъ, что въ тѣ же дни онъ совершенно беззаконно и безъ всякаго повода захватилъ земли герцога Ольденбургскаго, ближайшаго родственника Россійскаго Царствующаго Дома, лишилъ герцога престола и удалилъ его изъ собственныхъ владѣній.

„Въ томъ, что произошло я долженъ ясно увидѣть желаніе оскорбить Россію", писалъ Императоръ Александръ I-й 1-го января 1811 г. герцогу Ольденбургскому.

Вспомнимъ, что несмотря на свои обѣщанія, что „королевство Польское никогда не будетъ возстановлено", Наполеонъ возстановилъ его подъ именемъ герцогства Варшавскаго, ласкалъ и обнадеживалъ поляковъ и укрѣпилъ нашихъ враговъ на самой границѣ нашей.

Царь Александръ вступилъ на престолъ прародительскій въ 1801 году, Наполеонъ былъ уже въ силѣ великой, но Александръ не устрашился Наполеона. Два раза выходилъ онъ противъ него: въ первый разъ вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ, а въ другой разъ — вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ. Были и для насъ тогда годы тяжелые. Какъ ни храбро сражались русскіе, какъ ни дивился самъ Наполеонъ нашей храбрости, но ему удалось, однакожъ, два раза, хоть не совсѣмъ, но въ двухъ великихъ сраженіяхъ, побѣдить насъ и принуждены мы были съ нимъ мириться. Такъ было подъ Аустерлицемъ въ 1805 году, въ сраженіи, которое называлось „битвою трехъ императоровъ" (хотя Наполеонъ разбилъ австрійцевъ при Ульмѣ раньше, чѣмъ прибыли русскіе, которымъ поэтому и пришлось отступить), такъ было позднѣе и при Фридландѣ.

Но Царь Александръ только мирился, а не подчинялся Наполеону.

Когда мечты Наполеона дошли до крайности, когда онъ захотѣлъ опять идти въ Индію черезъ Россію, завоевать

Китай, покорить Англію, овладѣть даже Америкой, подчинить себѣ весь свѣтъ и сдѣлаться царемъ надъ царями и государемъ надъ государями, не могъ онъ не видѣть, что, пока остается непокоренною русская земля, ему не достигнуть своихъ замысловъ.

Напрасно наводилъ онъ на насъ Швецію, Турцію и Персію; мы ихъ побѣдили и принудили къ миру; мало того, мы получили отъ Турціи — Бессарабію, отъ Швеціи — Финляндію, а отъ Персіи — все Закавказье, Грузію и Имеретію. Тогда увидѣлъ Наполеонъ, что надобно самому ему взяться за оружіе, покорить и уничтожить Россію.

Царь Александръ оказывалъ всевозможную кротость, но не унижался, — не хотѣлъ войны, но не поддавался, и видя, что никакія уступки и никакая дружба не укрощаютъ Наполеона, объявилъ ему, что станетъ защищать оружіемъ ввѣренное ему Богомъ наслѣдіе отцовъ.

Война сдѣлалась послѣ того неизбѣжною.

Изъ всего разсказаннаго русскіе люди поймутъ, кто и каковъ былъ Наполеонъ; поймутъ и то, что Царю Александру предстояла необыкновенная война. Дѣло шло о томъ, кому быть, кому не быть, — обладать ли Наполеону цѣлымъ свѣтомъ, или Россіи, если она побѣдитъ Наполеона, сдѣлаться первымъ государствомъ. Наполеонъ уже испыталъ русскихъ, зналъ, что побѣждать ихъ или невозможно, или слишкомъ тяжело, что въ Россіи уже насыпаны курганы надъ татарами, поляками и шведами, и онъ, собравъ полчища свои, все еще тихо и осторожно двигался къ Россіи, все еще велъ переговоры и хитрилъ съ нами.

Царь Александръ видѣлъ грозу, взвѣсилъ опасность, предалъ жребій царства своего въ руки Божіи и, не отрекаясь отъ мира, сильно и поспѣшно готовился къ борьбѣ кровавой, къ войнѣ безъ мира. Крѣпко надѣялся онъ на Бога, уповалъ на правоту и народъ свой, и Богъ благословилъ его, правда восторжествовала, а дѣды наши оправдали надежду Царя Александра — не выдали врагу земли Русской.

„Еще три года и я буду владыкой вселенной, — остается только Россія, но я раздавлю ея“, хвастался еще въ 1810 году Наполеонъ. Царь же Александръ, какъ мы говорили, молча, уповалъ на Бога, на правду и силу своего народа, но обнажая мечъ свой, онъ сказалъ, что „не вложитъ его въ ножны,

пока ни единаго врага не останется въ землѣ русской“; сказалъ, что „скорѣе перенесетъ столицу свою въ Сибирь, нежели примирится съ врагомъ“. Императоръ Александръ I призвалъ на помощь Бога, оперся на свое христолюбивое воинство, на свой православный народъ и исполнилъ свое царское слово.

II.

Отъ Нѣмана—до Смоленска.

„На зачинающаго—Богъ“.

(Слова Императора Александра въ приказѣ по арміи).

12-го іюня началась война кровавая, смертельная; Наполеонъ перешагнулъ въ этотъ день предѣлы Россіи, р. Нѣманъ, и войска его покрыли землю русскую, какъ безчисленныя тучи саранчи.

Царь Александръ ввѣрилъ свое воинство мужественнымъ и опытнымъ вождямъ, но у насъ было едва 200 тысячъ человѣкъ, ибо значительная наша армія оставалась на границахъ Турціи, съ которой миръ пока еще не былъ подписанъ

Это 200-тысячное войско было раздѣлено на три арміи подъ командою: 1-я—военнаго министра Барклая-де-Толли (въ Виленской губ.), 2-я—князя Багратіона (въ Гродненской губ.), а 3-я (на границѣ съ Австріей)—генерала Тормасова.

13-го іюня въ ночь, въ Вильнѣ, Императоръ Александръ получилъ извѣстіе, что полчища Наполеона перешли Нѣманъ, и на утро отдалъ приказъ по арміи, кончавшійся историческими словами: „Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу! Я съ вами! *На зачинающаго Богъ!*“ Послѣднія слова были пророческими.

И все-таки миролюбивый Царь нашъ, несмотря на то, что Наполеонъ вступилъ на русскую землю, послалъ къ нему навстрѣчу генерала Балашева сказать, что Царь рус-

скій и теперь готовъ на миръ, лишь бы войска Наполеона ушли за русскую границу.

Дерзкій, не знавшій предѣловъ, корсиканецъ посмѣялся надъ царскимъ посланникомъ и, между прочимъ, осмѣлился спросить его, по какой дорогѣ лучше всего пройти на Москву, но Балашевъ нашелся и отвѣтилъ Наполеону, что на Москву можно прійти разными дорогами и что Карлъ XII шелъ туда *черезъ Полтаву...* Увѣряютъ, что Наполеонъ не обратилъ на этотъ отвѣтъ вниманія, но вѣрить этому нельзя: онъ хорошо зналъ, какъ наказали мы шведовъ подъ Полтавою.

Итакъ, въ началѣ войны на одного нашего воина приходилось три непріятельскихъ, даже считая отдѣленную армію Тормасова, а, между тѣмъ, намъ нужно было еще отдѣлить отъ первой арміи одинъ корпусъ для защиты дороги на Петербургъ, а другой—для Риги.

Силы наши были слишкомъ слабы и Государь рѣшилъ созвать народное ополченіе, и для того, чтобы, по его словамъ, „возбудить духъ народа и склонить на новыя пожертвованія своихъ подданныхъ", Императоръ Александръ вскорѣ же уѣхалъ въ Москву—сердце Россіи.

Весь путь Государя былъ торжественнымъ шествіемъ, повсюду всѣ сословія ликовали, привѣтствуя своего Царя и то единеніе Царя съ народомъ, которое мы видѣли всѣ два года назадъ въ Полтавѣ, а въ прошломъ году—въ Кіевѣ, впервые Богъ далъ 100 лѣтъ назадъ.

При въѣздѣ въ Смоленскъ толпы народа всѣхъ званій съ восторгомъ встрѣчали своего Вождя. Народъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ для спасенія Отечества.

Смоленское дворянство вооружило 20 тысячъ ратниковъ, а крестьяне, тогда еще крѣпостные, любовно отпуская своихъ сыновъ въ ополченіе, сотнями возовъ доставляли свой хлѣбъ и другой провіантъ для войскъ.

Счастливъ былъ Царь, видя, что народъ за одно съ нимъ, но въ Смоленскѣ это счастіе усугубилось извѣстіемъ, что Кутузовъ подписалъ съ турками миръ и его армія, теперь свободная, могла идти на Наполеона. Желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ тогда не было и арміи этой, въ которой служилъ мой отецъ, не скоро пришлось дойти до новаго врага, — ей именно судилъ Богъ потомъ гнать Наполеона изъ Россіи за Березину.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I.

Такія же встрѣчи, тотъ же восторгъ, горячее патріотическое чувство народа Царь находилъ вездѣ по дорогѣ въ Москву, — въ Дорогобужѣ, въ Вязьмѣ, въ Можайскѣ, но восторгъ народа точно росъ по мѣрѣ приближенія Царя къ Москвѣ, откуда сотни тысячъ горожанъ и окрестныхъ жителей шли густой толпой навстрѣчу Императору Александру, точно крестнымъ ходомъ. Царь, видя запруженною дорогу, не рѣшился въѣхать въ Москву днемъ, во избѣжаніе несчастій, народъ же хотѣлъ выпречь лошадей и на рукахъ нести Царя. Нарочито Царь задержался въ одной изъ деревень и въѣхалъ въ Москву ночью, но... народъ не уходилъ: съ крестами и хоругвями, съ фонарями и факелами встрѣтилъ Государя и немолчное ура и клики провожали Императора Александра до Кремля. Всю ночь народъ не расходился и, когда на утро Царь, идя въ Соборъ отстоять молебенъ, вышелъ на Красное Крыльцо, глазамъ Его представилось море людское, покрывшее не площади одни и улицы, но деревья и крыши домовъ.

Царь съ Краснаго Крыльца поклонился народу, а народъ ему отвѣтилъ такимъ ура, что заглушилъ и звонъ колокольный и громъ пушекъ. Въ вратахъ Успенскаго собора Царя встрѣтилъ преосвященный Августинъ святымъ крестомъ и словами: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Съ тѣхъ поръ, до нашихъ дней (и такъ во вѣки будетъ), эти слова пророка Исаіи поются въ церкви 25-го декабря, когда празднуется избавленіе Россіи отъ нашествія двадесяти языкокъ.

Памятенъ навсегда будетъ тотъ часъ, когда встрѣтили Царя москвичи, когда по его слову всѣ готовы были взяться за оружіе: дворянство поголовно просилось въ бой, купечество безъ счета жертвовало деньги, духовенство усердно молилось о побѣдѣ, а крестьянство сжигало свои хижины, скрывалось въ лѣсахъ и билось до смерти на пепелищѣ жилищъ своихъ, только врагу не поддавалось. Ожили Пожарскіе, Минины, Палицыны въ своихъ потомкахъ. Вся Россія воспряла духомъ.

Когда Государь 15-го іюля въ Слободскомъ Дворцѣ лично обратился къ дворянству и купечеству, то московскіе дворяне обязались поставить 80 тысячъ ратныхъ людей и

дать 3 милліона рублей; купечество же на мѣстѣ подписало около 10-ти милліоновъ. Вѣсть объ этомъ прошла по всей Руси, и въ какихъ нибудь 2 мѣсяца собрано было почти до 100 милліоновъ рублей и свыше 300 тысячъ ратниковъ; народъ же, недовольствуясь тѣмъ, что отдавалъ Родинѣ свои рабочія силы, сыновъ своихъ, вооружался самъ, а при извѣстіи, что непріятель близко,—присоединялся къ партизанамъ, о подвигахъ которыхъ буду говорить дальше.

По словамъ нашего славнаго поэта В. А. Жуковскаго:

„Все бранью вспыхнуло, все кинулось къ мечамъ,
И грозно въ бой пошла съ Насиліемъ—Свобода.
Тогда явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей“...

Однимъ изъ первыхъ „кинулся къ мечу“ самъ Жуковскій, будущій воспитатель Императора Александра II, тогда юный еще, но много обѣщавшій и оправдавшій надежды, поэтъ. Ушелъ въ ополченцы и другой нашъ славный поэтъ—Козловъ; но что говорить о мужчинахъ, если въ этой славной войнѣ участвовала даже дѣвушка, Надежда Дурова, 17 лѣтъ бѣжавшая изъ родительскаго дому и поступившая въ уланскій полкъ простымъ солдатомъ. Дурова совершила чудеса геройства, была лично Императоромъ Александромъ I награждена орденомъ Св. Георгія и названа Александровымъ, произведена въ офицеры и прослужила до чина штабъ-ротмистра.

Богатые люди — жертвовали сотнями тысячъ, кто ихъ не имѣлъ—жертвовалъ собою, и такъ отъ Великаго Князя Константина Павловича и принца Виртембергскаго до крестьянина глухой деревни, вплоть до знаменитой старостихи Василисы, на вилахъ которой не мало погибло враговъ.

Православные! вы увидите дальше, что въ бой шли дьячки, что за Вѣру и Родину гибли священники, дворяне, мѣщане, крестьяне — всѣ сословія и полы, а кто не могъ этого сдѣлать по старости лѣтъ, какъ напримѣръ, нашъ славный писатель Новиковъ, тотъ устраивалъ госпиталь, если были средства, или ухаживалъ за ранеными.

Да, отъ Царя и до крестьянина встала тогда вся Русь, этимъ единствомъ она и побѣдила врага.

Тогда, увѣренный въ народѣ своемъ и обнадеженный вѣрою въ Бога, Царь Александръ изъ Москвы поспѣшилъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, какъ огненный потокъ, текло грозное воинство Наполеона по русской землѣ. Гдѣ оно проходило, тамъ оставались только пожарища. Ни церкви Божіи, ни хижины поселянъ, ни чертоги вельможъ не оставались цѣлы—все сокрушалось и предавалось огню.

Русское воинство принимало на себя страшные и гибельные удары могущаго врага. Помня, что ему надобно стоять за русскую землю, оно не уклонялось отъ врага, рвалось въ бой, хотѣло испытать, чей переломится мечъ скорѣе, русскій или вражій. Однако, до главной битвы не доходило, и съ уныніемъ въ душѣ, наше воинство отступало. Такъ приказывали ему полководцы, избранные Царемъ.

Какъ я и сказывалъ уже, два главные были у насъ тогда полководца: генералъ отъ инфантеріи Михайло Богдановичъ Барклай де-Толли, нѣмецъ по имени, но русскій по рожденію и по душѣ, и генералъ отъ инфантеріи князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, потомокъ царей грузинскихъ, — русскій по сердцу и храбрости.

Багратіонъ былъ старше, но уступилъ первенство Барклаю де-Толли. Они не походили другъ на друга: насколько Барклай былъ мужественъ, но остороженъ, предусмотрителенъ и дальновиденъ, настолько Багратіонъ былъ полонъ огня и стремительности.

Съ начала войны, какъ вы видѣли, въ предѣлахъ русскихъ остановить Наполеона было невозможно,—ни мѣста удобнаго не было, ни силы не позволяли. Полководцы наши отступали, раздѣлившись на двѣ арміи, съ тѣмъ, чтобы обѣимъ соединиться въ условленномъ мѣстѣ. Наполеонъ вдругъ ринулся къ Ригѣ, къ Кіеву, къ Петербургу, а главное войско его, гдѣ былъ онъ самъ, шло прямикомъ на проломъ на двѣ наши главныя арміи—Барклая и Багратіона.

Славно защищалъ тогда дорогу въ нашу сѣверную столицу мужественный вождь графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ; тамъ то легъ тогда за матушку Россію и генералъ Я. П. Кульневъ.

Наполеонъ не давалъ нашимъ арміямъ опомниться, безпрерывно врѣзывался между Барклаемъ и Багратіономъ

Яковъ Петровичъ Кульневъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ, главу на щитъ склонилъ
И стиснулъ мечъ во длани.
Жуковскій.

и наши полководцы едва успѣвали распорядиться, чтобы онъ совсѣмъ не раздѣлилъ ихъ. Такое раздѣленіе было бы ужасно, ибо на одного нашего пришлось бы по четыре врага и каждая наша армія была бы разбита отдѣльно.

Русскіе трепетали отъ негодованія... но отступали; готовы были умереть за каждый шагъ земли, а уже сотни верстъ отданы были во власть непріятеля. Много славныхъ дѣлъ можемъ мы теперь припомнить, но послѣ каждаго дѣла полководцы приказывали опять отступать и русскіе стройно отступали...

Зачѣмъ? — Таковъ былъ зрѣло обдуманный полководцами нашими и одобренный Государемъ планъ.

Многіе продолжаютъ еще думать, что Наполеонъ былъ побѣжденъ русскими морозами и что плана войны никакого не было. Это жестокая ошибка. Планъ былъ и принадлежалъ генералу М. Б. Барклаю-де-Толли.

Еще въ 1807 году, послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, гдѣ мы, сражаясь за Пруссію, отбили всѣ атаки Наполеона, Барклай-де-Толли, раненый, лежа въ Мемелѣ, сказалъ: *„если бы мнѣ пришлось воевать съ Наполеономъ и меня сдѣлали бы Главнокомандующимъ, я избѣгалъ бы главнаго сраженія и отступалъ бы до тѣхъ поръ пока Наполеонъ не нашелъ бы второй Полтавы“...*

Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Нашъ Витгенштеинъ, вождь-герой,
Петрополя спаситель,—
Хвала! Онъ щитъ землѣ родной,
Онъ хищныхъ истребитель.
Жуковскій.

И вотъ черезъ пять лѣтъ Барклаю-де-Толли довелось съ начала войны и почти до самаго Бородино осуществлять этотъ планъ—заманиванія Наполеона вглубь и уклоненія отъ рѣшительныхъ сраженій.

Надо правду сказать, тогда не только народъ и войско, но даже образованное наше общество не понимало необходимости отступленія, всѣ роптали, даже обвиняли въ измѣнѣ благороднаго героя Барклая, но онъ молча страдалъ отъ упрековъ, зная, что уводя войско вглубь страны и тѣмъ спасая армію отъ неминуемаго разгрома вчетверо (и болѣе) сильнѣйшимъ непріятелемъ, онъ спасалъ Россію и готовилъ ей торжество.

Лучшимъ доказательствомъ того, что планъ заманиванія Наполеона былъ и принадлежалъ нашему славному полководцу, служитъ документъ, найденный мною, въ Царскомъ Хранилищѣ.

Вотъ этотъ документъ, который называется: „Извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ изъ Главной квартиры отъ 17-го Іюня“.

„Въ Февралѣ мѣсяцѣ войска Французскіе перешли Эльбу и Одеръ, направляя движеніе свое къ Вислѣ. Съ того времени война казалась неизбѣжной. Государь Императоръ рѣшился предпринять только мѣры осторожности и наблюденія, въ надеждѣ достигнуть еще продолженія мира, почему

и расположилъ войска свои, согласно съ симъ намѣреніемъ, не желая съ своей стороны подать ни малѣйшаго вида къ нарушенію тишины. Сіе особливо принято было потому, что *опыты прошедшихъ браней и положеніе нашихъ границъ побуждаетъ предпочесть оборонительную войну наступательной,* по причинѣ великихъ средствъ, приготовленныхъ непріятелемъ на берегахъ Вислы. Въ концѣ Апрѣля французскія силы были уже собраны. Не взирая, однакожъ, на это, воинскія дѣйствія открыты не прежде 12-го Іюня: доказательство уваженія непріятеля къ принятымъ нами противъ него мѣрамъ.

Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденіемъ,
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко...
Пушкинъ.

Корпусы подъ начальствомъ фельдмаршаловъ: Нея, Даву, Удино, Макдональда, Князя Понятовскаго и Гвардія, перешли Нѣманъ почти въ одно время въ Юрбургѣ, Ковнѣ, Олитѣ и Меречѣ. Какъ скоро Его Величество узналъ о семъ движеніи, *то повелѣлъ войскамъ своимъ соединиться.* Пункты соединенія должны быть въ нѣкоторомъ разстояніи отъ границы, а особливо, когда она имѣетъ не малое протяженіе. *По сему расположенію всѣ корпусы бывшіе впереди, должны обратиться къ занятію назначенныхъ заблаговременно имъ мѣстъ;* и сіе движеніе нынѣ совершается.

Нынѣшній день армія находится въ слѣдующемъ положеніи:

Корпусъ графа Витгенштейна находится близъ Вилькомира, корпусъ генерала Баговута у Ширвинтъ, между Вилькомиромъ и Вильною, корпусъ генерала Тучкова и Шувалова—у Вильны.

Резервъ, состоящій изъ гвардіи, у Свенцянъ. Армія князя Багратіона идетъ отъ Слонима къ Вилейкѣ.

Обсерваціонная армія генерала Тормасова—въ Луцкъ.

Сіе соображеніе требуетъ того, чтобы избѣгать главнаго сраженія, доколѣ князь Багратіонъ не сблизится съ первою арміею и потому нужно было Вильну до времени оставить.

Дѣйствія начались и продолжаются уже пять дней, но ни который изъ корпусовъ нашихъ не былъ еще атакованъ, а потому сія компанія показываетъ уже начало весьма различное отъ того, какимъ прочія войны Императора Наполеона означались.

Происходили нѣкоторыя *сшибки*, въ которыхъ гвардейскіе казаки себя отличили".

Въ 20-хъ числахъ іюня значительная часть нашихъ войскъ собралась въ лагерѣ при Дриссѣ и здѣсь, 27-го іюня 1812 года Императоръ Александръ 1-й отдалъ слѣдующій „Приказъ по арміямъ":

„Русскіе воины! Наконецъ вы достигли той цѣли, къ которой стремились, когда непріятель дерзнулъ вступить въ предѣлы нашей Имперіи; вы были на границѣ для наблюденія оной. До совершеннаго соединенія Арміи Нашей, *временнымъ и нужнымъ отступленіемъ* удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкій шагъ непріятеля.

Нынѣ всѣ корпусы 1-й Нашей Арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсть награду за понесенные труды.

Нынѣшній день, ознаменованный Полтавскою побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разили враговъ своихъ: вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на вѣру, честь, Отечество и семействъ вашихъ. Правду нашу видитъ Богъ, и ниспошлетъ на васъ благословеніе свое".

Господь Богъ внялъ молитвѣ Царя и народа и благословилъ Россію и ея войско цѣлымъ рядомъ побѣдъ.

Выше я сказалъ, что и за время отступленія можно было бы припомнить много славныхъ дѣлъ. Не буду перечислять ихъ, но приведу сейчасъ же два весьма цѣнныхъ документа.

7-го іюля, изъ Полоцка, генералъ Барклай-де-Толли въ предписаніи своемъ генералу графу Витгенштейну, писалъ слѣдующее *):

„Ваше Сіятельство остаетесь теперь отдѣленными съ ввѣреннымъ вамъ корпусомъ и Всемилостивѣйшій нашъ Государь съ полною довѣренностью препоручаетъ вамъ защиту того края, въ коемъ вы дѣйствовать будете и съ предоставленіемъ вамъ полной власти поступать во всѣхъ случаяхъ по собственному вашему усмотрѣнію.

Предметы вашихъ операцій состоятъ въ удерживаніи, а ежели возможно, то въ разбитіи непріятеля, который вамъ можетъ противуставленъ быть.

Пріятно мнѣ присовокупить полученное мною вчерашняго дня извѣстіе, что корпусъ генерала Платова, составляющій авангардъ князя Багратіона, идущаго на соединеніе съ 1-ю Арміею, при м. Романовичи, разбилъ и истребилъ совершенно девять непріятельскихъ полковъ кавалерійскихъ.

Въ плѣнъ взято болѣе 50 штабъ и оберъ офицеровъ и 1.000 человѣкъ рядовыхъ.

Сегодня во ввѣренной мнѣ Арміи, отслужатъ по случаю Сей Побѣды молебствіе Всевышнему.

Ваше Сіятельство конечно дадите и вашего корпуса войскамъ участвовать во всеобщей сей радости“.

Графъ Витгенштейнъ, конечно, не замедлилъ сдѣлать это, но къ этой „всеобщей“ радости присоединилась у войскъ его корпуса и своя радость.

Не получивъ еще этого предписанія, Витгенштейнъ писалъ Барклаю въ своемъ рапортѣ отъ 15-го іюля 1812 г. изъ м. Рѣчицы слѣдующее *):

„Препятствовать шествію непріятеля чрезъ Псковъ къ С.-Петербургу, буде онъ на сіе рѣшится, я довольно въ силахъ, ибо мой корпусъ состоитъ изъ двадцати пяти тысячъ,

---

*) Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

и судя по многимъ *малымъ дѣламъ,* которыя имѣлъ авангардъ мой съ непріятелемъ, находя всегда его въ трое превосходныхъ противъ меня силахъ, кромѣ большаго числа убитыми, въ продолженіи съ 3-го сего іюля, по 13-е число взято въ плѣнъ: бригадный генералъ де-Сенъ-Женисъ, 5 офицеровъ и болѣе тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, истребя при этомъ совершенно два кавалерійскихъ полка: 11-й конно-егерскій и 10-й польскогусарскій, съ нашей же стороны во все время потеря была весьма малая, почему прикрыть С.-Петербургъ отъ непріятеля мой корпусъ будетъ въ состояніи и Ваше Сіятельство съ этой стороны можетъ быть покойнымъ".

Забирая въ плѣнъ генераловъ и десятки офицеровъ, истребляя цѣлые полки непріятельскіе и именуя это мелкими „стычками" и „сшибками", войска наши продолжали въ порядкѣ отступать, причемъ арміи Барклая и Багратіона стремились соединиться, а Наполеонъ—отрѣзать ихъ другъ отъ друга. Ему удалось лишь отрѣзать четыре полка подъ начальствомъ Дорохова. Этотъ блестящій генералъ, будущій выдающійся партизанъ и герой Бородина, въ 10 дней усиленныхъ переходовъ соединился съ арміей Багратіона, которому идти на соединеніе было гораздо труднѣе Барклая,—непріятель шелъ и за нимъ и на перерѣзъ ему.

Узнавъ черезъ казаковъ знаменитаго Платова, гдѣ непріятель, Багратіону не разъ приходилось мѣнять свой путь, давать непріятелю съ большимъ успѣхомъ сраженія у Салтановки *), с. Мира и др. и, хотя Наполеонъ и клялся, что „Багратіонъ не увидитъ Барклая"—они все же соединились.

Наполеонъ обвинилъ въ этой неудачѣ своего брата Іеронима, командовавшаго большимъ корпусомъ, и даже отчислилъ его изъ арміи, но это дѣлу не помогло и Багратіонъ, несмотря на то, что страшныя жары смѣнялись ливнями, портившими дорогу, несмотря на то, что и въ Могилевѣ непріятель сталъ на его дорогѣ, все же обошелъ его и 21-го іюля прибылъ въ Смоленскъ.

Тяжело было и Барклаю съ первой арміей, въ особенности 13-го и 14-го іюля, когда бои подъ Витебскомъ были такъ жестоки, что Наполеонъ считалъ ихъ за рѣшительные, но... Барклай, согласно задуманнаго имъ плана, вновь отступилъ.

---

*) Гдѣ обезсмертилъ себя славою генералъ Раевскій съ 2 сыновьями.

Въ этихъ дѣлахъ особенно отличались наши генералы: гр. Остерманъ и гр. Коновницынъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся героевъ всей войны. Потомки гр. Коновницына сохранили многія реликвіи своего славнаго предка, а среди нихъ слѣдующее письмо, которое онъ писалъ женѣ своей на другой день сраженія.

Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

И ты!.. и ты!.. Багратіонъ!
Вотще друзей молитвы,
Вотще ихъ плачъ... во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.

Жуковскій.

„Я не посрамился передъ всѣми; былъ со стрѣлками впереди, имѣлъ противъ себя два корпуса и самого Бонапарта; даже его самого видѣлъ, сходно съ показаніемъ плѣнныхъ—на маленькой бѣлой лошадкѣ безъ хвоста. Отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ пополудни я дрался съ 4-мя полками и двумя баталіонами сводныхъ гренадеръ противъ, смѣю сказать, 60-ти тысячъ человѣкъ. Скажу тебѣ, мой другъ, не посрамился; ни ты, ни дѣти за меня не покраснѣютъ.

„Я цѣлый день держалъ самого Наполеона, который хотѣлъ обѣдать въ Витебскѣ; но онъ не попалъ и на ночь — развѣ на другой день. Наши дерутся какъ львы, но мы не соединены. Багратіонъ, Платовъ и Витгенштейнъ отъ насъ отрѣзаны.

„Мы въ худомъ положенiи. Авось, Богъ насъ невидимо избавитъ. Ты не думай, я себя не посрамлю и охотно умру за мое отечество. Дѣтей и тебя Богъ не оставитъ, а отечество мое, можетъ быть меня вспомнитъ. Вообрази, мой другъ, что двѣ батареи у меня были уже взяты; но явился я съ первыми рядами: все было переколото и пушки цѣлы. О наградахъ не думаемъ... Это дѣло не наше“.

Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библiотекъ.

Хвала тебѣ, славянъ любовь,
Нашъ Коновницынъ смѣлый!..
Ничто ему толпы враговъ,
Ничто мечи и стрѣлы.

Жуковскiй.

Такихъ героевъ Россiя не забываетъ.

Не оставалась безъ дѣла и 3-я армiя, Тормасова. При Городечнѣ, имѣя 25 тысячъ противъ 40 тысячъ нѣмцевъ и саксонцевъ Шварценберга и Ренье, онъ отбилъ всѣ атаки, послѣ чего у г. Луцка ждалъ приближенiя нашей армiи, шедшей изъ Молдавiи, послѣ мира съ турками.

Но вотъ, наконецъ, наступило соединенiе армiй. Кому быть Главнокомандующимъ? Багратiонъ былъ старше чиномъ и Барклай раньше у него бывалъ не разъ подъ командою, но теперь Барклай былъ военнымъ министромъ и герой Багратiонъ не задумался: онъ просто и добровольно явился къ нему и вступилъ подъ команду младшаго. Въ часъ, когда нужно спасать родину — герои не считаются чинами. Государь наградилъ Багратiона, а Барклая утвердилъ Главнокомандующимъ.

Теперь, послѣ успѣховъ Витгенштейна и Платова, послѣ

нашихъ удачъ при Мирѣ и Салтановкѣ, когда наконецъ соединились наши арміи, Барклай де-Толли, *казалось бы* не имѣлъ основаній оттягивать генеральное сраженіе, котораго одинаково жаждали и Наполеонъ и русскіе. Духъ Наполеона видимо упалъ, когда въ Витебскѣ онъ прочелъ манифестъ Императора Александра I объ ополченіи. Передъ нимъ всталъ грозный призракъ *народной войны,* передъ нимъ легла теперь необъятная ширь Великой Россіи и сердце Наполеона забилось тревогой. Пугала его эта громадная Держава, раскинувшаяся отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря, отъ Нѣмана до Тихаго океана, но еще болѣе тревожила *народная война,* которую его Маршалы уже испытали въ Испаніи.

Однако, несмотря на совѣты его генераловъ теперь же зазимовать между Двиною и Днѣпромъ, Наполеонъ жаждалъ скорой развязки, и хотя ему пришлось отдѣлить нѣсколько корпусовъ для защиты тыла, для сообщеній, противъ Риги, противъ Тормасова, противъ Витгенштейна, послѣ чего у него осталось только около 200 тысячъ — онъ двинулся впередъ.

Только 200... А у насъ было едва сто двадцать тысячъ...

Вблизи Смоленска произошелъ рядъ мелкихъ и крупныхъ сраженій, въ которыхъ Барклай никакъ не могъ найти Наполеона и наоборотъ...

Платовъ у Молева болота обратилъ въ бѣгство французскую кавалерію, но Наполеонъ хитро повернулъ къ оставленному нашими войсками Смоленску и при с. Красномъ со всей своей громадной кавалеріей, обрушился на одну дивизію генерала Невѣровскаго, которому приказано было, во что бы то ни стало, прикрыть собою нашу армію, спѣшившую къ Смоленску и на московскую дорогу.

Славное сраженіе — почти безпримѣрное!

Построивъ свою дивизію въ карэ, Невѣровскій сказалъ солдатамъ: „Помните, ребята, чему васъ учили: кавалерія не побѣдитъ васъ, только стрѣляйте мѣтко, не торопясь“.

Противъ Невѣровскаго дѣйствовалъ знаменитый французскій полководецъ Мюратъ, горячій и пылкій генералъ, но именно горячность-то эта и спасла спокойнаго Невѣровскаго. Мюратъ забылъ объ артиллеріи, лихо нале-

Бой подъ Краснымъ 2-го Августа 1812 г. Подвигъ генерала Невѣровскаго.

Дмитрій Петровичъ Невѣровскій.

талъ на желѣзное карэ Невѣровскаго, но всѣ атаки отбивались и Невѣровскій, шагъ за шагомъ, уходилъ пока не наступила ночь... Въ этотъ день 2-го августа, мы потеряли 1.500 человѣкъ, а французы свыше 5.000...

На утро 3-го августа къ Невѣровскому присоединился Раевскій, затѣмъ Дохтуровъ и Коновницынъ. На ихъ долю и выпало защищать нашъ древній и славный Смоленскъ, котораго еще Царь Годуновъ называлъ „дорогимъ ожерельемъ Россіи",—Смоленскъ, о стѣны котораго двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ разбились враги наши—поляки.

На записку Раевскаго князю Багратіону, что онъ одинъ съ Невѣровскимъ, т. е. всего съ 15-ю тысячами, вынужденъ принять на себя ударъ всей арміи Наполеона, Багратіонъ отвѣтилъ: „Другъ мой, не иду, а бѣгу. Держись, Богъ тебѣ въ помощь".

И Раевскій держался, отбивая весь день атаки, и Наполеону не удалось захватить Смоленскъ врасплохъ. Къ вечеру 4-го августа пришелъ и Багратіонъ, но Барклай де-Толли, видя, что Наполеонъ можетъ выйти на Московскую дорогу, самъ двинулъ на нее всю армію, а прикрывать отступленіе оставилъ въ Смоленскѣ Дохтурова, Невѣровскаго и Коновницына всего лишь съ 20-ю тысячами войска.

Впрочемъ, какъ увидите, Барклай не оставилъ ихъ безъ подкрѣпленій въ тяжелую минуту.

III.

От Смоленска—до Бородина.

Это было 5-го августа.

Впослѣдствіи Наполеонъ не разъ поминалъ „*взятіе*“ Смоленска, но это было только хвастовство, ибо мы и не отстаивали города, а прикрывали лишь отступленіе главной арміи. Какъ ни былъ дорогъ русскому сердцу Смоленскъ, дать главное сраженіе здѣсь было бы безуміемъ, и потому, уходя на Московскую дорогу, Барклай де-Толли поручилъ Дохтурову держаться въ стѣнахъ города, пока возможно будетъ, для того лишь, чтобы соединившіяся арміи могли выйти на дорогу въ Москву.

Дохтуровъ былъ боленъ, но, какъ онъ выразился, „предпочелъ умереть на полѣ брани, чѣмъ въ кровати“ и принялъ на себя очень тяжелую задачу бороться цѣлый день со всей арміей Наполеона, который почему то вѣрилъ, что здѣсь онъ втянетъ Барклая де-Толли въ общее сраженіе. Не зная, что противъ него только 20.000 войскъ, Наполеонъ сталъ громить городъ сразу изъ 150 орудій. Стѣны города были крѣпки, но снаряды производили громадныя опустошенія въ самомъ городѣ и зажигали дома. Только среди дня узналъ Наполеонъ, что онъ обманулся и что Барклай уходитъ; тогда онъ сталъ искать брода и не нашелъ. Выше города и моста навести нельзя было, ибо Багратіонъ не допустилъ бы наводку, и Наполеону ничего не оставалось, какъ взять Смоленскъ, и онъ повелъ атаку, приказавъ идти впереди своимъ полякамъ.

Генералы Понятовскій, Грабовскій и Заіончекъ, какъ ихъ прадѣды, узнали крѣпость Смоленскихъ стѣнъ и доблесть его защитниковъ,—Грабовскаго закололи, Заіончека ранили, а Понятовскій, несмотря на лихость его атаки отступилъ. Поляки съ одной стороны, а маршалы Ней и Даву съ двухъ другихъ, весь день бросались въ атаку, но... далѣе городской стѣны ихъ не пускали войска Дохтурова, Коновни-

Бой подъ Смоленскомъ.

Съ картины П. Гессе, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

Копія картины подарена Императоромъ Николаемъ I Смоленскому дворянству.

цына, Раевскаго и Невѣровскаго, который и здѣсь со своей дивизіей велъ себя такимъ же героемъ, какъ и у Краснаго.

Въ 6-мъ часу Наполеонъ приказалъ сразу всѣмъ тремъ корпусамъ идти на штурмъ, но Барклай де-Толли прислалъ въ помощь защитникамъ Смоленска дивизію принца Евгенія Виртембергскаго, а потомъ дивизію Олсуфьева, и штурмъ былъ отбитъ. Въ 7 часовъ онъ былъ повторенъ, но Наполеонъ опять потерпѣлъ неудачу. Онъ обвинялъ своихъ маршаловъ въ этихъ неудачахъ, ибо видѣлъ, что всю его армію задерживалъ маленькій отрядъ русскихъ, главная же армія уходитъ. Такъ и было.

Отступивъ отъ Смоленска Дохтуровъ оставилъ Наполеону развалины вмѣсто города, унеся изъ городского Успенскаго собора Чудотворную икону Смоленской Божьей Матери, которая съ того времени и оставалась при арміи.

Успенскій Соборъ въ г. Смоленскѣ, гдѣ пребываетъ чудотворная икона Смоленской Божьей Матери Одигитріи (Путеводительницы).

Покидая Смоленскъ, русскіе роптали, ибо не вѣрили уже Барклаю, не понимая его, но этотъ ропотъ прекратился бы, если бы они видѣли въѣздъ Наполеона въ пылавшій и уничтоженный городъ.

Даже французы-историки разсказываютъ, что Наполеонъ, занявъ Смоленскъ, былъ мраченъ какъ туча. Куда онъ ни приходилъ, всюду онъ находилъ развалины, пожаръ, уничтоженные запасы, населеніе же или защищающимся или ушедшимъ въ лѣса. Русскіе отстаивали каждую пядь родной земли, безумно храбро сражались въ мелкихъ бояхъ, а отъ большого уклонялись... До Смоленска уже Наполеонъ потерялъ 30.000 войска, 5.000 лошадей, 500 телѣгъ и теперь шелъ по

Чудотворная икона Смоленской Божьей Матери Одигитріи (Путеводительницы) въ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ г. Смоленска.

опустошеннымъ мѣстамъ. Его армія начинала роптать и понятно,—вспомните, что онъ ей обѣщалъ въ своемъ приказѣ, а хлѣба и фуража нигдѣ не оказывалось, ибо, если не войска наши, то крестьяне все жгли... Наполеонъ сталъ было отправлять за провіантомъ маленькіе отряды вглубь, въ стороны отъ дорогъ, но... здѣсь было не лучше, ибо если не казаки, то крестьяне, вооруженные исправниками или кѣмъ либо изъ дворянъ, заваливали верстовыми столбами и деревьями дороги, встрѣчали врага въ засадахъ и уничтожали его.

Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ Деминскій о крестьянахъ Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи:

„Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, исправникъ Буславскій, пріѣхавъ того уѣзда въ село Тесовъ, въ 50 верстахъ отстоявшее отъ города Гжатска, и собравъ крестьянъ, вооруженныхъ пиками, велѣлъ имъ во всѣхъ случаяхъ обороняться отъ непріятеля. Крестьяне на другой же день перекололи французовъ 130 человѣкъ и тамъ же на мѣстѣ похоронили, а 60 перевязали и отвели въ городъ Сычевку. Изъ крестьянъ два убито и два тяжело ранено.

Сычевскій уѣздъ болѣе всѣхъ оказалъ отличія и храб-

рости въ безпрерывномъ и отважномъ отраженіи непріятелей, нападавшихъ на него. Отставной маіоръ Емельяновъ взялъ на себя обязанность командовать жителями города Сычевки, а исправникъ—жителями всего уѣзда, кои обороняли не только Сычевскій уѣздъ, но и всѣ окружныя мѣста, на нихъ надежду полагавшія.

Жители Сычевскаго уѣзда поклялись ни на пядь не выступать изъ своихъ окрестностей, пока непріятель близъ ихъ находиться будетъ. Много непріятелей погибло отъ рукъ ихъ. Маіоръ Емельяновъ запечатлѣлъ тогда жизнію любовь свою къ отечеству. При всемилостивѣйшемъ награжденіи сихъ ревностныхъ защитниковъ общей безопасности, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, собрать свѣдѣнія, не осталось ли послѣ маіора Емельянова семейства, для приличнаго оному награжденія, въ память сего храбраго офицера. Но, по полученнымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что остались послѣ него только два родные брата, Сычевскіе мѣщане, Савелій и Андрей Емельяновы. Его Величество, въ воздаяніе за оказанное братомъ ихъ усердіе къ общему благу, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ каждому по тысячѣ рублей.

Кромѣ сихъ, множество подобныхъ примѣровъ воинской храбрости простодушные русскіе земледѣльцы показали въ Смоленской, Московской, Тверской и Калужской губерніяхъ".

Входя въ Смоленскъ, Наполеонъ и его армія были озлоблены до крайности.

Славный писатель нашъ того времени С. Глинка, между прочимъ разсказываетъ слѣдующее:

„При занятіи непріятелемъ Смоленска въ 1812 году, отставной полковникъ Энгельгардъ, оставшись въ деревнѣ, съ опасностью собственной жизни истреблялъ разорителей отечества. Онъ былъ захваченъ французами, посаженъ въ тюрьму и представленъ въ оковахъ къ допросу.

„Я — русскій поданный, я исполнилъ мой долгъ. Мы должны разить врага, который нарушилъ наше спокойствіе и дерзнулъ напасть на нашего законнаго Государя", — сказалъ онъ.

Выслушавъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: „Вы не поработите Россію, вы погибнете. А я благо-

дарю Бога за то, что умираю, какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества".

Непріятель предлагалъ Энгельгардту и жизнь и свободу, если онъ присягнетъ Наполеону, но Энгельгардтъ отвѣчалъ:

„Свобода моя принадлежитъ Богу и русскому Царю. Русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника".

Подвигъ Павла Ивановича Энгельгардта.

Его свели въ ровъ близъ разрушенныхъ стѣнъ смоленскихъ и, приготовляясь разстрѣливать, хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: „Русскій не боится смерти!"—и палъ на землѣ родной за вѣру и вѣрность Царю и Отечеству.

Шубинъ, другой смоленскій дворянинъ, такимъ же непоколебимымъ мужествомъ ознаменовалъ преданность свою Престолу и Россіи.

Узнавъ всѣ подробности о страдальцахъ за отечество и о бѣдномъ состояніи ихъ родственниковъ, Императоръ Александръ I назначилъ имъ щедрыя награды".

Такое упорство русскихъ страшно раздражало Наполеона и его маршаловъ. Отъ этого они съ еще большимъ остерве-

неніемъ бросались на арріергарды отступающихъ нашихъ главныхъ силъ и встрѣчали еще большее сопротивленіе нашихъ героевъ-солдатъ и ихъ начальниковъ. Такимъ показалъ себя, напримѣръ, генералъ Тучковъ 3-й, которому, командуя 5-ю тысячами при Лубинѣ, на р. Колоднѣ, пришлось, до прибытія подкрѣплсній, чуть ли не цѣлый день 7-го августа сражаться съ корпусами Нея, Мюрата и Жюно. Къ счастью, насколько между нашими начальниками царило согласіе, настолько французскіе генералы спорили между собою, почему имъ и не удалось обойти русскихъ. Въ этотъ день мы потеряли 5.000 человѣкъ и взятъ былъ въ плѣнъ нашъ раненый генералъ Тучковъ, зарвавшійся впередъ и попавшій въ руки врагамъ, но непріятель потерялъ 8.000 и... вновь упустилъ нашу армію.

Если бы я вздумалъ перечислить здѣсь всѣ примѣры мужества, оказанныя нашими прадѣдами не хватило бы мѣста въ этой книгѣ.

Привожу здѣсь только три случая, заимствуя ихъ изъ особой рукописи, которая носитъ названіе „Истинныя происшествія“ и сберегается въ Царскомъ Хранилищѣ.

Три примѣра эти относятся къ одному лишь сраженію:

„Въ сраженіи, происходившемъ 1812 г., Августа 7 дня, въ Смоленской губ. при д. Заболотье, и продолжавшемся до 11 часу вечера, непріятель, желая воспользоваться темнотою, началъ усиливать нападеніе; тогда Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка маіоръ Борзовъ съ частью своего баталіона былъ посланъ отразить его штыками. При семъ случаѣ нѣкто изъ его подчиненныхъ сказалъ ему: „теперь темно, чтобы намъ ошибкою не принять своихъ за французовъ“.— „Это правда, что глаза не видятъ,—отвѣчалъ Борзовъ,—но сердце скажетъ, гдѣ непріятель“...

Во время сраженія, происходившаго 1812 года, Августа 7 дня, въ Смоленской губерніи при дер. Заболотье, гдѣ ознаменовали себя храбрыми подвигами полки Лейбъ-Гренадерскій и графа Аракчеева, отражая сильное нападеніе непріятеля, который хотѣлъ непремѣнно сбить русскихъ съ ихъ позиціи, графа Аракчеева полка подпоручикъ Кирилловъ, находясь съ стрѣлками, въ то же самое время вышелъ противъ непріятеля съ шестью человѣками изъ лѣса, имъ защищаемаго, дабы лучше и свободнѣе увидѣть движеніе непріятеля, какъ

Бой при д. Лубино.

вдругъ эскадронъ польскихъ уланъ съ праваго фланга ударилъ на него; начальникъ того эскадрона закричалъ подпоручику Кириллову: „Сдайся, или смерть!“—„Мнѣ отдаться въ плѣнъ, — возразилъ на то храбрый офицеръ, — ты вѣрно забылъ, что я россіянинъ“,—и въ ту же минуту былъ застрѣленъ изъ пистолета“.

„Въ сей же самый день для славы русской арміи толико достопамятной, графа Аракчеева полка штабсъ-капитанъ Саблуковъ, который былъ смертельно раненъ и послѣ сраженія принесенъ къ полку, видя прискорбіе своихъ товарищей, сказалъ имъ: „Друзья мои! не печальтесь обо мнѣ; я умираю за Царя и Отечество!“ Сіи слова были въ жизни его послѣднія“.

Чрезвычайно интересенъ разговоръ Наполеона съ плѣннымъ генераломъ Тучковымъ, котораго онъ приказалъ привести къ нему. Въ этомъ разговорѣ, тогда же записанномъ и самимъ Тучковымъ и секретаремъ Наполеона Бертье, сказалась и хитрость и хвастливость корсиканца, который 6 недѣль назадъ не желалъ отвѣчать Императору Александру, а теперь требовалъ, чтобы Тучковъ какъ можно скорѣе весь ихъ разговоръ переслалъ Государю чрезъ своего брата генерала Тучкова 1-го. Это была первая попытка Наполеона къ примиренію, не разъ затѣмъ повторенная въ Москвѣ, какъ мы это увидимъ.

Наполеонъ увѣрялъ, что онъ не питаетъ вражды къ Россіи, что любитъ Государя и считаетъ его своимъ другомъ, несмотря на войну; онъ предлагалъ кончить войну, такъ какъ „пороха сожжено достаточно“, и доказывалъ, что тактика войны, принятая Барклаемъ и заключающаяся въ постоянномъ отступленіи, глупая нѣмецкая тактика, совершенно не годится для „благородныхъ и храбрыхъ русскихъ“, которые должны драться начистоту. Онъ предлагалъ, чтобы наиболѣе уважаемые генералы: Багратіонъ, Остерманъ, Дохтуровъ, Тучковъ 1-й и другіе составили военный совѣтъ и рѣшили— на чьей сторонѣ сила и, если признаютъ, что на сторонѣ русскихъ, чтобы дали сраженіе, а если нѣтъ, то начали переговоры о мирѣ. „Что вамъ нужно? кофе? сахаръ?—спрашивалъ Наполеонъ.—Вы всегда его будете имѣть. Русскіе мнѣ не враги; вотъ англичане—другое дѣло. Ваша столица Москва, а не Петербургъ. Когда я ее займу, вы иначе заговорите.

Австрійцы тоже храбрились, но когда я занялъ Вѣну,—они стали говорить другое".

Однако, храбрости Наполеона только и хватило на эту бесѣду. Вмѣсто того, чтобы быстрыми маршами нагнать нашу армію и заставить дать сраженіе, онъ 4 дня сидѣлъ въ развалинахъ Смоленска и спорилъ съ маршалами, требовавшими чтобы онъ здѣсь зазимовалъ. Господу Богу вѣдомо, что случилось, если бы Наполеонъ послушалъ ихъ, но Господу Богу же было угодно, чтобы Наполеонъ шелъ дальше на свою гибель и чтобы, наконецъ, наступилъ столь желанный и русскими и врагами нашими, бой.

Послѣ 4-хъ дневнаго пребыванія въ Смоленскѣ, Наполеонъ сталъ нагонять нашу армію. Его передовые отряды все время настигали нашъ тыльный отрядъ Платова. Барклай-де-Толли, рѣшилъ дать сраженіе и выбралъ для этого мѣсто у селенія Царево-Займище, куда 17-го августа прибылъ новый нашъ главнокомандующій Кутузовъ.

Ученикъ знаменитаго Суворова, который говорилъ о немъ: „уменъ — его и Рибасъ не надуетъ" и называлъ его своей „правой рукой"... Кутузовъ прославился и при взятіи Измаила, и въ Австріи, сражаясь съ Наполеономъ, и, наконецъ, во время только что кончившейся выгоднымъ для насъ миромъ, войною съ Турціей.

Кутузовъ дважды былъ раненъ, оба раза въ голову, одинъ глазъ его вытекъ, онъ былъ тяжелъ на подъемъ, наконецъ, ему было уже 67 лѣтъ но... умъ его, о которомъ говорилъ Суворовъ, сохранился вполнѣ и былъ такъ же свѣжъ, какъ и во времена Императрицы Екатерины II, которая иначе не называла его, какъ „Мой Кутузовъ". По возвращеніи изъ Турціи, до назначенія его главнокомандующимъ, Кутузовъ не терялъ времени и обучилъ петербургское и новгородское ополченіе такъ, что уже черезъ недѣлю, на смотру у Царя, англійскій посолъ Каткартъ, любуясь ополченцами, сказалъ Императору Александру I: „Государь, это войско точно изъ земли выросло!"

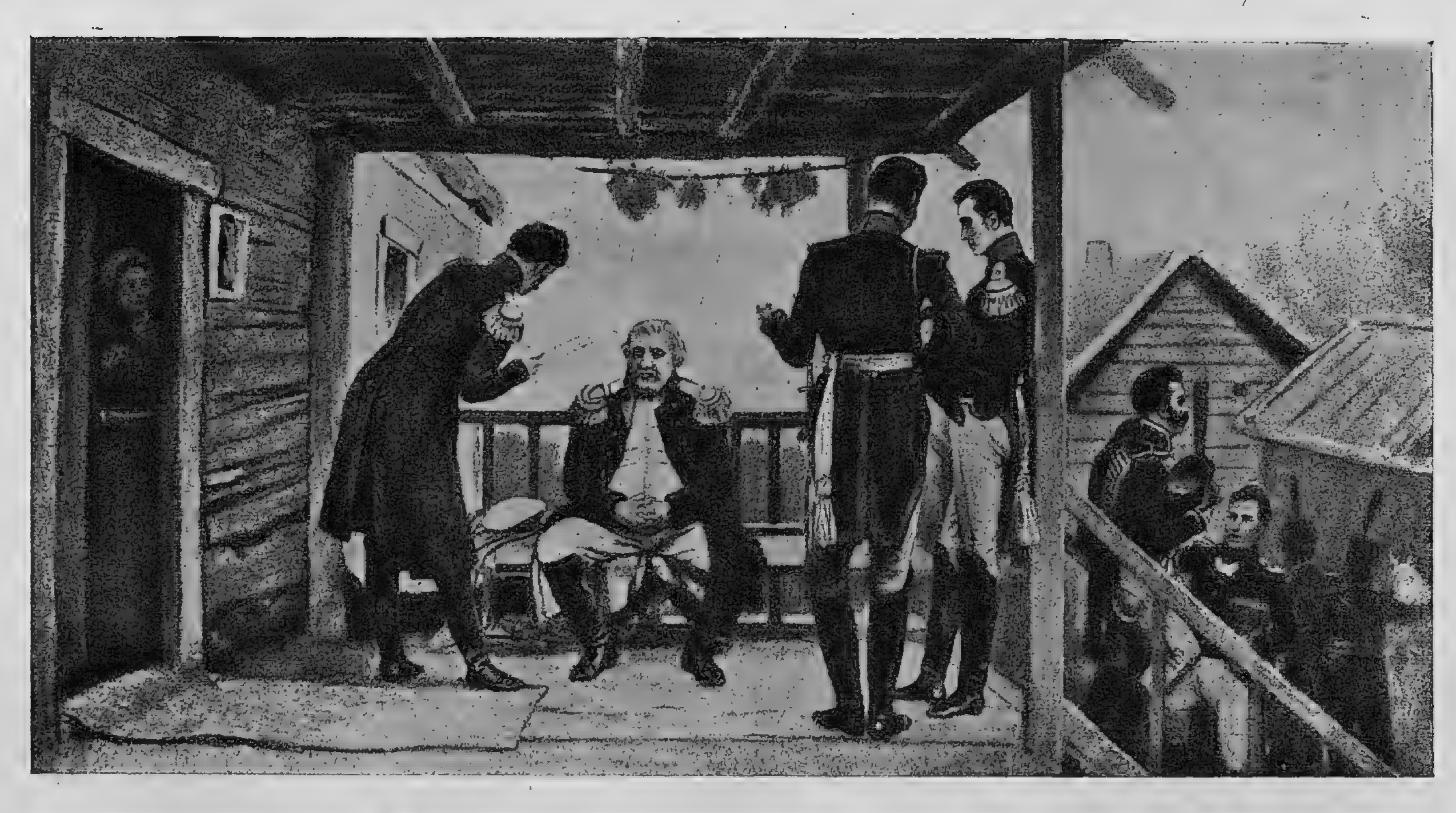
Кн. Кутузовъ-Смоленскій, какъ и Суворовъ, зналъ душу русскаго народа и солдата, умѣлъ съ нимъ говорить, былъ чрезвычайно опытенъ и жалѣлъ человѣческую жизнь, предпочитая провести непріятеля и наказать жестоко при наименьшихъ потеряхъ съ нашей стороны. А еще важнѣе, что Куту-

Князь Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ, вихрь и дождь,
И трудъ онъ дѣлитъ съ нами.

Жуковскій.

Главнокомандующій Князь М. И. Кутузовъ-Смоленскій (на отдыхѣ, въ день прибытія въ армію) въ Царевомъ Займищѣ.
Съ карт. проф. Ковалевскаго.

зовъ насквозь видѣлъ планы и намѣренія Наполеона и побѣдными мечтаніями себя не обольщалъ. Когда его назначили главнокомандующимъ, то одинъ изъ его родственниковъ спросилъ: „дядюшка, развѣ вы въ самомъ дѣлѣ думаете разбить Наполеона?“—„Разбить—нѣтъ, а надуть его—надую“. Когда кровожадный волкъ узналъ объ его назначеніи, то не могъ сдержаться и обозвалъ Кутузова „старой лисицей“... Кутузовъ прослышалъ объ этомъ и отвѣтилъ: „Что жъ, лисица часто волка надуваетъ, постараюсь оправдать слова Наполеона“.

Однако, у этой старой лисицы былъ царь въ головѣ, сердце было доброе, горячая была вѣра въ Бога, а народъ русскій его любилъ, и вся армія и Россія пришли въ восторгъ, когда Императоръ Александръ, внявъ гласу народа, назначилъ Кутузова.

Уѣзжая изъ Петербурга, Кутузовъ горячо молился Богу въ Казанскомъ соборѣ и плакалъ вмѣстѣ съ тысячами народа, прося народъ: „Молитесь за меня, меня посылаютъ на великое дѣло!“

Увы! Менѣе чѣмъ черезъ два года, торжественно погребенный, онъ покоился уже въ томъ же соборѣ, подъ сѣнью отбитыхъ имъ французскихъ знаменъ. До какой степени онъ былъ любимъ, доказываетъ то, что когда онъ во время похода 1813 г. умеръ въ глухой нѣмецкой деревнѣ,—кончину его долго скрывали отъ солдатъ, чтобы они не пришли въ отчаяніе отъ потери ихъ любимца...

Какой прекрасный очеркъ этого старца-полководца далъ нашъ Пушкинъ,—очеркъ, навѣянный на него могилою Кутузова въ Казанскомъ соборѣ:

„Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ, однѣ лампады
Во mракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной

Погребеніе Князя М. И. Кутузова-Смоленскаго въ Казанскомъ Соборѣ, въ С.-Петербургѣ.
Со старинной гравюры Воробьева.

Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ,
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ“...

Отъ Петербурга до арміи Кутузова встрѣчали вездѣ съ торжествомъ: „Ѣдетъ Кутузовъ бить французовъ“, говорили въ народѣ, а въ Царевомъ-Займищѣ армія сразу воспряла духомъ, когда на смотру, надъ головой главнокомандующаго, показался мощный орелъ и точно провожалъ Кутузова по рядамъ арміи. Принимая почетный караулъ, Кутузовъ будто про себя сказалъ: „Экіе молодцы—какже можно съ ними отступать“. Но это было нарочно сказано, ибо и Кутузовъ раздѣлялъ планъ Барклая де-Толли „отступать и заманивать, а потомъ измором взять“. Такъ надо было сказать, чтобы духъ въ войскѣ поднять, и Кутузовъ достигъ этой цѣли.

Однако, выбранную Барклаемъ позицію (мѣсто) для боя у Царева-Займища онъ не одобрилъ, приказалъ отступить, а у села Бородина, въ 110 верстахъ отъ Москвы, уступилъ всеобщему желанію — дать рѣшительное сраженіе. Говорю *уступилъ*, ибо Кутузовъ, рѣшивъ не только отступать, но предполагая самую Москву сдать Наполеону, силы котораго были значительны, находилъ, что для рѣшительнаго сраженія время еще не наступило. Однако, онъ понималъ и то, что сдать Москву безъ всякаго сраженія было тоже опасно, ибо тогда совсѣмъ палъ бы духъ русскихъ, которые не могли понять великаго плана, задуманнаго Барклаемъ и завершеннаго Кутузовымъ.

Въ то же время Кутузовъ зналъ, что, если мѣсто у Бородина и не совсѣмъ для насъ выгодно, то выгоднѣе и не будетъ до самой Москвы. Словомъ, Богъ судилъ, чтобы одно изъ величайшихъ въ мірѣ сраженій произошло именно здѣсь, близъ впаденія р. Колочи въ р. Москву, между деревнями Горки и Утицы, около села Семеновскаго и Бородина, по имени котораго въ исторіи извѣстно и это славное сраженіе, названное французами „битвою гигантовъ“ или что то же—великановъ.

Помните ли, какъ въ школѣ вы учили стихотвореніе Лермонтова „Два великана"?—

„Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою,
Ахнулъ дерзкій—и упалъ!"

Дальше вы увидите, что, хотя Бородинское сраженіе и считается историками нерѣшительнымъ, ибо обѣ стороны были и побѣдителями и побѣжденными, однако, здѣсь именно началось паденіе Наполеона, здѣсь, можно сказать, онъ споткнулся, а въ Москвѣ „ахнулъ дерзкій... и упалъ!"

Помня эти стихи, вы скажете, что дальше идутъ строфы:

„Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ,
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ море на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ".

Но то было его уже окончательное паденіе, тамъ его забыли, тамъ онъ умеръ одинокій, сосланный соединившимися Европейскими державами.

Помните вы, друзья, и другое стихотвореніе Лермонтова, такъ и называющееся „Бородино". Это описаніе сраженія, сжатое, яркое и красивое, но, хоть и въ прекрасныхъ стихахъ,—поэтъ не можетъ сказать многаго.

Сказать *все* о Бородинскомъ сраженіи и я не возьмусь, конечно,—этому одному сраженію посвящены многія сочиненія, о немъ написаны цѣлые томы и до сихъ поръ многіе спорятъ о томъ, гдѣ была какая батарея, флешь *), редутъ *),

*) Земляныя укрѣпленія.

гдѣ какой полкъ съ какимъ столкнулся. Для военныхъ ученыхъ это очень важно, ибо, если война есть школа, то сраженіе—урокъ, но для насъ важны не подробности, не общая картина сраженія, которую также очень трудно нарисовать, а условія, при которыхъ оно произошло и его итогъ.

Вотъ почему я не буду разсказывать вамъ подробности, какъ онѣ записаны у того или другого извѣстнаго историка, а разскажу со словъ одного изъ участниковъ, воспользовавшись для этого рукописью генерала Богданова, который былъ тогда поручикомъ.

Эта нигдѣ не напечатанная рукопись хранится тоже въ Царскомъ Хранилищѣ и впервые появляется здѣсь.

IV.

Бородинскій бой.

„Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина".

Лермонтовъ.

„И вотъ, нашли большое поле, есть разгуляться гдѣ на волѣ, построили редутъ", и не одинъ, а много. Къ счастью, время для этого было. Дальше вы увидите изъ рукописи Богданова, что Кутузовъ дѣйствительно выбралъ мѣсто у Бородина, какъ лучшее, и приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы и укрѣпить его и собрать къ Бородину возможно большія силы.

Считая съ 21-го августа войска, по мѣрѣ отступленія, собирались у Бородина, начиная съ первой арміи Барклая де-Толли. 22-го подошелъ Багратіонъ, другія подтягивались 23-го и, наконецъ, 24-го присоединился къ нимъ и арріергардъ *) подъ начальствомъ Коновницына, перешедшаго р. Колочу у самого Бородина съ боемъ, ибо непріятель

*) Тыльный отрядъ, прикрывающій отступающую армію.

Милостивой Государь

Графъ Николай Ивановичъ.

При семъ имѣю честь препроводить къ вашему Сіятельству копію съ всеподданнѣйшаго моего донесенія къ Его императорскому величеству. Ради бога, милостивой государь графъ николай Ивановичъ, постарайтесь, чтобъ дѣло [illegible] второй линіи [illegible] изъ москвы дали армію содержать въ [illegible] комплектѣ. Если полки мои въ комплектѣ, то, ей богу! никого не боюсь.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть

Милостивой Государь
вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга

[illegible]

[illegible]

№ 22
[illegible]
Августа 23 [illegible]
1812 год
его Сіят. Гр. Н. И. Салтыкову.

Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

шелъ по пятамъ нашимъ и того же 24-го августа не только сталъ на мѣсто боя, но и началъ атаки свои противъ нашего Шевардинскаго редута.

Вмѣстѣ съ прибывшими 22-го и 23-го августа Московскимъ и Смоленскимъ ополченіемъ, у насъ къ 26-му августа собралось всего около 120.000 войска, а у Наполеона было до 185.000. Разница была громадная, но Кутузовъ не тревожился этимъ, онъ думалъ о другомъ. Въ большомъ сраженіи много падетъ убитыми и ранеными, надо будетъ пополнить полки рекрутами второй линіи, тогда русскимъ ничто не будетъ страшно.

Я привожу здѣсь не только письмо Кутузова къ графу Н. И. Салтыкову, но и фотографію съ подлиннаго его письма, хранящагося въ Царскихъ Библіотекахъ (см. стр. 61).

Милостивый Государь,

Графъ Николай Ивановичъ.

При семъ имѣю честь препроводить къ Вашему Сіятельству копію съ сегодняшняго моего донесенія къ Его Императорскому Величеству. Ради Бога, Милостивый Государь графъ Николай Ивановичъ, постарайтесь, чтобы депо рекрутскія второй линіи приближались къ Москвѣ, дабы армію содержать въ нѣкоторомъ комплектѣ. *Если полки мои въ комплектѣ, то, ей Богу! никого не боюсь.*

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью имѣю честь быть милостивый государь Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга

князь Михаилъ Кутузовъ.

№ 22.

При селѣ Бородинѣ.

Августа 23.

1812 года.

Его Сія—ву гр. Н. И. Салтыкову.

„Если полки мои въ комплектѣ, *то, ей Богу! никого не боюсь*!“ Эти подчеркнутыя слова такъ и рисуютъ старца-полководца, которому Царь и народъ вручили тяжкую задачу и отвѣтственность защищать родину и который, зная народъ и вѣря въ Бога, боится только Всевышняго. Мало того, Кутузовъ, не желая этого большого сраженія, все-таки увѣренъ былъ въ побѣдѣ, не желалъ же его потому, что всегда предпочиталъ обойти врага какимъ либо другимъ путемъ, не жертвуя жизнями своихъ храбрыхъ воиновъ.

Увѣренъ былъ въ побѣдѣ и Наполеонъ, но лишь по своей всегдашней самонадѣянности, а главное, потому что, въ противоположность Кутузову, онъ жаждалъ этого боя и ликовалъ, когда убѣдился, что русскіе на этотъ разъ согласны дать этотъ бой. До самаго утра 26-го августа онъ, если и тревожился, то только о томъ, какъ бы опять не ушли русскіе. Во всемъ была полная противоположность— у непріятеля ликовали передъ боемъ, музыка гремѣла, а у насъ... молились Богу...

И офицеры и солдаты, памятуя смертный часъ, одѣли, у кого было, чистое бѣлье, спокойно, какъ истые христіане, готовились къ бою, кто могъ—исповѣдывались и пріобщались.

Когда въ канунъ боя, 25-го августа, раздалась передъ обѣдомъ обычная команда: „выходи водку пить“ и передъ ротами вынесены были ведра и чарки,—ихъ такъ и назадъ убрали. Въ рядахъ нашихъ на команду эту или вниманія не обратили, или отвѣчали: „не такой день завтра, чтобы водку пить“... Поистинѣ, наши дѣды въ часъ этотъ постились и говѣли, какъ передъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, мысленно повторяя слова великой молитвы: „смертію смерть поправъ“...

Да, въ такой часъ русскимъ не до водки было, зато, когда передъ вечерней Кутузовъ приказалъ пронести передъ войсками Чудотворную икону Смоленской Божіей Матери, не было въ арміи нашей никого, начиная отъ Кутузова и кончая землекопомъ-ополченцемъ, который не помолился бы горячо передъ этой святыней. Она напутствовала православныхъ въ бой.

Укрѣпленія, которыя возводились съ 22-го августа, еще не были окончены, но, и занятые ихъ постройкой бросали

лопаты и стремились къ иконѣ, передъ которой со свѣчами шли священники и пѣвчіе, икону же самую, все время смѣняясь, несли наши офицеры и солдаты.

Одинъ изъ писателей, со словъ очевидцевъ, прекрасно описалъ картину этого поклоненія нашей святынѣ.

„За иконой, кругомъ ея, впереди ея, со всѣхъ сторонъ шли, бѣжали и кланялись въ землю съ обнаженными головами толпы военныхъ.

Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила, и начался молебенъ. Жаркіе лучи били отвѣсно сверху; слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ. Огромная толпа, съ открытыми головами, офицеровъ, солдатъ, ополченцевъ окружала икону. Позади священника и дьячка, на очищенномъ мѣстѣ, стояли чиновные люди. Какъ только уставшіе дьячки начинали пѣть: „Спаси отъ бѣдъ рабы Твоя Богородице“, и священникъ и дьяконъ подхватывали: „яко всѣ по Бозѣ къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимой стѣнѣ и предстательству“, на всѣхъ лицахъ вспыхивало выраженіе сознанія торжественности наступающей минуты, и чаще опускались головы, встряхивались волоса, и слышались вздохи и удары крестовъ по грудямъ.

Толпа, окружавшая икону, вдругъ раскрылась. Кто то, вѣроятно, очень важное лицо, судя по поспѣшности, съ которой передъ нимъ сторонились, подходилъ къ иконѣ.

Это былъ Кутузовъ, объѣзжавшій позицію. Онъ подошелъ къ молебну.

Въ длинномъ сюртукѣ на огромномъ тѣлѣ, съ сутуловатой спиной, съ открытой бѣлой головой и съ вытекшимъ бѣлымъ глазомъ на оплывшемъ лицѣ, Кутузовъ вошелъ своею ныряющею, раскачивающеюся походкой въ кругъ и остановился позади священника. Онъ перекрестился привычнымъ жестомъ, досталъ рукой до земли и, тяжело вздохнувъ, опустилъ свою сѣдую голову. За Кутузовымъ были Беннигсенъ и свита. Несмотря на присутствіе главнокомандующаго, обратившаго на себя вниманіе всѣхъ высшихъ чиновъ, ополченцы и солдаты, не глядя на него, продолжали молиться.

Канунъ Бородина.
Кн. М. И. Кутузовъ, во главѣ русской арміи, поклоняется Смоленской иконѣ Божьей Матери.
Съ картины проф. Ковалевскаго.

Канунъ Бородина.
Воины Наполеона, ликуя, преклоняются передъ портретомъ его сына.

Когда кончился молебенъ, Кутузовъ подошелъ къ иконѣ, тяжело опустился на колѣни, кланяясь въ землю, и долго пытался и не могъ встать отъ тяжести и слабости. Сѣдая голова его подергивалась отъ усилій. Наконецъ, онъ всталъ, приложился къ иконѣ и опять поклонился, дотронувшись рукой до земли. Генералитетъ послѣдовалъ его примѣру; потомъ офицеры, и за ними, давя другъ друга, топчась, пыхтя и толкаясь, со взволнованными лицами полѣзли солдаты и ополченцы"...

Впрочемъ... и непріятель нашъ въ эту минуту тоже *преклонялся*, — только передъ портретомъ сына Наполеона... Этотъ портретъ только что привезли ему, и Наполеонъ, разыгравъ роль любящаго отца, выставилъ этотъ портретъ передъ палаткой, долго сидѣлъ передъ нимъ, какъ будто задумавшись, а потомъ... махнулъ рукой къ войскамъ... Его генералы поняли этотъ жестъ, повели къ портрету солдатъ, и вотъ, когда у насъ пѣли молитвы, непріятель кричалъ ура передъ портретомъ мальчика, которому никогда не суждено было сидѣть на престолѣ.

Актеръ вездѣ и всегда, Наполеонъ утромъ въ день боя, когда взошло солнце, указалъ на него генераламъ и воскликнулъ: „вотъ солнце Аустерлица" *), а солдатамъ приказалъ прочесть слѣдующій приказъ: „Воины, вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали! Побѣда за вами! Она необходима! Она дастъ вамъ все нужное, хорошія квартиры и скорое возвращеніе домой. Сражайтесь такъ, какъ вы сражались подъ Аустерлицемъ! Пусть потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день".

Увы! для Наполеона и его войскъ это было солнце *Бородина*, а не Аустерлица, и, хотя войска его храбро сражались—побѣда осталась не за ними, и не видѣли они „хорошихъ квартиръ",—едва десятый человѣкъ изъ нихъ вернулся домой, а подвиги въ этотъ день вспоминаемъ *мы*, потомки славныхъ дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ.

Каково же было наше расположеніе и укрѣпленія подъ Бородинымъ? Обращаемся къ разсказу Богданова, очевидца и участника боя.

---

*) День французской побѣды, о которой я выше говорилъ.

„Позиція наша, прикрытая съ фронта р. Калочь и крутымъ ея правымъ, высокимъ берегомъ, считалась отъ праваго фланга до сліянія р. Войны съ Калочью, *неприступною* *); но лѣвый флангъ, при недостаткѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ условій, хотя и не представлялъ грознаго положенія, однако же, по причинѣ раскинутыхъ холмовъ и возвышеній, занятыхъ войсками на нашей сторонѣ, имѣлъ всѣ преимущества и значительныя выгоды противъ наступающаго непріятеля. Многіе изъ военныхъ лицъ того времени были противъ избранной нами позиціи, *но опытный вождь нашъ (Кутузовъ) лучше ихъ былъ знакомъ съ своимъ противникомъ и смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ хорошо зналъ положеніе непріятеля и причины постоянныхъ стремленій принудить насъ во чтобы то ни стало къ битвѣ, а потому и воспользовался полями Бородина,* гдѣ вся правая армія обезпечивалась отъ всякаго покушенія и тревоги, гдѣ ни одинъ непріятельскій снарядъ не могъ нанести ей значительнаго вреда, между тѣмъ, какъ изъ ея линій онъ самъ могъ въ каждый моментъ при ходѣ битвы подкрѣплять и освѣжать свои силы ея полками.

Это была основная мысль нашего доблестнаго вождя — его тайна. Кутузовъ превосходно сообразилъ мѣстность, на которой Наполеонъ долженъ будетъ развертывать массы своихъ войскъ. Мѣстность эта, ограничиваясь съ одной стороны р. Калочь, а съ другой — лѣсомъ, изрѣзывалась протоками небольшихъ ручьевъ и рытвинами, а главное—отличалась значительнымъ пониженіемъ противъ занятыхъ нами высотъ, что давало преимущества для вѣрнаго дѣйствія искуссно сгруппированной нашей артиллеріи, тогда какъ непріятель на своей сторонѣ имѣлъ только одно отдаленное до 3-хъ верстъ, небольшое по пространству, возвышеніе

---

*) Кто изъ васъ бывалъ на мѣстѣ Бородинскаго боя, или будетъ тамъ, тотъ удивится, что не увидитъ ни обрывистыхъ береговъ, ни крутыхъ спусковъ, ни овраговъ, ни лѣса Шевардинскаго. Мѣстность вокругъ Бородина совсѣмъ измѣнилась за 100 лѣтъ. Глинистые берега сползли, сгладились, Семеновскій ручей почти высохъ, гдѣ былъ лѣсъ, тамъ нива, гдѣ были пашни, тамъ деревни, и наоборотъ. Въ общемъ, Бородинское поле сраженія кажется почти гладкимъ, едва холмистымъ и, глядя на него, можетъ стать непонятнымъ, какъ съ трудомъ непріятель всходилъ на *неприступныя* высоты береговъ и батарей.

у дер. Шевардино. Но, чтобы скрыть все это отъ взгляда знаменитаго своего противника и поставить его въ зависимость отъ своихъ вѣрныхъ соображеній, Кутузовъ далъ приказаніе занять временно войсками, подъ начальствомъ кн. Горчакова, дер. Шевардино, отстоящую отъ Семеновской около $2^{1}/_{2}$ — 3 верстъ и отъ нея налѣво, въ верстѣ съ небольшимъ, дер. Доронину. Съ этимъ вмѣстѣ Кутузовъ предоставилъ полную свободу императору Наполеону, подъ условіемъ сказаннаго, дать битву, или обходнымъ движеніемъ своимъ по старой Смоленской дорогѣ заставить насъ безъ боя къ отступленію, и тогда Наполеонъ не достигалъ своей цѣли: русская армія осталась бы по прежнему невредимою. Разсчетъ былъ вѣренъ и потому въ тотъ же день 22-го августа оконечность праваго фланга ограждена была укрѣпленіемъ и засѣкою. На большой Московской дорогѣ, къ Бородино, построили *двѣ* батареи,—одну на высотѣ у дер. Горки, а другую ниже по склону, въ 150-ти саж. впереди. Генералъ Раевскій тоже занялъ небольшое возвышеніе, передъ правымъ своимъ флангомъ, батареею. На холмахъ за дер. Семеновскою расположили три люнета *): на переднемъ внизу склона назначено 15 батарейныхъ орудій, на верхнемъ, въ 200 саж. отъ Семеновской,—17 орудій, и на дальнемъ отъ нея—20 орудій.

На мѣстѣ дер. Семеновской предположено было, по разбросаніи ея, установить открытую батарею въ 60 орудій, а въ линіи 8-го корпуса до 80-ти орудій и болѣе".

Исполняя приказаніе начальника инженеровъ Ферстера, согласившагося съ Багратіономъ, поручикъ Богдановъ, начавъ вечеромъ 23-го августа, кончилъ постройку Шевардинскаго редута 24-го, въ исходѣ 1-го часа дня, несмотря на очень твердый щебенистый грунтъ. На редутъ было установлено три орудія, а съ правой его стороны 9, назначеніе которыхъ было вредить движенію непріятельскихъ войскъ по Московской дорогѣ.

Въ 10-мъ часу утра раздался первый пушечный выстрѣлъ со стороны Колоцкаго монастыря, а въ 1-мъ часу дня показался нашъ арріергардъ; когда послѣднія колонны входили въ Бородино, Богдановъ отправился на главную по-

*) Земляное укрѣпленіе.

зицію для донесенія, что редутъ построенъ, но Багратіонъ встрѣтилъ его словами: „Я это вижу“, ибо тамъ уже горѣлъ ожесточенный бой. Редутъ переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, былъ взятъ французами“.

„Собравъ піонеровъ, говоритъ Богдановъ, мы отправились къ позиціи; въ полуверстѣ отъ передняго ея люнета встрѣтили дивизію гренадеръ, поспѣшавшихъ на помощь къ отряду кн. Горчакова. Гренадеры напали на непріятеля почти неожиданно и отняли укрѣпленіе; при этомъ былъ истребленъ почти весь ихъ 61-й полкъ и взято 7 орудій за одно наше, подбитое и оставленное въ редутѣ. *Съ достиженіемъ видовъ и цѣли главнокомандующаго арміями, войска, расположенныя у Шевардина, ночью были отозваны къ настоящей позиціи и расположены въ укрѣпленіяхъ.* Оставленный редутъ тотчасъ былъ занятъ французами“.

Подчеркнутыя здѣсь слова очень важны, ибо доказываютъ, что у Кутузова и здѣсь былъ строго обдуманный планъ и мы *нарочно* задерживали Наполеона у Шевардина, намъ вовсе не нужнаго, чтобы спокойно укрѣпить настоящую позицію, избранную Кутузовымъ.

„Когда все стихло, продолжаетъ Богдановъ, и наступила ночь, велѣно было дер. Семеновскую разобрать; оставлены были два-три дома, не требовавшіе значительнаго времени на уничтоженіе. Это сдѣлано было и въ другихъ мѣстахъ позиціи, чтобы предупредить пожаръ, который могъ бы помѣшать движенію нашихъ войскъ во время боя. Но 25-е число наступило и прошло спокойно; обѣ стороны, казалось, были какъ бы въ одинаковомъ настроеніи: приготовиться къ великому бою.

Избранникъ русскихъ силъ воззвалъ все ввѣренное ему воинство къ молитвѣ передъ Чудотворною иконою Богоматери Смоленской. Объѣзжая ряды ихъ, онъ говорилъ чего отъ нихъ ожидаютъ Государь и Россія. Между тѣмъ, мы усиливали наши позиціи разнаго рода укрѣпленіями. Въ 11-мъ часу ночи мнѣ дано приказаніе ѣхать къ генералу Раевскому. Я нашелъ его на батареѣ, построенной по его распоряженію. Батарея была совершенно окончена и орудія стояли на мѣстахъ. Батарея эта и другія, упомянутыя выше, были такъ устроены, что „вся мѣстность, лежавшая передъ ними, защищалась сильнымъ перекрестнымъ огнемъ“.

Бородинскій бой.
Съ карт. П. Гессе, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

Богдановъ еще сильнѣе укрѣпилъ батарею Раевскаго, и къ 4 ч. утра она была готова.

„Теперь, господа, мы будемъ спокойны, сказалъ генералъ Раевскій, Наполеонъ видѣлъ днемъ простую открытую батарею, а теперь войска его найдутъ крѣпость; доступъ къ ней защищаютъ болѣе 200 орудій, рвы достаточной глубины и ширины, увидимъ, какъ и что будетъ“.

Это была именно та батарея, которую французы-историки называли „ужаснымъ роковымъ курганомъ“ а художникъ французъ, какъ видите, и изобразилъ ее чуть ли не горою, тогда какъ высота ея не превышала 12 футовъ. Недаромъ говорится: „у страха глаза велики!“ (*См. стр. 79*).

„Волнуемый опасеніями нашего отступленія, говоритъ Богдановъ, Наполеонъ провелъ ночь на 26-е августа почти безъ сна и, наконецъ, изнемогая отъ нетерпѣнія и тревогъ, онъ предупреждаетъ разсвѣтъ рокового дня тремя пушечными выстрѣлами, зоветъ свои полки къ брани, долженствующей рѣшить вопросъ всеобщаго преобладанія“.

Нѣкоторые историки относятъ упадокъ духа и, вообще, тревожное состояніе Наполеона къ разстройству здоровья, происшедшему будто бы отъ дождя, промочившаго его при обозрѣніи позиціи нашей 25-го августа, и отъ вліянія на него осенней погоды. Это я могу положительно опровергнуть тѣмъ, что съ занятія нами полей при Бородино погода стояла теплая, пріятная и сухая; слѣдовательно, надо искать къ этому другія причины. Окружавшіе его разсказывали, что въ Витебскѣ и Смоленскѣ его видѣли уже утомленнымъ, нерѣшительнымъ, не узнавали прежняго Наполеона... Еще болѣе изумлялись они, наблюдая его вечеромъ наканунѣ Бородинской битвы. Онъ былъ то молчаливъ, задумчивъ, мраченъ, неподвиженъ, то дѣятеленъ, говорливъ, вспыльчивъ; садился на лошадь, мчался по лагерю и опять укрывался въ свою палатку. Около 5 ч. утра въ 20-й разъ велѣлъ онъ узнать, не уходятъ ли русскіе, и, узнавъ, что русскіе стоятъ, приказалъ подать лошадь...

Полки строились. Пушки катились по назначенію. Бодро поднялся Наполеонъ, воскликнувъ: „Ну, такъ они теперь у насъ въ рукахъ! Пойдемъ, отворимъ ворота московскія!“

Однако, сейчасъ мы увидимъ, что и во время сраженія тревога Наполеона не унялась.

„Въ исходѣ 5-го ч., когда ген. Раевскій отдавалъ свои послѣднія приказанія,—продолжаетъ Богдановъ,—вдругъ неожиданно налѣво отъ насъ блеснулъ огонь, раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой и третій, а минутъ 10 спустя, загремѣлъ четвертый—это былъ нашъ, какъ бы отвѣтный.

Утро наступало и мракъ ночной исчезъ; вскорѣ затѣмъ послышались вдали на лѣвомъ флангѣ ружейные выстрѣлы; огонь этотъ постепенно возрасталъ, становился сильнѣе и чаще. Нерѣдко пальба слышалась изъ пушекъ. Занимавшій Бородино отрядъ гвардейскихъ егерей въ это время отступалъ на правый бер. р. Калочи и разрушалъ мостъ. Непріятель пытался было помѣшать этому, но находившіеся вблизи два полка егерей подкрѣпили гвардейскій отрядъ, опрокинули и прогнали непріятеля съ большимъ урономъ.

Мостъ горѣлъ, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ егеря теперь размѣщались въ оврагѣ, спускавшемся съ правой стороны укрѣпленія къ бер. Калочи. Ген. Раевскій, слѣдя за движеніями непріятеля, говорилъ окружавшимъ его лицамъ: „Непріятель въ большихъ силахъ двигается къ укрѣпленію лѣваго фланга. Въ переднихъ его колоннахъ видно большое замѣшательство! А вотъ кавалерія и пѣхота направляются къ намъ, идутъ хорошо и стройно!“

Мѣстность впереди покрывалась черными густыми массами. Влѣво отъ насъ пушечная пальба возрастала съ силою и битва казалась уже въ полномъ развитіи. Между тѣмъ, непріятель, обхватывая передъ нами всю площадь своими массами, близился къ намъ. „Если пора начинать, такъ съ Богомъ“,—сказалъ Раевскій. Раздался голосъ команды: „первая, третья“ и т. д.

Съ двухъ батарей у дер. Горки по всей линіи 6-го и

Генералъ Н. Н. Раевскій.

Раевскій—слава нашихъ дней—
Хвала! Передъ рядами
Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

Жуковскій.

7-го корпусовъ до дер. Семеновской поднялся бѣловатыми клубами дымъ отъ многочисленной артиллеріи и все это въ моментъ слилось въ одинъ неумолкаемый громъ съ огнемъ лѣваго фланга. Все вокругъ насъ покрылось, въ полномъ смыслѣ слова, облаками густого дыма; ничего нельзя было видѣть. Общій непрерывный гулъ грома, вой и свистъ безчисленныхъ снарядовъ колебали воздухъ, земля дрожала".

„Вамъ не видать такихъ сраженій...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Изведалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой...
Земля тряслась, какъ наши груди,
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой"...

Эти дивной красоты строчки поэта служатъ точно картиною къ разсказу очевидца, который я продолжаю.

„Трудно было опредѣлить время нашего напряженнаго состоянія, не зная, что совершается около насъ и за нами,— говоритъ Богдановъ.—Явленіе рѣдкое, небывалое! До 1.000 орудій съ обѣихъ сторонъ гремѣли и болѣе 250.000 воиновъ сражались на какомъ-нибудь 4-хъ верстномъ протяженіи, считая отъ дер. Горки до Утицы. Исторія народовъ и по настоящее время еще не вписала новой страницы о битвѣ подобной при Бородино по числу павшихъ воиновъ. Но страшное, изумительное и непонятное дѣло: на 4 верстахъ неумолкаемаго грома, яростныхъ наступленій съ одной и героической защиты съ другой стороны, вдругъ, какъ бы по мановенію условнаго знака невѣдомой силы — все смолкло, слышны были лишь одни побѣдные клики. Два полка нашей кавалеріи въ этотъ моментъ бурно мчались среди нестройной толпы бѣгущаго непріятеля, нанося смерть и конечное пораженіе. Полки эти очистили всю, впереди насъ лежащую, площадь и только на ея оконечности, принятые сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, вернулись назадъ.

Едва густое облако порохового дыма, тихо поднимаясь, открыло горизонтъ, какое ужасающее зрѣлище представилось глазамъ! Вся площадь отъ укрѣпленія до ручья Семеновскаго и р. Калочи была покрыта трупами враговъ; на волчьихъ ямахъ лежали груды перемѣшанныхъ людей и лошадей. Непріятель, въ общемъ, въ этомъ отступленіи понесъ громадныя потери".

Объ этомъ моментѣ боя ген. Раевскій вечеромъ въ рапортѣ своемъ доносилъ: „Несмотря на сильный картечный огонь моихъ орудій, колонны врага безъ выстрѣла уже перелѣзали брустверъ. Въ это время съ праваго моего фланга ген.-маіоръ Паскевичъ съ полками атаковалъ штыками въ лѣвый флангъ непріятеля. Ген.-маіоръ Васильчиковъ то же самое учинилъ на ихъ правый флангъ, а ген.-маіоръ Ермоловъ взялъ баталіонъ егерей, ударилъ въ штыки на редутъ, гдѣ, истребивъ всѣхъ, въ немъ находящихся, взялъ генерала, ведущаго колонны, въ плѣнъ. Ген. Васильчиковъ и Паскевичъ опрокинули въ мгновеніе ока непріятельскія колонны и гнали оныхъ до кустарниковъ столь сильно, что едва ли кто изъ нихъ спасся".

Генералъ А. П. Ермоловъ.

Ермоловъ, витязь юный,
Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ,
И страхъ твои перуны.
Жуковскій.

„Все, что открыто было глазу,—говоритъ Богдановъ,— устлано было тѣлами... Здѣсь, видимо, пробилъ послѣдній часъ могуществу гордаго притѣснителя народовъ и указалъ начало его паденію. Маршалъ Даву, наступая на укрѣпленія лѣваго фланга у дер. Семеновской, былъ два раза отброшенъ съ большими потерями къ лѣсу; Ней спѣшитъ присоединить къ нему свои войска, и оба маршала, пользуясь превосходствомъ числа силъ, поддерживаемые кавалеріей и громомъ многочисленныхъ пушекъ, три раза входили въ промежутокъ укрѣпленій и

солдаты ихъ, падая подъ средоточеннымъ, жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, умирали подъ русскими штыками. Твердость, укрѣпленная вѣрою, доблестныхъ нашихъ воиновъ, выдержала всѣ три напора громадныхъ силъ непріятеля, который мужественно отбитъ съ подоспѣвшимъ къ этому времени на подкрѣпленіе всего корпуса ген. Багавута, и каждый разъ прогоняемъ былъ къ лѣсу. Но и мы не остались безъ потерь многихъ храбрыхъ: кн. Багратіонъ и ген. Тучковъ 4 получили смертельныя раны, а начальникъ артиллеріи гр. Кутайсовъ убитъ".

Страшныя для насъ были эти потери, въ особенности, смерть кн. Багратіона, вскорѣ скончавшагося отъ раны. Въ самый разгаръ боя, видя, что картечью нельзя остановить непріятелей, которые, какъ безумные, лѣзли на Семеновскія флеши, Багратіонъ приказалъ своимъ полкамъ выйти изъ укрѣпленій къ врагамъ навстрѣчу. Завязался кровавый рукопашный бой, въ которомъ и былъ пораженъ осколкомъ ядра кн. Багратіонъ. Онъ хотѣлъ скрыть свою рану отъ солдатъ, но не могъ; отъ потери крови онъ упалъ съ лошади. Пришлось временно поручить командованіе Коновницыну, а Багратіона понесли на перевязочный пунктъ. Солдаты плакали, когда его уносили, да какъ и не плакать, видя гибель такого героя. Солдаты серьезно передѣлали фамилію Багратіонъ въ „Богъ рати онъ". Противникъ Барклая-де-Толли, Багратіонъ, почти умирая, увидѣлъ его адъютанта и слабѣющимъ голосомъ сказалъ ему: „Засвидѣтельствуйте генералу мое глубокое уваженіе, скажите ему, что цѣлость арміи въ его рукахъ. Все идетъ хорошо! Да сохранитъ его Богъ!" Поистинѣ Багратіонъ поступилъ, какъ поется въ молитвѣ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе: „И ненавидящихъ насъ простимъ и другъ друга обымемъ".

Славная историческая смерть!

„Насталъ 11-ый часъ дня,—продолжаетъ Богдановъ,—и по арміи нашей молніей пронеслась горестная вѣсть о смертельной ранѣ, полученной Багратіономъ, такъ стойко отстаивавшимъ противъ страшныхъ атакъ непріятеля нашъ лѣвый флангъ. Кутузовъ сейчасъ послалъ туда принца Виртембергскаго, но вскорѣ вспомнилъ о героѣ Дохтуровѣ и поручилъ ему принять начальство надъ лѣвымъ флангомъ".

Дохтуровъ нашелъ здѣсь все въ смятеніи, никто ничего не зналъ, не видѣлъ за дымомъ, всѣ потеряли головы, узнавъ о смерти Багратіона, но вскорѣ Коновницынъ, неотступно бывшій все время въ бою, помогъ Дохтурову устроить войска и противъ непріятеля вновь выросла стѣна, только къ 4 часамъ немного подавшаяся назадъ и занявшая позиціи, которыя Дохтуровъ и сохранилъ до конца боя.

Всѣ усилія Наполеона вытѣснить Дохтурова были напрасны; потерявъ безчисленное множество убитыми, непріятель въ 7 часовъ вечера началъ отступать. „Это я видѣлъ собственными глазами,—пишетъ въ своемъ рапортѣ Дохтуровъ,—я полагалъ Бородинское сраженіе совершенно выиграннымъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Богдановъ пишетъ: „Около 2 часовъ дня на лѣвомъ флангѣ противъ Семеновскихъ высотъ и ихъ укрѣпленій бой возобновился страшнымъ огнемъ артиллеріи: съ обѣихъ сторонъ было выставлено 700 орудій. Эта поражающая сцена представила новый пиръ смерти; трупы падали и покрывали прежнія жертвы. Русскіе стройно и мужественно удерживали порядокъ и свои мѣста, не разъ рѣдѣли колонны наступавшихъ отъ картечь и пуль, а безстрашные изъ нихъ падали отъ русскихъ штыковъ! Казалось, и самъ Наполеонъ отъ потоковъ крови пришелъ въ тревожное состояніе и былъ готовъ отказаться отъ мысли о побѣдѣ. Русскіе полки тоже много теряли своихъ храбрыхъ, но за всѣмъ тѣмъ линіи ихъ оставались въ грозномъ положеніи. Генералъ Дохтуровъ, предводительствуя ими противъ громадныхъ массъ наступавшаго непріятеля, исполнилъ съ твердостью возложенное на него довѣріе въ столь важномъ дѣлѣ; онъ являлся повсюду, гдѣ только была опасность, и войска мужественно удерживали свои мѣста. Подъ нимъ одна лошадь убита, другая ранена. Наполеонъ долго колебался, видя затруднительное положеніе своей арміи, и только убѣдительныя просьбы Мюрата склонили его уже на послѣднее средство: двинуть въ дѣло гвардію. Какъ вдругъ извѣстіе о нападеніи русскихъ на его лѣвый флангъ остановило распоряженіе Наполеона, и онъ самъ поскакалъ удостовѣриться въ происходившемъ.

Тамъ Уваровъ съ конницей и казаками произвелъ большое смятеніе; обозы въ безпорядкѣ и страхѣ бѣжали, куда

попало; кавалерійская дивизія Орнано и пѣхотная Дельзона оттѣснены были за р. Войну. Послѣ этого отрядъ нашъ, не вступая въ дѣло съ подоспѣвшею на подкрѣпленіе итальянской пѣшей гвардіей, отошелъ къ селу Новому, гдѣ остался

Наполеонъ въ тревогѣ, въ день Бородина.
Рисун. изъ альбома, хранящагося въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

до вечера. Нападеніе это имѣло благопріятное для насъ вліяніе и измѣнило самый ходъ дѣла. Наполеонъ, отмѣняя распоряженіе послать свою гвардію, ограничился только приказаніемъ направить новыя усилія на нашъ центръ и его укрѣпленія. Наступленіе это началось вторымъ кавалерійскимъ корпусомъ, который, перейдя Семеновскій оврагъ, смѣло ударилъ на нашу линію. Наши войска 4-го корпуса,

Атака батареи Раевскаго. (Бородино, 26-го августа 1912 г.)

Раб. Базена.

Рисун. изъ альбома, хранящагося въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

терпѣливо выждавъ сближеніе кавалеріи, открыли вѣрный убійственный огонь, которымъ непріятель былъ опрокинутъ съ большой потерей. Генералъ Коленкуръ, достигшій тыльной части батареи Раевскаго, поплатился за свое увлеченіе жизнью, и кирасиры его, потерявъ много людей, въ смятеніи и безпорядкѣ разсѣялись. Какъ утромъ погибъ здѣсь генералъ Бонами съ пѣхотой, такъ днемъ та же участь постигла Коленкура съ своей кавалеріей.

Одновременно съ непріятельской конницей показались густыя колонны на площадкѣ и наши батареи хладнокровно, не торопясь, разсчитывая каждый моментъ сближенія подвигавшихся массъ, привѣтствовали враговъ убійственнымъ огнемъ; убитые падали, ряды смыкались, наконецъ, общій неумолкаемый громъ и огонь около 300 орудій и десятковъ тысячъ ружей съ укрѣпленія оврага извѣстили близость врага; непріятель идетъ впередъ; но груды труповъ на волчьихъ ямахъ и градъ картечи останавливаетъ храбрыхъ... огонь не умолкаетъ, колонны ихъ колеблются, еще моментъ... и замѣшательство неизбѣжно. Но Мюратъ очень близко; онъ сохранилъ полное присутствіе духа; его хладнокровіе и примѣръ временно спасли порядокъ, и непріятель, презирая смерть, яростно сталкивается съ подвинутыми къ батареѣ баталіонами 24-ой дивизіи, которая ударила въ штыки, и рукопашный бой завязался. Генералъ Груши, чтобы поддержать свою пѣхоту, бросился съ кавалерійской дивизіей Шателя на нашу 7-ую пѣхотную, занимавшую правый флангъ 4-го корпуса, но ружейный огонь пѣхоты и удачныя атаки Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ уничтожили это покушеніе. Генералъ Лихачевъ, увлекаясь долгомъ чести, пренебрегъ опасностью, ускакалъ впередъ, былъ окруженъ превосходнымъ числомъ непріятеля и, покрытый ранами, захваченъ въ плѣнъ. Искуссно управляемая артиллерія наша осыпала всюду, гдѣ только было можно, враговъ ядрами, гранатами и картечью; полки наши двигались здѣсь по указаніямъ гр. Остермана Толстого, но сильная контузія среди кипѣвшаго боя, полученная мужественнымъ вождемъ, сводитъ и его съ поля чести.

Барклай де-Толли, наблюдавшій все время за ходомъ борьбы, несмотря на болѣзненное состояніе и изнеможеніе, лично вступилъ въ непосредственное командованіе и, замѣ-

тивъ большое разстройство и колебаніе непріятельскихъ силъ, приказалъ Паскевичу съ резервомъ и полками 7-го корпуса двинуться впередъ.

Русское ура и ударъ въ штыки сломили ряды враговъ.

Слабая рука Кутузова, но твердая еще въ пораженіи своихъ противниковъ, тихо поднимаясь, указала прибывшей въ этотъ моментъ кавалеріи на отступавшія быстро въ безпорядкѣ толпы непріятеля и наша конница понеслась и исполнила приказаніе Кутузова“.

Удивительную противоположность представляли въ этотъ день поведеніе двухъ главнокомандующихъ. Наполеонъ, проведя день въ тревогѣ, вѣрилъ, однако, въ свою звѣзду; каждую минуту онъ ждалъ извѣстій о разгромѣ русскихъ, ждалъ нашихъ знаменъ, парламентеровъ *), но всѣ подъѣзжавшіе къ нему съ донесеніемъ были хмуры и мрачны, когда же онъ самъ поѣхалъ къ Семеновскому, то увидѣлъ, что, если и былъ разгромъ, то *его* арміи, а не русской— страшная суматоха, царствовавшая въ рядахъ его войскъ, была слишкомъ краснорѣчива. Однако, и мы не побѣдили въ строгомъ смыслѣ слова.

Кутузовъ, наоборотъ, весь день былъ совершенно спокоенъ, вѣря не въ звѣзду свою, а въ Бога и доблесть русскаго солдата. Правда, и къ нему подъѣзжали адъютанты и генералы, прося подкрѣпленій и, теряя голову, пытались говорить о пораженіи, но Кутузовъ такихъ отправлялъ вонъ и строго стыдилъ ихъ, до послѣдней минуты не теряя увѣренности. Послѣднимъ къ нему подъѣхалъ генералъ Вольцогенъ, чтобы объявить, что наша армія разстроена, но Кутузовъ, сидѣвшій на косогорѣ и будто бы дремавшій, но на самомъ дѣлѣ зорко слѣдившій за боемъ, по просту объявилъ Вольцогену, что онъ лжетъ и тутъ-же приказалъ бывшему при немъ Кайсарову писать приказъ по арміи о боѣ на завтрашній день.

Богдановъ объ этомъ приказѣ такъ говоритъ: „часу въ десятомъ ночи мы читали приказъ нашего славнаго вождя, сколько могу припомнить, въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „Доблестные воины! Припадая ко Господу силъ, вознесемъ Ему наши горячія мольбы и благодаренія за дарованную намъ

*) Уполномоченныхъ просить о мирѣ.

твердость, мужество и побѣду. Непріятель оставилъ поле битвы и отступилъ на прежнее занятое имъ мѣсто. Подкрѣпите ваши силы пищею и отдыхомъ, а на завтра будьте готовы къ бою".

Хотя и Наполеонъ приписывалъ себѣ въ этотъ день побѣду, однако, надо помнить, что онъ *отступилъ*, чего онъ никогда въ своей боевой жизни послѣ побѣдъ не дѣлалъ. Самъ онъ относительно Бородино впослѣдствіе писалъ: „Если французы показали себя въ этотъ день *достойными* одержать побѣду, то *русскіе стяжали право быть непобѣдимыми*".

За нимъ и вся Европа удивлялась доблести и мужеству русскихъ, но надо было считаться въ этотъ день не съ однимъ настроеніемъ полководцевъ и войскъ. На утро и Наполеонъ и Кутузовъ хотѣли продолжать бой, но возможно ли это было? Въ Бородинскомъ сраженіи съ обѣихъ сторонъ пало убитыми и ранеными до 100.000, именно: у насъ немного меньше 45.000 ч., а у Наполеона безъ малаго 60.000. Вы помните, что въ этомъ бою участвовало около 120.000 русскихъ, а непріятеля около 185.000, что же осталось теперь? У насъ около 75.000, у Наполеонъ около 125.000. Разница была громадная и 26-го августа, но теперь разница эта еще болѣе чувствовалась. Предположимъ, что состоялся бы бой и 27-го августа. Одинаково ожесточенные и жаждавшіе сраженія и наши войска и непріятель сражались бы такъ же храбро, какъ и наканунѣ, и могли бы понести *такія же потери*. Тогда у насъ осталась бы ничтожная армія въ 25.000, а у Наполеона уже въ три раза превышающая армія въ 75.000. Могъ ли Кутузовъ, такъ любившій солдатъ, такъ дорожившій ихъ жизнью, поставить на карту судьбу всей своей арміи, а значитъ и Россіи? Конечно, нѣтъ. Его приказъ имѣлъ только нравственное значеніе—поднять духъ русской арміи, объявить ее побѣдительницей, утѣшить раненыхъ и ободрить живыхъ. Спокойный, твердый, какъ бы провидя будущее, онъ оставляетъ страшно пострадавшую непріятельскую армію и отступаетъ со своими войсками, предоставляя исторіи и Россіи судить, правъ ли былъ онъ. Бородинская битва по праву пролитыхъ потоковъ крови, занимая почетную страницу въ исторіи не только Россіи, но всѣхъ народовъ, нынѣ всѣми признается тѣмъ первымъ пораженіемъ Наполеона на русской

Портретъ М. И. Кутузова, рисованный карандашемъ Вел. Кн. Николаемъ Павловичемъ, впослѣдствіи Императоромъ Николаемъ I, съ собственноручной подписью Императора Александра II „портретъ Кутузова, рисованный папою“.

Изъ альбома, хранящагося въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

землѣ, за которымъ послѣдовали остальныя. Бородино — это былъ роковой приговоръ за преступленія Наполеона, приговоръ, за которымъ вскорѣ послѣдовало наказаніе.

„Вѣчная память погибшимъ со славой!
Памятенъ будетъ тотъ бой,
Гдѣ обрѣли въ вѣчной сѣчи кровавой
Тысячи вѣчный покой".

А. Навроцкій.

V.

Памятники Бородинскаго боя на полѣ сраженія.

Вѣчная память...

Прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшаго хода великой Отечественной войны, надо сказать нѣсколько словъ о памятникахъ Бородинскаго боя, не тѣхъ, которые будутъ открыты 26-го августа 1912 г. и о которыхъ вы узнаете въ свое время, но о памятникахъ, давно уже украшающихъ поле сраженія и прекрасно описанныхъ въ книгѣ Оболешева, посвященной Бородинскому сраженію.

Первымъ изъ нихъ является монументъ-памятникъ Бородинской битвы, воздвигнутый на томъ мѣстѣ, гдѣ въ день битвы находилась „Батарея Раевскаго". Онъ воздвигнутъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и освященъ въ Его присутствіи 26-го августа 1839 г. съ большою торжественностью. Памятникъ этотъ, какъ вы видите, представляетъ колонну въ византійскомъ стилѣ, увѣнчанную крестомъ и слитую изъ чугуна непріятельскихъ орудій. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи:

Подъ образомъ Спасителя: „Въ Немъ спасеніе“. „Бородинское сраженіе 26-го августа 1812 года“.

На граняхъ правой стороны колонны (считая отъ образа, когда стоишь къ нему лицомъ):

На 1-й: „Благодарное отечество положившимъ животъ на полѣ чести“.

Русскихъ.	Убито.	Ранено.
Генераловъ.	3.	12.
Воиновъ	15.000.	30.000.

На 2-й: „Отступили съ честью, чтобы вѣрнѣе побѣдить“.

Вторгнулось въ Россію . . . . 554.000.
Возвратилось . . . . 79.000.

На 3-й: „Властолюбіе неограниченное изумило Европу и успокоилось посреди пустынь океана. Москва занята непріятелемъ 2-го сентября 1812 года. Александръ вступилъ въ Парижъ 19-го марта 1814 года“.

На грани, противоположной образу: „Франція, Италія, Неаполь, Австрія, Баварія, Виртембергія, Саксонія, Вестфалія, Пруссія, Голландія, Испанія, Португалія, Польша, Швейцарія и Германскій союзъ, всѣхъ 20 языковъ.

Вывели въ строй: пѣхоты 145.000, конницы 40.000, орудій 1.000“.

На граняхъ лѣвой стороны колонны:

1-й: „Кутузовъ, Барклай де-Толли, Багратіонъ. Русскихъ было въ строю: пѣхоты 85.000, конницы 18.000, казаковъ 7.000, ополченія 10.000, орудій 640“.

На 2-й: „Умерли за отечество полководцы: Багратіонъ, Тучковъ 1-й, Тучковъ 4-й, графъ Кутайсовъ. Всѣмъ прочимъ слава“.

На 3-й: „Европа оплакала паденіе храбрыхъ сыновъ своихъ на поляхъ Бородинскихъ“.

Непріятелей.	Убито.	Ранено.
Генераловъ	9.	30.
Воиновъ.	20.000.	40.000.

Близъ памятника, съ восточной стороны, погребено тѣло князя Багратіона, скончавшагося 12-го сентября 1812 года отъ раны, полученной при защитѣ Семеновскихъ высотъ.

Чугунная плита, лежащая на могилѣ, слита также изъ французскихъ орудій.

Въ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ В. А. Жуковскій, воспитатель будущаго Императора Александра II, слѣдующимъ образомъ описываетъ торжество открытія Бородинскаго памятника: „Я былъ въ Бородинѣ въ самый день великолѣпнаго праздника, которымъ Государь угостилъ свою армію. Палатою для пирующихъ было Бородинское поле, а украшеніемъ монументъ Бородинскаго боя съ Багратіоновымъ гробомъ у подошвы его и Бородинскіе холмы, на которыхъ подъ жатвою, ихъ покрывающею, спитъ почти цѣлое войско, погребенное со славою. Такихъ палатъ на свѣтѣ немного. Опишу про все, какъ было.

Утро Бородинскаго праздника было такъ же ясно, какъ утро Бородинскаго боя. Тогда была чувствительная осенняя свѣжесть, теперь теплота наполняла воздухъ и отъ долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малѣйшемъ вѣтеркѣ подымалась столбами. Войска (около 150.000) были рано по утру сведены на мѣста, имъ назначенныя; они стояли колоннами по наклону покатостей, окружая съ трехъ сторонъ то возвышеніе, на коемъ теперь стоитъ памятникъ Бородинскій и у подошвы котораго лежитъ Багратіонъ, возвышеніе, на которомъ произошла самая жаркая битва, гдѣ дрались Раевскій, Барклай, Паскевичъ, гдѣ раненъ Ермоловъ, гдѣ погибъ Кутайсовъ, на которомъ гремѣло болѣе 200 наполеоновскихъ пушекъ, гдѣ, наконецъ, всѣ перемѣшались въ рукопашной убійственной схваткѣ.

Войска, видимыя съ вершины этого холма, представляли зрѣлище единственное: однимъ взглядомъ можно было окинуть 150.000 армію, сжатую въ густыя колонны, которыя амфитеатромъ одна надъ другою подымались. Пѣхота была неподвижна, по ружьямъ сверкало солнце, и штыки ихъ казались блестящею поднявшеюся щетиною огромнаго боевого чудовища. Гдѣ стояла конница, тамъ дымилось; конскія копыта подымали пыль; она колебалась надъ колоннами, какъ черная громовая туча. Позади арміи разставлена была артиллерія.

Въ серединѣ этого чуднаго амфитеатра возвышался памятникъ, у подошвы котораго, внутри ограды, собраны были всѣ отставные, нѣкогда участвовавшіе въ славной битвѣ и

изъ разныхъ мѣстъ собравшіеся на ея праздникъ. Между ними особенно замѣчательны были инвалиды, кто съ подвязанною рукою, кто съ повязкою на головѣ, кто безъ обѣихъ ногъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ ожиданіи торжества, сидѣли на ступеняхъ монумента, другіе, положивъ на землю клюки, отдыхали у Багратіонова гроба, и этотъ гробъ, одинъ на землѣ Бородинской, величественно тихій, въ виду арміи новаго поколѣнія казался представителемъ поколѣнія прежняго, котораго воины положили здѣсь свои головы, котораго прахъ вѣчно живая природа съ такою любовью одѣла здѣсь своею свѣжею зеленью, своею благодатною жатвою. Другіе бородинскіе воины, еще находящіеся на службѣ, сидѣли на коняхъ и выстроены были фронтомъ внѣ ограды.

Явился Государь, проскакалъ мимо колоннъ, грянуло повсемѣстное „ура“ и вдругъ все стихло, а отъ Бородина съ хоругвіями и крестами потянулся крестный ходъ; священники всѣхъ полковъ, священники столицы, съ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ, длиннымъ строемъ съ торжественнымъ пѣніемъ шли мимо арміи къ монументу, передъ которымъ былъ воздвигнутъ алтарь. Когда священники стали по мѣстамъ своимъ и митрополитъ приблизился къ алтарю, тишина невыразимая воцарилась повсюду: ни движенія, ни шепота, какъ будто живые слились въ одно безмолвное братство съ безчисленными мертвыми, здѣсь подъ землею сокрытыми, какъ будто бы мертвые вышли изъ праха и, ставши въ строй съ живыми, вселили въ нихъ свое неземное спокойствіе; однимъ словомъ, этой минуты описать невозможно...

И вдругъ изъ глубины этого чуднаго молчанія тихо поднялся гармоническій голосъ, раздалось повсюду: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. Эта чудная гармонія, какъ тихій ангелъ пролетѣлъ между небомъ и землею; она не нарушила молчанія, она не умолкла, она была чѣмъ то таинственнымъ, чѣмъ то всевыражающимъ, вдругъ совершившимся вѣдомо и невѣдомо. Началось молебствіе, молитвы и пѣніе отъ подошвы памятника доходили до войска. Какая умилительная противоположность съ тѣмъ громомъ битвы, отъ котораго здѣсь за четверть вѣка земля трепетала.

Вдругъ раздался звучный голосъ Государя; услышали команду Его: „смирно“. Съ глубокою повсемѣстною тишиною

соединилось повсемѣстное ожиданіе, и въ это мгновеніе Первосвятитель возгласилъ: „Великому Императору Александру Первому вѣчная память“.

Тутъ всѣ пушки грянули однимъ залпомъ, вся армія грянула единогласно „ура“. Изъ за всѣхъ колоннъ, по всѣмъ высотамъ, поднялись тучи дыма и долго въ этомъ дыму, не заглушаемый громомъ артиллеріи, но отъ него отличный, непрерывнымъ гуломъ звучалъ торжественный голосъ войска, составляя вмѣстѣ съ выстрѣлами какую-то несказанную потрясающую сердце гармонію.

И это „ура“, сперва всеобщее по всѣмъ колоннамъ, умолкая на одномъ концѣ, начинаясь на другомъ, опять сливалось въ одинъ повсемѣстный крикъ, снова прерывалось и снова гремѣло и, наконецъ, по данному Императоромъ знаку, мало-по-малу замолкло.

И только эта одна минута повторила то, что здѣсь случилось въ день Бородинскаго боя: въ залпѣ пушекъ и въ крикѣ арміи мы услышали послѣдній отголосокъ тогдашней битвы, но этотъ отголосокъ была „слава“. Опять все умолкло; начался благодарственный молебенъ, армія пала на колѣни, запѣли: „Тебѣ Бога хвалимъ“. Первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою, потомъ священники съ хоругвіями и крестами пошли обратно мимо арміи и скоро ихъ свѣтлый строй, и кресты, и хоругви исчезли въ отдаленіи.

Колонны поколебались. Государь впереди ихъ проѣхалъ мимо памятника и, отдавъ ему честь, остановился передъ нимъ; вся армія прошла мимо него въ удивительномъ порядкѣ, но страшная туча пыли отъ нея подымалась, какъ будто поминая о дымѣ Бородинскаго боя.

Наконецъ, все опустѣло, все утихло; чудесное видѣніе кончилось: остался одинъ Бородинскій памятникъ съ Багратіоновымъ гробомъ, озаряемые яснымъ небомъ, и кругомъ ихъ спокойные холмы, одѣтые жатвою“.

У подножія кургана стоитъ домикъ, гдѣ живутъ инвалиды-сторожа, которые всегда содержатъ въ чистотѣ и порядкѣ памятникъ; на стѣнѣ внутри домика, въ рамкахъ подъ стекломъ, хранятся планы Бородинскаго боя, составленные графомъ Толемъ; тутъ же, въ особомъ ящикѣ, сберегаются лопаточка и молотокъ, служившіе Наслѣднику Александру

Николаевичу, будущему Императору Александру II, при закладкѣ памятника.

Вторымъ памятникомъ боя является *Спасо-Бородинскій женскій монастырь*, основанный въ 1833 году вдовою генерала Тучкова 4-го, командовавшаго въ день боя бригадою 3-ей пѣхотной дивизіи (полки Ревельскій и Муромскій) и убитаго при защитѣ Семеновскихъ флешей.

Монастырь построенъ какъ разъ на мѣстѣ, занятомъ этими флешами, остатки которыхъ сохранились и понынѣ.

Видъ с. Бородино и храма, сооруженнаго на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ ген. Тучковъ 4.

Въ высшей степени трогательна и поучительна исторія этого монастыря.

Маргарита Михайловна Тучкова, желая увѣковѣчить память о геройской смерти своего мужа, пріобрѣла, при помощи Императрицы Маріи Θеодоровны, три десятины земли, занятыя Семеновскими флешами, и на средней изъ нихъ воздвигла памятникъ-церковь во имя Спаса-Нерукотвореннаго.

Первоначально вдова Тучкова предполагала поставить лишь небольшую часовню, но Государь Александръ Павло-

вичъ пожаловалъ ей 10.000 рублей, на каковыя средства и была въ 1820 году построена каменная церковь.

Противъ круглаго алтаря храма, на широкой чугунной паперти возвышаются четыре колонны, а надъ дверью икона Спаса-Нерукотвореннаго съ надписью: „1812 годъ. 26 августа". „Блаженъ, его же избралъ и прiялъ еси вселится во дворѣхъ Твоихъ". (Послѣдняя надпись сдѣлана послѣ смерти единственнаго сына Тучковой).

По обѣимъ сторонамъ паперти—чугунные жертвенники на высокихъ треножникахъ, между ножками которыхъ пирамидою сложены ядра, поднятыя на полѣ битвы. Внутри церкви, слѣва отъ входа—бѣлый мраморный крестъ, на подножiи котораго вырѣзана надпись: „Помяни, Господи, во царствiи Твоемъ Александра, на брани убiеннаго". Направо, параллельно съ крестомъ, 2 плиты, обнесенныя позолоченной рѣшеткой; подъ ними покоятся тѣла Тучковой и ея сына.

Смерть единственнаго сына была причиною, побудившею Маргариту Михайловну поселиться навсегда въ Бородинѣ, при воздвигнутой ея заботами церкви. Мало-по-малу къ Тучковой стали приходить желающiя посвятить себя тихой жизни и служенiю Богу. Въ 1833 году, образовавшаяся такимъ путемъ, община была утверждена съ именемъ „Спасо-Бородинская пустынь", а основательница ея наименована настоятельницей.

Императоръ Николай Павловичъ, очень внимательно относившiйся къ нуждамъ пустыни, пожаловалъ ей въ 1837 году 25.000 руб. для возведенiя другого храма во имя Филарета, трапезной и келiи.

Въ 1838 году пустынь обращена въ Спасо-Бородинскiй монастырь, первою игуменью котораго назначена была вдова Тучкова, принявшая при постриженiи имя Марiи.

Въ 1839 году, во время торжества открытiя Бородинскаго памятника, Императоръ Николай посѣтилъ монастырь, келiю игуменiи и слѣдующими словами оцѣнилъ значенiе созданной ею обители:

„Мы поставили памятникъ чугунный, а вы предупредили насъ, поставивъ безсмертный христiанскiй памятникъ".

Третьимъ памятникомъ Бородинской битвы слѣдуетъ считать *церковь с. Бородина*, единственное на полѣ зданiе,

сохранившееся до нашихъ дней въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ день 26-го августа 1812 года.

Въ царствованіи Императора Николая Павловича церковь была ремонтирована, причемъ на ея новомъ куполѣ черною краскою отмѣчены тѣ отверстія, которыя были пробиты въ старомъ куполѣ непріятельскими ядрами.

Именно съ Бородинской колокольни во время боя было организовано наблюденіе за французскимъ лагеремъ.

Около церкви въ 1839 году построенъ былъ Императорскій дворецъ, въ которомъ останавливался во время торжества открытія памятника на курганѣ батареи Раевскаго Императоръ Николай I; Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ не разъ проводилъ по нѣсколько дней въ своемъ Бородинскомъ имѣніи и даже, сдѣлавшись Императоромъ, два раза посѣтилъ его.

Богъ дастъ, этотъ дворецъ посѣтитъ и нашъ Батюшка Царь въ дни 100-лѣтія Бородинской битвы.

Ежегодно, 26-го августа, на Бородинскомъ полѣ чествуется память воиновъ, павшихъ въ битвѣ.

Въ 9 часовъ утра церковная процессія, въ которой участвуетъ все духовенство г. Можайска, съ иконами и хоругвями шествуетъ изъ церкви с. Бородина къ памятнику, гдѣ передъ иконою Спасителя совершается благодарственный молебенъ, а потомъ на могилѣ князя Багратіона провозглашаютъ вѣчную память воинамъ, павшимъ за отечество въ Бородинской битвѣ. Затѣмъ крестный ходъ идетъ черезъ сел. Семеновское къ Спасо-Бородинскому монастырю, гдѣ его встрѣчаетъ архимандритъ Лужецкаго (въ Можайскѣ) монастыря съ братіею и хоромъ иноковъ, и отсюда всѣ идутъ въ храмъ Владимірской иконы Божіей Матери, гдѣ совершается литургія, а потомъ панихида.

Въ заключеніе торжества крестный ходъ обходитъ вокругъ монастыря. Такимъ образомъ, благодаря 3 перечисленнымъ памятникамъ, мѣсто кровавой и ожесточенной битвы сдѣлалось для насъ, русскихъ, святымъ мѣстомъ, куда приходятъ поклониться праху доблестныхъ защитниковъ родной земли.

Наконецъ, новыми памятниками боя будутъ возводимыя сейчасъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были 100 лѣтъ назадъ, всѣ укрѣпленія наши: бастіоны, редуты, флеши и батареи

и тѣ монументы, которые ставятся участвовавшими въ боѣ полками въ честь своихъ предковъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они проливали свою кровь за родину.

Къ чести нынѣшнихъ крестьянъ Бородина и окрестныхъ деревень надо сказать, что подъ эти памятники и монументы они охотно отдаютъ участки земли своей или за самую незначительную плату, или вовсе безплатно.

VI.

Въ многострадальной Москвѣ.

„Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ, князь Кутузовъ,
Ихъ на смерть впустилъ туда".

(Изъ солдатской пѣсни, сложенной въ 1812 г.).

Трудно разсказать, что переживали жители нашей Бѣлокаменной въ эти дни отступленій и сраженій отъ Смоленска до Москвы. Если никто въ арміи не зналъ, что будетъ завтра, тѣмъ болѣе, не могли ничего знать, казалось бы, москвичи, но... слухомъ земля полнится, и въ Москвѣ ранѣе, чѣмъ въ арміи поняли, что не сегодня—завтра непріятель займетъ Москву, и, кто только могъ, уже съ начала августа покидалъ столицу, увозя оттуда все, что было дорого, а прежде всего—иконы, чтобы не доставались онѣ врагу.

Въ то время генералъ-губернаторомъ Москвы былъ графъ Ростопчинъ, только что назначенный на эту должность; человѣкъ храбрый и пылкій, человѣкъ честный, энергичный, умный и горячо любившій родину, но и посейчасъ неразгаданный. Ненавистникъ всего иноземнаго, русскій душою и вѣрою, онъ въ самомъ началѣ войны поднялъ настроеніе духа не только москвичей, но и всѣхъ русскихъ, своимъ воззваніемъ „Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ", но затѣмъ,

когда непріятель болѣе и болѣе углублялся въ Россію, занялъ Смоленскъ, дрался у Бородина, былъ чуть ли не на порогѣ Москвы, Ростопчинъ продолжалъ писать воззванія къ народу въ видѣ афишъ, которыя онъ приказывалъ расклеивать по городу, и въ которыхъ увѣрялъ, что мы „шапками закидаемъ" враговъ, что онъ не допуститъ ихъ до Москвы и т. д. Вѣрилъ ли онъ въ это самъ, и теперь, черезъ 100 лѣтъ, достовѣрно сказать нельзя, ибо, расклеивая по городу афиши, онъ въ то же время секретно приказывалъ вывозить наши церковныя святыни, казну государственную, дѣла и пр.

Можно достовѣрно сказать одно лишь, что, если бы не эти афиши то, при извѣстіи объ оставленіи Смоленска и отступленіи на Москву, москвичей охватила бы паника и въ ужасѣ они сразу бросили бы городъ, бѣжали бы, потерявъ голову, не успѣли бы ничего вывезти, былъ бы ужасный безпорядокъ и масса несчастій. Между тѣмъ, увѣряя москвичей въ безопасности, Ростопчинъ не препятствовалъ ихъ выѣзду, и весь августъ мѣсяцъ, изо дня въ день, понемногу, сотни и тысячи экипажей, подводъ и телѣгъ, сравнительно спокойно направлялись къ заставамъ Нижегородской, Рязанской и Калужской, и Москва, можно сказать, какъ и армія, отступала спокойно и въ порядкѣ, незамѣтно пустѣла и пустѣла, уѣзжавшіе же отдавали свои дома подъ больницы для раненыхъ.

Прочтите въ приложеніи афишу Ростопчина, начало и конецъ которой я привожу въ фотографіи, снятой мною съ той писанной, что хранится у Государя Императора въ Книгохранилищѣ, и вы увидите, какъ Ростопчинъ зналъ русское сердце, какъ, поддѣлываясь подъ народный говоръ, онъ шутя успокаивалъ москвичей, не препятствуя, повторяю, уѣзжать тѣмъ, кто могъ, и раздавая оружіе тѣмъ, кто хотѣлъ остаться.

Успокоеніямъ Ростопчина народъ вѣрилъ, ему помогъ въ этомъ и митрополитъ Платонъ, который въ день Бородинскаго боя совершилъ Крестный ходъ на Чудовскую площадь и здѣсь, благословивъ народъ на защиту столицы, просилъ его не волноваться и покориться волѣ Божіей. Но когда Наполеонъ прошелъ Можайскъ, и Ростопчинъ приказалъ жечь хлѣбъ, а пожарнымъ выѣхать изъ столицы, за ними побѣжали и тѣ, кто еще не вѣрилъ въ возможность сдачи Москвы, но... ихъ было немного уже, хотя у заставъ и было

страшное скопленіе; однако, не успѣвшихъ выѣхать и вывезти добро свое, было, сравнительно, очень мало.

Наполеонъ увѣрялъ потомъ въ своихъ запискахъ, что Ростопчинъ *погубилъ* Москву, въ письмѣ къ Императору Александру даже обвинялъ Ростопчина въ сожженіи Москвы, и такъ думали многіе. Но въ томъ же самомъ обвиняли и Барклая-де-Толли и Кутузова, а между тѣмъ, именно они съ Ростопчинымъ, жертвуя Москвою, сберегли нашу армію и спасли столицу. Вспомните, какъ обѣщалъ Наполеонъ своимъ солдатамъ, что въ Москвѣ они найдутъ все имъ нужное и отдохнутъ. Такъ бы и было, если бы не Ростопчинъ, давшій возможность обывателямъ не торопясь увезти все драгоцѣнное, а лишній хлѣбъ, порохъ и орудія—потопившій въ Москвѣ рѣкѣ.

Пока одной рукой, такъ сказать, Ростопчинъ писалъ шуточныя афиши, другой онъ неустанно собиралъ пожертвованія, обучалъ и отправлялъ впередъ ополченія, шилъ для ратниковъ одежду и... увозилъ драгоцѣнности и казну. Что засталъ Наполеонъ въ Москвѣ? Пустыя стѣны церквей и домовъ, нѣсколько десятковъ иностранцевъ, прислугу, сторожившую эти стѣны, бездомныхъ бѣдняковъ, которымъ некуда было податься, наконецъ, случайно застрявшихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было увезти и которыхъ Ростопчинъ довѣрилъ честности непріятеля. Сознательно или не-

Графъ Θеодоръ Васильевичъ Ростопчинъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

чаянно оставшихся въ Москвѣ, здоровыхъ, было очень мало.

Правда, не всѣ купцы успѣли увезти свои товары изъ Гостинаго Двора и лавокъ, но что значили ихъ товары, хотя бы и дорогіе, въ сравненіи съ увезенными святынями и драгоцѣнностями, и на что французамъ были шелки и бархаты, когда въ Москвѣ не оказалось главнаго—хлѣба... Правда, *остались вина* въ погребахъ, и въ первую минуту непріятель имъ обрадовался, но... вина эти къ ихъ несчастью же послужили, какъ мы увидимъ.

Нѣтъ, не погубилъ Ростопчинъ Москву, а спасъ ее, ибо и сгорѣвшая, и въ развалинахъ, она осталась сердцемъ Россіи, ея Бѣлокаменной столицею, не давшей пріюта врагамъ нашимъ. Страшно подумать, что было бы, если бы Наполеонъ вступилъ въ Москву такую, какъ она была за 2 мѣсяца передъ тѣмъ.

Онъ нашелъ бы все, онъ спокойно перезимовалъ бы въ ней, отдохнулъ бы, и Богу вѣдомо, что стало бы тогда съ Россіей, а теперь, теперь—Наполеону съ его обнищавшими, оборванными, голодными и полупьяными солдатами пришлось въ морозъ, стужу и грязь бѣжать изъ Москвы, которую онъ такъ вожделѣлъ.

Но вернемся къ арміи, къ Кутузову.

Въ арміи, какъ и въ Москвѣ, никто не думалъ о возможности бросить столицу на произволъ судьбы. Послѣ Бородина, когда 27-го августа Кутузовъ, вмѣсто предполагаемаго боя, приказалъ отступать, армія, хотя и роптала, желая сраженія, все-таки видѣла въ этомъ одинъ маневръ и думала, что до Москвы будетъ выбрана новая позиція для боя. И такъ думали всѣ, ибо и Беннигсенъ съ Барклаемъ, и Ермоловъ съ Толемъ, все время выбирали позиціи, но Кутузовъ находилъ ихъ неудобными и приказывалъ отступать... Такъ шло до 1-го сентября, когда уже въ виду Москвы, въ дер. Фили, Кутузовъ ради формальности собралъ военный совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ,—драться передъ Москвой или сдать ее безъ боя... Говорю „ради формальности“ потому, что самимъ Кутузовымъ вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ послѣ Бородинскаго боя. Еще 17-го августа онъ писалъ командовавшему въ Москвѣ графу Растопчину: „Потерять ли армію, или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы

соединена потеря Россіи". Но послѣ Бородинской битвы родилась и утвердилась въ немъ мысль отдать Москву Наполеону. „Отдамъ Москву Наполеону,—сказалъ Кутузовъ,—и онъ разбухнетъ въ ней, какъ губка въ водѣ". Но мысли этой пока онъ никому не довѣрялъ. Выслушивая различныя дѣланныя ему на Поклонной горѣ предложенія, Кутузовъ не произносилъ своего сокровеннаго мнѣнія. Въ полдень уѣхалъ онъ съ Поклонной горы въ село Фили, сказавъ: „Глупъ я или уменъ, но теперь я долженъ полагаться только на самого себя".

Да, здѣсь, въ Филяхъ, Кутузовъ окончательно рѣшилъ отдать столицу и въ ней похоронить Наполеона съ его вздутой славой и великой арміей. Онъ, если и могъ бояться чего, то только заключенія мира съ Наполеономъ послѣ отдачи ему Москвы. Однако, онъ хорошо помнилъ слова Императора, что Государь не подпишетъ мира, пока хоть одинъ наполеоновскій солдатъ будетъ на русской землѣ, что Онъ скорѣе отраститъ себѣ бороду и уйдетъ въ Сибирь, чѣмъ попроситъ мира... Такъ же увѣренъ былъ Кутузовъ и въ своей арміи, несмотря на ея ропотъ. Нѣтъ, армія не хочетъ мира, но на русскій народъ сдача Москвы безъ боя должна была произвести гнетущее впечатлѣніе... Народъ—это Россія, горесть народа дойдетъ до Царя, а тамъ въ Петербургѣ были и такіе царедворцы, вродѣ недоброй памяти Аракчеева, которые не прочь были помириться... Но если миръ будетъ подписанъ, все пропадетъ, Кутузова смѣнятъ, и ему не удастся довести до конца задуманное уничтоженіе наполеоновской арміи... Долго молился Кутузовъ въ день 1-го сентября и, наконецъ, рѣшилъ. Такое страшное, угнетающее всю Россію рѣшеніе могъ взять на себя только одинъ Кутузовъ, ибо ему одному вѣрила вся Россія отъ Царя до послѣдняго солдата и землепашца. Больно было его сердцу, но мужество и вѣра въ Бога были сильнѣе боли этой.

День склонялся къ вечеру, а Кутузовъ не отдавалъ приказаній ни къ сраженію, ни къ оставленію Москвы. Часу въ пятомъ, войдя въ простую, уединенно стоявшую крестьянскую избу, принадлежавшую крестьянину Фролову, Кутузовъ пригласилъ первенствующихъ генераловъ и предложилъ имъ вопросъ: выгоднѣе ли сражаться передъ Москвой или отдать ее непріятелю. Изобразивъ неудобства осмотрѣн-

Совѣтъ въ д. Фили, 1-го сентября 1812 г.

Съ карт. А. Д. Кившенко.

ной по-утру позиціи, онъ сказалъ: „Доколѣ будетъ существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется надежда счастливо довершить войну, но по уничтоженіи арміи и Москва и Россія потеряны. Итакъ, надобно рѣшить вопросъ: ожидать ли нападенія въ неудобной позиціи или отступить за Москву?“ Здѣсь присутствовали, какъ это видно на рисункѣ, Барклай, Беннигсенъ, Раевскій, Дохтуровъ, Коновницынъ, Уваровъ, Толь, Остерманъ, Ермоловъ, Кайсаровъ. Въ преніи, возникшемъ при разрѣшеніи вопроса, генералы расходились во мнѣніяхъ. Одни требовали битвы, другіе отступленія. Когда на этомъ военномъ совѣтѣ отобраны были мнѣнія присутствовавшихъ, Кутузовъ заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: „Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. *Самымъ отступленіемъ изъ Москвы мы приготовимъ гибель непріятелю.* Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, что мнѣ придется отвѣчать, но жертвую собою для блага отечества“. Сказавъ это, онъ всталъ со скамьи и присовокупилъ: „Властью, данной мнѣ Государемъ и Россіею, я приказываю отступать“. Въ этомъ твердомъ, безповоротномъ рѣшеніи Кутузова оставить Москву непріятелю заключался весь планъ послѣдующей войны съ Наполеономъ.

Съ этого приснопамятнаго, можно сказать, момента, когда Кутузовъ, осѣняя себя крестомъ, сказалъ: „приказываю отступать“, изба крестьянина Фролова сдѣлалась одной изъ святынь для русскаго народа, который вѣруетъ, что въ годину страшнаго испытанія, внявъ слезамъ разоренныхъ, самъ Богъ нисходилъ Своею благодатью подъ сѣнь этой избы и устами достойнѣйшаго христіанина, великаго полководца, изрекъ Свою всеблагую волю, дабы спасти православную Россію отъ наглаго вторженія двадесяти языкъ и крайняго опустошенія и разоренія; и русскій народъ всегда взиралъ на эту избу съ сердечнымъ умиленіемъ и изба эта, сгорѣвшая 7-го іюня 1868 года, была уже въ 1889 г. возстановлена.

Теперь, въ 1912 году, весь русскій народъ поминаетъ имена тѣхъ, кто отстоялъ Россію въ страшную годину, и прежде всего имя славнаго Кутузова.

Армія тотчасъ же послѣ приказа Кутузова пошла черезъ Москву на Рязанскую дорогу, а Кутузовъ провелъ ночь въ Филяхъ. Страшная то была для него ночь. Кутузовъ не спалъ, а плакалъ и молился за Россію, за осуществленіе своего великаго плана. Передъ разсвѣтомъ, слыша, что Кутузовъ не спитъ, Кайсаровъ, дежурившій при немъ, вошелъ въ избу и просилъ старца успокоиться и заснуть. Не столько отвѣчая Кайсарову, сколько своимъ сомнѣніямъ и душевнымъ мукамъ, Кутузовъ не сдержался и при Кайсаровѣ высказалъ свою сокровенную пророческую мысль. Стукнувъ кулакомъ по столу, сквозь слезы онъ воскликнулъ: *„да, нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки, будутъ!“*

И они „жрали“ конину, они были счастливы, когда и конина была. Они съ голоду мерли, замерзали, гибли...

Но не будемъ забѣгать впередъ.

Священники съ причтомъ выходили навстрѣчу благословлять нашихъ солдатъ, а купцы раздавали имъ даромъ свои товары и жгли остатки ихъ, какъ Ростопчинъ провіантъ, зажгли даже барки и Каретный рядъ, положивъ начало московскому пожару.

Войска проходили черезъ столицу 1-го и 2-го сентября, прикрываемые тыльнымъ отрядомъ Милорадовича, ставшаго между Поклонной и Воробьевыми горами, но черезъ кривые улицы широко разбросанной Москвы скоро пройти было трудно, а непріятель сталъ обходить отрядъ Милорадовича. Тогда

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

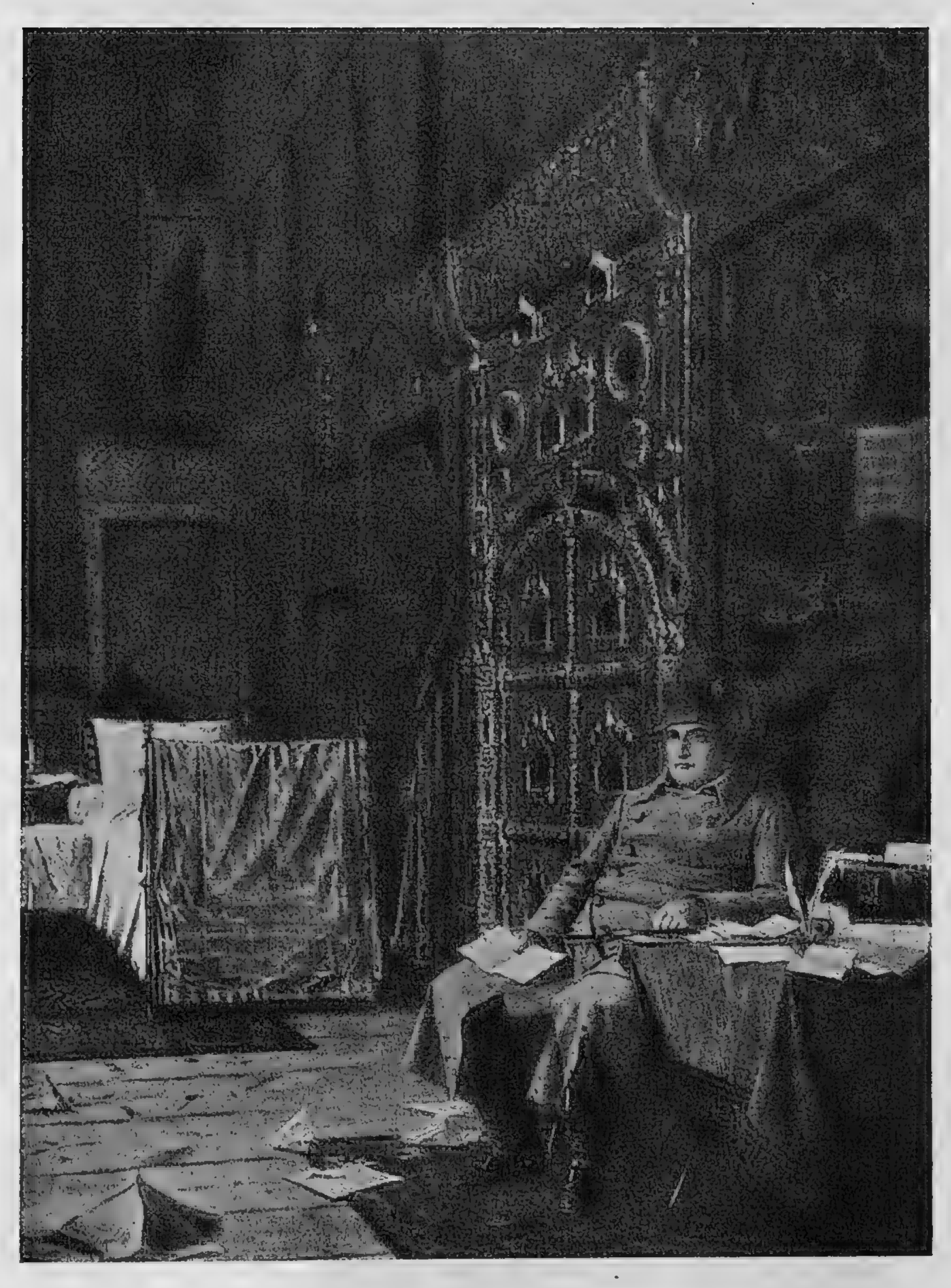
Милорадовичъ послалъ съ адъютантомъ записку къ принцу Мюрату, въ которой предлагалъ непріятелю вступить въ Москву вечеромъ, если онъ хочетъ найти цѣлою Москву, а если нѣтъ, то Милорадовичъ приметъ бой, а Наполеонъ найдетъ Москву въ развалинахъ.

Мюратъ согласился. Какъ и Наполеонъ, онъ воображалъ найти Москву не только цѣлою и богатою, но и населенною... Наполеонъ уже наканунѣ съ трепетомъ ожидалъ той минуты, когда у воротъ Москвы къ нему выйдутъ навстрѣчу „бояре", какъ онъ называлъ дворянъ, и горожане на бархатныхъ подушкахъ поднесутъ ему ключи „Святого города". И вотъ, минута эта настала въ 2 часа дня 2-го сентября. Наполеонъ съ Поклонной горы увидѣлъ у ногъ своихъ нашу Бѣлокаменную и воскликнулъ: „Вотъ онъ знаменитый городъ. Пора, пора!" — До того увѣренный, что онъ достигъ своей цѣли и конца войны, Наполеонъ не думалъ уже о русской арміи, давно уходившей по Рязанской дорогѣ. А, между тѣмъ... настоящая борьба только теперь и началась,—та борьба, которую задумалъ Кутузовъ.

Забыта была тревога, объявшая его въ Бородинскомъ бою, и Наполеонъ, приказавъ своей арміи по данному пушечному выстрѣлу вступать въ Москву, самъ съ блестящей свитою помчался къ Дорогомиловской заставѣ *встрѣчать покорившихся москвичей...*

Долго онъ ждалъ ихъ, прогуливаясь у заставы, но прискакавшіе офицеры доложили ему, что Москва брошена жителями. Это былъ страшный ударъ по тщеславію Наполеона, онъ не хотѣлъ повѣрить ужасному извѣстію и приказалъ привести къ нему силою „бояръ"... Черезъ часъ передъ нимъ дрожа стояла маленькая толпа оставшихся въ Москвѣ французскихъ актеровъ, гувернантокъ, перчаточниковъ и др. ремесленниковъ, съ бойкимъ цирюльникомъ во главѣ, который хотѣлъ говорить своему императору привѣтственную рѣчь. Впрочемъ, въ этой толпѣ были и русскіе: 2—3 дворника, сторожившіе оставленные дома, да нѣсколько бездомныхъ бѣдняковъ, пригнанныхъ сюда силою...

Въ гнѣвѣ Наполеонъ не дослушалъ цирюльника-француза и поскакалъ въ городъ. Злобные, совершенно пораженные неожиданностью, входили въ Москву и его солдаты, сознавая, что ихъ мечты и обѣщанія Наполеона не сбылись.

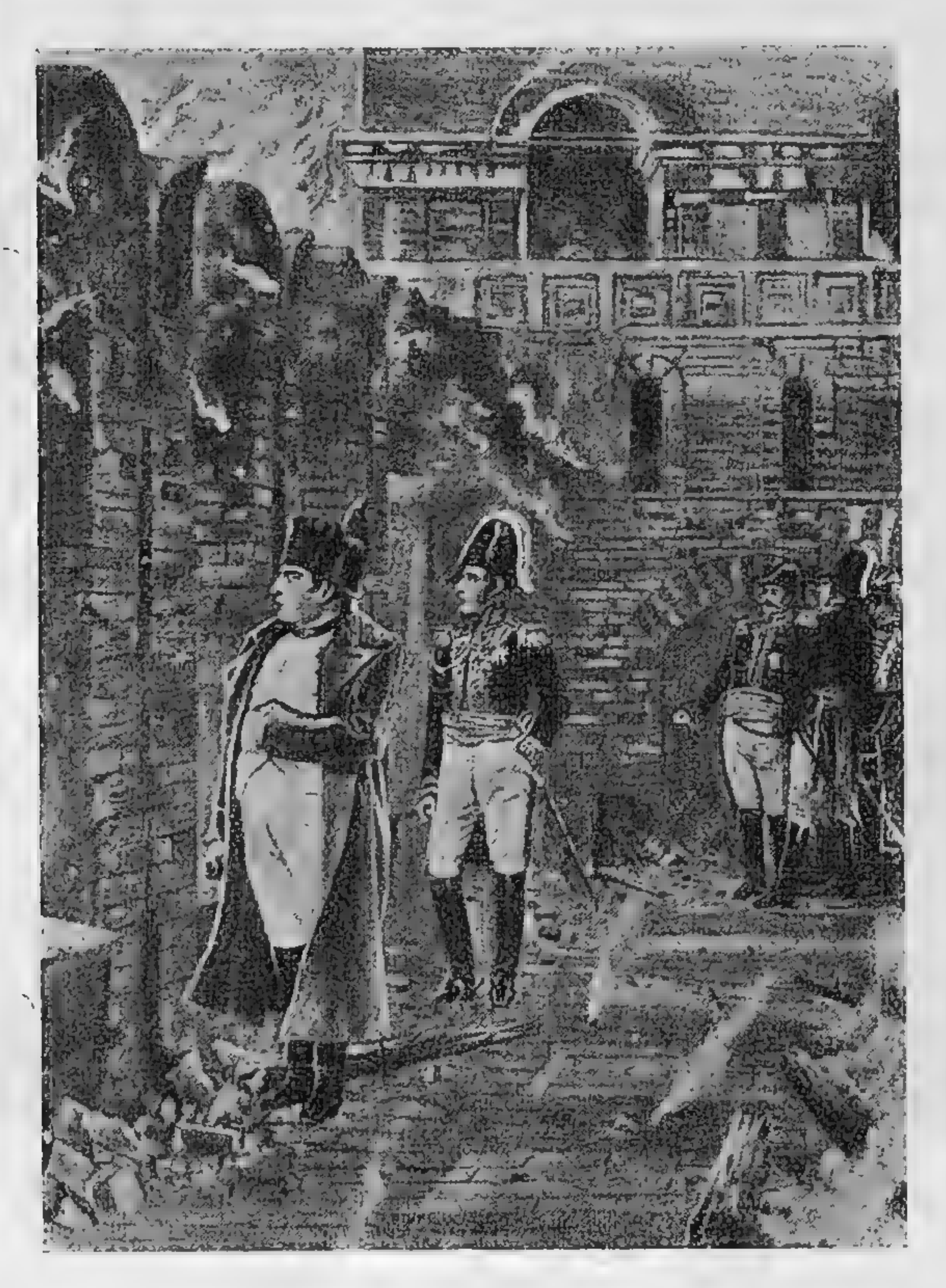

Наполеонъ кощунственно ночуетъ въ Успенскомъ Соборѣ.
Съ карт. В. В. Верещагина.

Вмѣсто ожидаемой радости, уныніе и злоба охватили ихъ и... и въ тотъ же вечеръ начались пьянство, убійство и грабежи такъ или иначе оставшихся въ Москвѣ москвичей, неувезеннаго добра, оставленныхъ въ церквахъ иконъ.

Начались ужасы, о которыхъ трудно говорить безъ содроганія,—ужасы, опозорившіе наполеоновскую армію, сдѣлавшіе изъ храбрыхъ и дисциплинированныхъ солдатъ какой то сбродъ полупьяныхъ и голодныхъ убійцъ... Впрочемъ... виноваты ли были они? Не Наполеонъ ли одинъ былъ виноватъ? Сколько тысячъ верстъ, терпя всевозможныя лишенія, шли они къ Москвѣ, гдѣ имъ обѣщали золотыя горы... Пришли и нашли громадный, недавно богатый, но совершенно опустѣвшій городъ!..

Что оставалось имъ, какъ не врываться въ дома, требуя пищи и ночлега? Не солдаты одни, но и ихъ офицеры были возмущены и, какъ и тѣ, бросались, какъ дикіе звѣри, въ дома московской знати, гдѣ находили сторожей стариковъ и старухъ или больныхъ, калѣкъ, такихъ же полуголодныхъ, какъ и они...

Наполеонъ смотритъ на пожаръ Москвы со стѣны Кремля.
Съ карт. В. В. Верещагина.

Наполеонъ, сперва расположившійся въ Кремлѣ, кощунственно ночевавшій даже въ Успенскомъ соборѣ, надѣявшійся первый день хоть на то, что его армія нашла въ Москвѣ квартиры

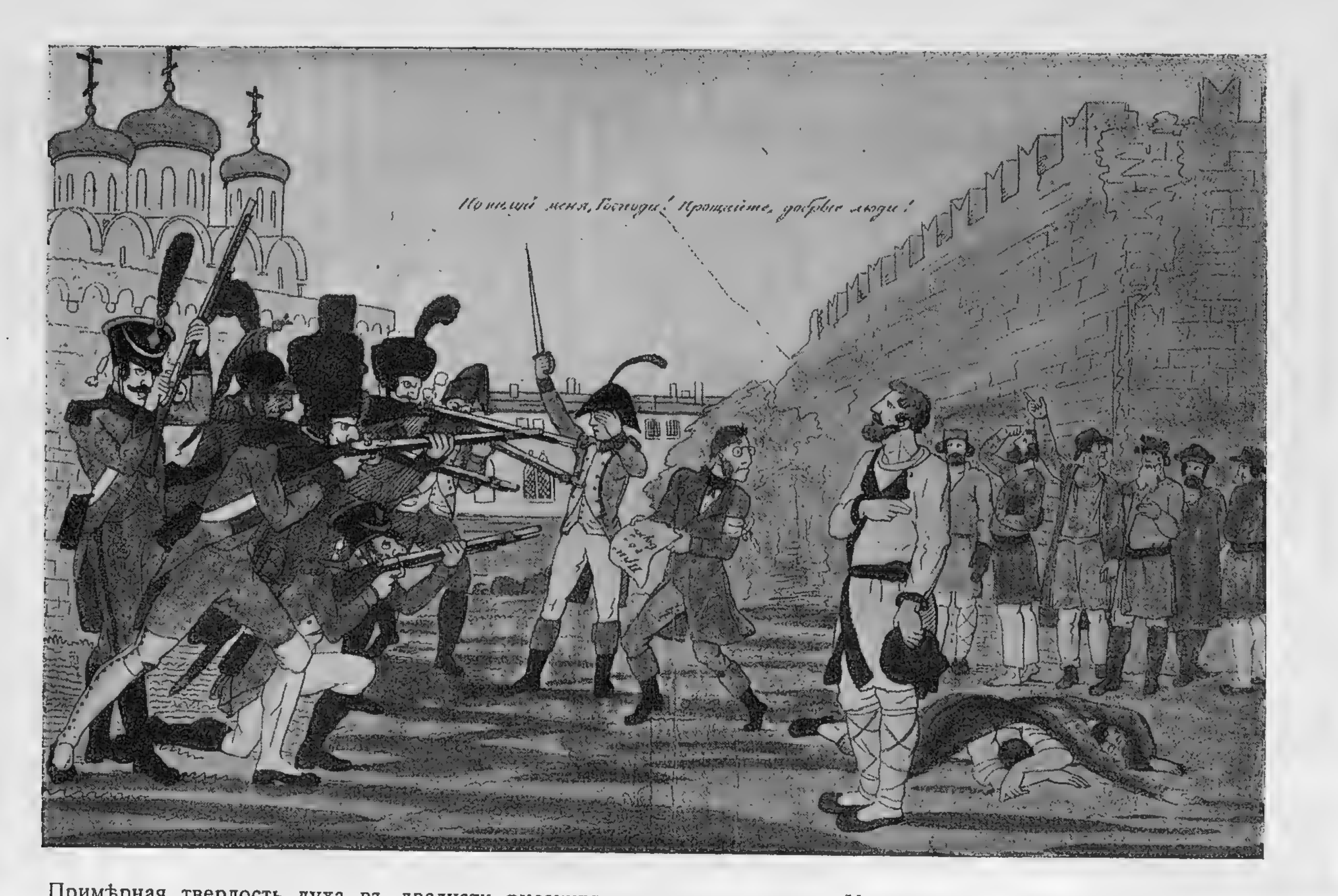
на зиму и продовольствіе, 3-го сентября и въ этомъ разочаровался: ни провіанта, ни фуража не было, точно нарочно завернули холода, а въ разныхъ концахъ Москвы начались пожары, — увидя изъ Кремля, что море огня заливаетъ Москву и близится къ Кремлю, онъ бѣжалъ за городъ, въ Петровскій дворецъ.

Наши и иностранные историки много потратили чернилъ и времени, чтобы разрѣшить вопросъ: кто сжегъ Москву—французы ли, Растопчинъ, или сами москвичи, но, по моему мнѣнію, которое, думаю, теперь каждый русскій раздѣлитъ, вопросъ этотъ такъ же безполезенъ, какъ и тотъ вопросъ о причинахъ войны, которому я посвятилъ начало книжки этой. Москву жгли и наши дѣды, чтобы цѣлая она не досталась врагу, жгли ее и враги со злобы и отчаянія; Москва погибла въ развалинахъ и пожарищахъ прежде всего, потому, что такъ Богъ судилъ. Глубоко былъ правъ нашъ поэтъ-патріотъ Хомяковъ, сказавшій про Наполеона и Москву:

„И во дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной“.

Въ свое время Москва воскресла изъ пепла, но „земная гордость“ похоронена была спаленною подъ развалинами древней столицы и русскій народъ недаромъ принесъ эту великую жертву, которую только теперь, черезъ сто лѣтъ, мы можемъ оцѣнить въ полной мѣрѣ.

Что происходило съ 2-го сентября по 6-е октября въ Москвѣ, какъ я сказалъ, трудно передать словами, не оскорбляя религіозныя и вообще человѣческія чувства читателей, но все же мы должны помнить, хотя бы для того, чтобы понять, почему народъ называлъ Наполеона антихристомъ, что солдаты его осквернили наши храмы, даже избивали священниковъ и монаховъ, не находя въ церквахъ и монастыряхъ драгоцѣнностей и денегъ, ломали священныя намъ гробницы, выбросили даже мощи Царевича Дмитрія, спасенныя однимъ священникомъ, разстрѣливали какъ бы поджигателей несчастныхъ бѣдняковъ, оставшихся въ столицѣ, насиловали женщинъ, словомъ, надругаясь, попирали

Примѣрная твердость духа въ двадцати русскихъ крестьянахъ, коихъ Наполеонъ въ Москвѣ безчеловѣчно осудилъ разстрѣлять за ихъ любовь къ вѣрѣ, Государю и Отечеству.

Изъ старинныхъ гравюръ, хранящихся въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

все святое и дорогое русскому сердцу. О, сколько невинныхъ погибло въ эти дни! Вотъ вамъ ужасный примѣръ.

2-го сентября солдаты Наполеона, между прочимъ, начали грабить Сорокосвятскую церковь, что у Новоспасскаго монастыря. Престарѣлый священникъ церкви этой, отецъ Петръ Гавриловъ, не только не далъ имъ ключей отъ храма, но, заградивъ собою входъ въ храмъ, сказалъ: „Не допущу васъ въ храмъ. Если войдете въ него, то только черезъ мой трупъ".

Разъяренные враги послѣ пытки умертвили о. Петра и прошли въ церковь, сломавъ двери, опрокинули престолы, подвергли поруганію святыню...

Добрые люди нашли тѣло героя-священника, погребли его въ оградѣ Новоспасскаго монастыря, а потомъ и памятникъ ему поставили. Этотъ памятникъ, милостью Божьею, цѣлъ и теперь, какъ цѣлы и двѣ слѣдующія на немъ надписи:

Первая надпись гласитъ: „Здѣсь погребенъ Сорокосвятской, что у Новоспасскаго монастыря, церкви рабъ Божій, священноіерей Петръ Гавриловъ, котораго тѣло предано землѣ черезъ три мѣсяца и три дня по кончинѣ, 1812 г. Житія его было 66 лѣтъ".

Вторая надпись содержитъ стихи:

„Здѣсь скромно погребенъ
Служитель алтаря,
Герой, вкусившій смерть
За вѣру, за Царя.
При заревахъ Москвы,
Вселенну изумившихъ
И кары грозныя
На злобу ополчившихъ,
При храмѣ Божіемъ
Онъ палъ, пронзенъ врагомъ,
Но живъ о Господѣ
Въ безсмертіи святомъ!"

Да что говорить, если обезумѣвшіе отъ злобы враги въ томъ же Новоспасскомъ монастырѣ разрушили даже нѣсколько гробницъ предковъ нашего славнаго царствующаго Дома, къ счастью, вскорѣ исправленныхъ. Историкъ монастыря, архимандритъ Аполлосъ, говоритъ: „Нашествіе фран-

цузовъ въ 1812 году не оставило въ покоѣ и Новоспасскаго монастыря. Ограбивъ въ церквахъ все, что только можно было захватить, *разломавши многія каменныя гробницы*, алчные враги произвели въ монастырѣ мерзость запустѣнія. Въ то же время монастырь подвергся страшному пожару, происшедшему отъ горючихъ веществъ, разбрасываемыхъ врагами. Но среди моря огня, объявшаго всѣ окрестности и монастырскія постройки, чудеснымъ образомъ уцѣлѣли два храма-обители: Преображенскій и Знаменскій".

Подъ спудомъ именно этихъ двухъ храмовъ и находятся дорогія русскому сердцу гробницы предковъ Дома Романовыхъ.

Потомъ, когда непріятель бѣжалъ и наши войска и крестьяне били ихъ, какъ голодныхъ волковъ, забирали въ плѣнъ и отнимали у нихъ ограбленное въ Москвѣ добро, зачастую ихъ ловили, одѣтыми въ парчевые камзолы, сшитые изъ священническихъ ризъ и хоругвей, находили у нихъ чаши святыя, нашли даже въ одномъ обозѣ крестъ съ колокольни, который они увезли, воображая, что онъ золотой...

Могли ли, оставшіеся въ Москвѣ, наши несчастные не мстить за это непріятелю?

По ночамъ враги боялись выходить; изъ садовъ и развалинъ ихъ подстрѣливали и прятали въ погребахъ, а французы на утро ловили нашихъ и разстрѣливали ихъ. Были и такіе отважные, которые и на жизнь самого Наполеона покушались... но Богъ судилъ извергу другую казнь.

Словомъ, огонь и кровь заливали Бѣлокаменную!

Въ приложеніи вы увидите интересный документъ, найденный мною въ Царскомъ Книгохранилищѣ и рисующія бѣдствія Москвы въ эти дни.

Въ это время въ ходѣ событій Отечественной войны совершился великій переломъ: пока обезумѣвшіе враги наши съ каждымъ днемъ слабѣли и физически, отъ голодовки и холода, и нравственно, не видя никакого исхода изъ этой мѣсяцъ назадъ „знаменитой" и „святой", а теперь „проклятой" Москвы, русскіе съ каждымъ днемъ усиливались численно и укрѣплялись тѣломъ и духомъ, обладая громадными запасами провіанта, ни въ чемъ не нуждаясь, и чувствуя близость той минуты, когда положеніе сторонъ круто перемѣ-

Руской Курцій. — И. И.

Ратникъ Московскаго Ополченія, жертвующій жизнію, съ намѣреніемъ, убійствомъ избавить Отечество отъ злобнаго врага Наполеона; вмѣсто его поражаетъ ошибкою Польскаго Полковника.

Произш. въ слав. Россіянъ случившееся во время вторженія Французовъ въ Москву. изъ жур. Сынъ Отеч. 1812 г. № 6 стр. [illegible]

Изд. 1813. фев. 11.

Изъ старинныхъ гравюръ, хранящихся въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

нится, когда изъ долгаго отступленія они перейдутъ въ наступленіе и погонятъ непріятеля, которому, кромѣ бѣгства, ничего не оставалось.

Разъ Наполеонъ вступилъ въ брошенную и опустошенную нами Москву, гибель его была неизбѣжна. За Кутузовымъ поняла это вся Россія, и сдача столицы оказалась не стыдомъ нашимъ, а величайшимъ подвигомъ.

9-го сентября къ Императору Александру I въ Петербургъ, съ извѣстіемъ о сдачѣ Москвы, прибылъ посланный Кутузовымъ полковникъ Мишо. Извѣстіе это очень огорчило Государя, но Императоръ сейчасъ же спросилъ: „а армія? упала духомъ?“

„Я оставилъ армію въ неописуемомъ страхѣ,—началъ свой отвѣтъ Мишо“. Государь страшно встревожился отъ этихъ словъ, но быстро пришелъ въ себя и радостно перекрестился, когда Мишо окончилъ: „войска боятся, чтобы Ваше Величество не заключили мира“...

И вотъ, здѣсь Государь нашъ еще разъ повторилъ: „передайте всѣмъ, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ крестьянъ, я уйду лучше въ глушь Сибири и буду питаться однимъ хлѣбомъ, чѣмъ подпишу позоръ Россіи. Не забудьте, что я вамъ говорю: быть можетъ, даже скоро настанетъ время, когда мы вспомнимъ объ этомъ съ радостью. Наполеонъ или я, вмѣстѣ мы царствовать не можемъ. Я узналъ его и больше ему не обмануть меня“.

Императоръ Александръ настолько твердъ былъ въ этомъ рѣшеніи, что даже не отвѣтилъ на хитрое письмо Наполеона изъ Москвы, въ которомъ онъ, этотъ „Побѣдитель вселенной“, просилъ мира; мало того, онъ страшно разсердился даже на Кутузова, который принялъ Лористона, посла отъ Наполеона, чтобы выслушать его условія мира и... отказать въ немъ; разсердился за самый пріемъ этотъ.

Наполеонъ поистинѣ терялся. Какъ! онъ побѣдитель, взявшій столицу русскихъ, долженъ просить мира, а ему не отвѣчаютъ даже!.. Правда, онъ все еще заботился о своей арміи, требовалъ изъ Франціи подкрѣпленій, приказывалъ заготовлять для нихъ магазины съ хлѣбомъ въ Варшавѣ, Смоленскѣ и др. городахъ, разсылалъ своихъ маршаловъ наблюдать за нашей арміей, воевалъ въ Москвѣ со своими собственными, отбившимися отъ рукъ, солдатами, но... никакія его мѣры

успѣха не имѣли и не могли имѣть, ибо прежде всего и онъ и его армія въ Москвѣ поистинѣ голодали...

Наполеонъ повторялъ эту попытку 3 раза, но, конечно, безуспѣшно. Нѣтъ, о мирѣ не могло быть рѣчи; великая жертва (Москва) была принесена и, какъ сказалъ Лермонтовъ:

. . . „Недаромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана".

VII.

Народная война и партизаны.

Отступивъ по Рязанской дорогѣ, Кутузовъ еще разъ, въ послѣдній, обманулъ Наполеона: уже 5-го сентября наша армія пошла по берегу Красной Пахры на Подольскъ и вышла на Калужскую дорогу, но... и на Рязанской, и на Тульской дорогахъ онъ оставилъ небольшіе отряды, сперва принятые непріятелемъ за нашу главную армію, а потомъ до того сбившіе съ толку Мюрата, правую руку Наполеона, что этотъ генералъ донесъ, было, своему Императору, будто русская армія вся разсѣялась и, кромѣ казаковъ, ничего отъ нея не осталось...

Впрочемъ, въ концѣ сентября Мюратъ, на горе свое, нашелъ нашу армію, но... уже у Тарутина, пока же вокругъ Москвы разыгрывалась та война, о которой Наполеонъ никогда не думалъ, народная война, партизанская.

Еще передъ Бородинымъ, подполковника Давыдова, гусара и поэта, не переносившаго безконечнаго отступленія, охватила мысль сформировать рядъ маленькихъ отрядовъ, которые могли бы ловко скрываться въ лѣсахъ, быстро передвигаться, неотступно и невидимо слѣдить за непріятелемъ, вѣчно и неожиданно его безпокоить, отбивать его обозы, устраивать преграды на дорогахъ и т. д. Такіе летучіе и маленькіе, партизанскіе, какъ ихъ назвали,

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.
Партизанъ-поэтъ.

Давыдовъ, пламенный боецъ,
Онъ вихремъ въ бой кровавый,
Онъ въ мірѣ счастливый пѣвецъ
Вина, любви и славы.

Жуковскій.

отряды, съ легкой руки Давыдова, множились во время стоянки непріятеля въ Москвѣ, какъ грибы, прекрасно служили нашей арміи, стали грозны для Наполеона, а во время бѣгства его арміи—окончательно разстраивали ее.

Война 1812 года, какъ партизановъ, прославила имена Дениса Давыдова, капитана А. С. Фигнера, А. Н. Сеславина, гусара Самуся, генерала Дорохова, совершавшихъ чудеса храбрости, но ихъ успѣхи увлекли и другихъ, — князя Вадбольскаго, Бенкендорфа, Фонъ-Визина, князя Кудашева, Ефремова, Пренделя, Чернозубова, Побѣднаго, Фиглева и т. д., имена которыхъ, къ сожалѣнію, остались неизвѣстными. Они сотнями и тысячами брали въ плѣнъ непріятелей, отбивали ихъ знамена и пушки десятками, отняли у нихъ почти все, награбленное ими въ Москвѣ, добро, въ томъ числѣ крестъ съ церковной колокольни, много церковнаго серебра, картинъ и предметовъ роскоши, которые везлись бѣгущимъ непріятелемъ въ многочисленныхъ обозахъ. Въ одномъ изъ такихъ обозовъ найдены были доски и всѣ инструменты для дѣланія фальшивыхъ русскихъ бумажекъ.

Эти обозы страшно затрудняли движенія войскъ Наполеона, который одно время даже приказалъ жечь ихъ, но... зачѣмъ пропадать русскому добру,—на помощь Наполеону пришли наши партизаны и, вмѣсто того, чтобы жечь обозы, партизаны стали уводить ихъ назадъ, во-свояси, а оберегавшихъ ихъ истребляли.

Имена нѣкоторыхъ изъ партизановъ, напримѣръ, Фигнера, наводили истинный ужасъ на французовъ; храбрый

до отчаянія и удивительно хладнокровный, А. С. Фигнеръ совершилъ массу выдающихся подвиговъ, хотя нѣкоторые обвиняютъ его въ томъ, что Фигнеръ былъ не по-русски жестокъ, — онъ не бралъ плѣнныхъ, онъ добивалъ раненыхъ, разстрѣливалъ здоровыхъ и не оставляя за собою враговъ, мчался впередъ на новые подвиги, спасительные для насъ, жестокіе для французовъ.

А. С. Фигнеръ.

Владѣя французскимъ языкомъ, какъ французъ, онъ часто переодѣвался, забирался ночью во вражескій отрядъ, и горе было этому отряду на утро... Переодѣтый, онъ и въ Москвѣ бывалъ нѣсколько разъ, желая лично убить Наполеона, но сдѣлать этого не судилъ ему Богъ, предопредѣлившій, чтобы Наполеонъ умеръ одинокимъ, заброшеннымъ на маленькомъ островѣ, въ безпредѣльномъ океанѣ...

Совершали эти партизаны передъ арміей нашей и ту великую службу, что, быстрые на ходу и выслѣживая каждый шагъ непріятеля, ловя его развѣдчиковъ и курьеровъ, они доносили объ его движеніяхъ главнымъ нашимъ начальникамъ, благодаря чему непріятель передвигался какъ бы на угадъ, въ темнотѣ, тогда какъ мы видѣли и знали все и пользовались каждой его оплошностью. Вскорѣ мы увидимъ, что, благодаря партизану Сеславину, Кутузовъ выигралъ одно изъ главныхъ сраженій 1812 года.

Однако, и у самихъ партизановъ бывали крупныя дѣла; такъ Давыдовъ, вначалѣ имѣвшій въ своемъ отрядѣ только 200 человѣкъ, подъ конецъ командовалъ тысячнымъ отря-

домъ и давалъ отступавшимъ французамъ настоящія сраженія; князь Кудашевъ разбилъ 2-хъ тысячный отрядъ непріятеля, а Дороховъ взялъ штурмомъ укрѣпленный французами Верею, уѣздный городъ, гдѣ послѣ смерти въ 1815 г., по завѣщанію, и былъ погребенъ.

Скажу здѣсь, къ слову, что Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“ подъ именемъ жестокаго партизана Долохова описалъ вовсе не Дорохова, какъ многіе думаютъ, а Фигнера.

Эта партизанская война, столь устрашавшая непріятеля, слилась съ еще болѣе для него ужасной народной войною, начатою, какъ я уже разсказывалъ, крестьянами Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., которыхъ не устрашилъ разстрѣлъ и геройская смерть помѣщиковъ Энгельгарда и Шубина съ ихъ вѣрными крестьянами. Какъ здѣсь нашлись исправникъ Богуславскій и маіоръ Емельяновъ, составившіе изъ крестьянъ грозные отряды, хотя и вооруженные рогатинами, вилами и косами, такъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ—крестьянъ водили въ бой предводитель дворянства Каленовъ и городской голова Адамовичъ, жителями г. Рославля командовалъ городской голова Полозовъ, и въ Юхновскомъ уѣздѣ на французовъ наводилъ ужасъ предводитель Храповицкій, крестьяне котораго, какъ и Сычевскіе, давали непріятелю правильныя сраженія.

Больше всего, однако, доставалось отъ насъ „міродерамъ“, какъ крестьяне окрестили непріятельскихъ мародеровъ (т. е. грабителей), которыхъ страшно много развелось съ сентября 1812 г., и непріятельскимъ фуражирамъ.

Каждый день Наполеонъ отправлялъ изъ Москвы по нѣсколько небольшихъ отрядовъ французовъ собирать въ окрестностяхъ хлѣбъ и скотъ для мяса, но... едва половина ихъ возвращалась въ городъ съ пустыми руками--съ остальными расправлялись наши партизаны и крестьяне.

Старостиха Василиса, разсказываютъ, человѣкъ 25 такихъ фуражировъ загнала въ избу, заперла, а потомъ собрала крестьянъ,—ну, они и посчитали ребра „міродерамъ“...

Да, благодаря партизанамъ и народнымъ отрядамъ, Кутузовъ добился того, что непріятель ѣлъ лошадиное мясо, радъ былъ, когда ему въ супъ ворона доставалась...

Послѣ войны, къ Рождеству 1812 года, извѣстный нашъ художникъ - каррикатуристъ Теребеневъ выпустилъ для ва-

Каррикатура Тарабанова (одинъ казакъ перетягиваетъ на вѣсахъ всѣ „двадесять“ народовъ)
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

шихъ отцовъ и дѣдовъ, тогда дѣтей, особенную азбуку въ картинкахъ. На каждую букву имъ былъ придуманъ рисунокъ и присказка къ нему. Букву **В**, напримѣръ, изображала такая картинка: непріятельскіе солдаты разрываютъ на части ворону, а присказка говоритъ:

„**В**орона, какъ вкусна! нельзя ли ножку дать!
А мнѣ изъ котлика, хоть жижи полизать“.

На другой картинкѣ изображены были уходящіе изъ Москвы въ лохмотьяхъ и бабьихъ чепцахъ наполеоновскіе герои. Сбоку нарисована буква Д, а внизу подпись:

„**Д**омой пора! Маршъ, маршъ! довольно погостили
Безъ носу, рукъ и ногъ, въ чепцахъ насъ отпустили!“

Теребеневъ же рисовалъ тогда много каррикатуръ на Наполеона и его армію. Привожу здѣсь 2 изъ нихъ, причемъ „Вѣсы Правосудія“ скопирована съ подлинника, хранящагося въ Собственныхъ Его Величества Библіотекахъ (см. стр. 113).

Въ школѣ вы учили, навѣрное, басню Крылова „Ворона и Курица“. Дѣдушка Крыловъ написалъ ее именно тогда, когда наши гости изъ воронъ супъ варили...

Хроника войны незабвеннаго 12-го года богата именами героевъ, положившихъ животъ свой за родину, но еще болѣе было въ ту

Наполеонъ I въ русской каррикатурѣ.

страшную годину незамѣтныхъ и неизвѣстныхъ героевъ, вовсе не военныхъ, простыхъ людей всѣхъ сословій, имена которыхъ чтутся въ родныхъ деревняхъ, и должны быть извѣстны народу. Имена нѣкоторыхъ я уже приводилъ, но если Герасимъ Куринъ, крестьянинъ Богородскаго уѣзда, Вохневской волости, поминается въ своемъ селѣ Павлово, потому что, предводительствуя своими братьями, онъ не страшился нападать на регулярные отряды и, напримѣръ, 27-го сентября разбилъ на голову три французскихъ эскадрона, то какъ не вспоминать крестьянамъ с. Рѣховскаго, Волоколамскаго уѣзда, своего дьячка Василія Рагузина, который спасъ отъ враговъ и родную свою сельскую церковь, и развѣдчикомъ служилъ и, стоя во главѣ 500 крестьянъ, на смерть разбивалъ враговъ.

Вотъ что сказало военное начальство въ свидѣтельствѣ своемъ, выданномъ Рагузину:

„1812 г. сентября съ 13-го по 12-ое октября онъ, Рагузинъ, былъ посылаемъ въ разныя мѣста для развѣдыванія непріятеля и собиралъ во многомъ числѣ изъ разныхъ селеній съ вооруженіемъ крестьянъ, съ которыми и вмѣстѣ съ казачьими отрядами ѣздилъ для пораженія разсѣяннаго по селеніямъ Рузскаго, Можайскаго и Гжатскаго округовъ, непріятеля нѣсколько разъ, гдѣ всегда былъ храбръ и неустрашимъ“.

Благодаря этому свидѣтельству, вскорѣ же по окончаніи войны, за свои труды и подвиги дьячокъ Василій Рагузинъ получилъ, какъ обремененный семьей, отъ московскаго преосвященнаго 120 руб. Спустя 3 года, въ 1816 году, онъ получилъ отъ синода серебряную медаль съ надписью: „За полезное“. Въ томъ же году правительство наградило Рагузина другою медалью и 400 р. для поправленія его состоянія. Будучи уже глубокимъ старикомъ, Рагузинъ въ 1833 году покинулъ свое мѣсто въ родномъ селѣ и поселился въ Москвѣ въ богадѣльнѣ доживать свой вѣкъ. Тутъ онъ въ 1841 году и скончался; останки этого скромнаго героя покоятся на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ...

Въ числѣ знаменитыхъ героевъ войны 1812 года, имена которыхъ всѣмъ хорошо извѣстны, не значится скромное имя дьячка изъ Рѣхова. Не сохранилось и портрета его. Но память о немъ жива и воспоминаніе о немъ сохранилось и въ самомъ селѣ Рѣховѣ, и въ окрестностяхъ, и переходитъ

отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку... Онъ былъ истинный герой, хоть и маленькій, незначительный въ средѣ тѣхъ богатырей, которые отразили нашествіе французовъ, покрыли вѣчною славою русское имя и сломили, считавшаго себя непобѣдимымъ, знаменитаго Наполеона. Императрица Елисавета Алексѣевна, въ письмѣ своемъ къ матери, между прочимъ, говоритъ о другомъ неизвѣстномъ героѣ-крестьянинѣ: „Французы захватили въ Москвѣ нѣсколько крестьянъ и хотѣли заставить ихъ сражаться въ рядахъ своего войска, а чтобы они не бѣжали, имъ ставили на рукѣ клейма, подобно тому, какъ на заводахъ клеймятъ лошадей. Одинъ изъ крестьянъ спросилъ: что значитъ это клеймо? Ему отвѣтили, что это знакъ того, что онъ теперь—Наполеоновскій солдатъ. „Какъ, я солдатъ Наполеона!?"—воскликнулъ онъ, схватилъ топоръ, отрубилъ себѣ руку, и, кинувъ ее къ ногамъ присутствующихъ, сказалъ: „нате вамъ ваше клеймо!..."

Я уже разсказывалъ подвигъ отца Гаврилова, говорилъ о старостихѣ Василисѣ, хроника войны упоминаетъ и о подвигѣ священниковъ Скобѣева и Мурзакевича и мѣщанина Манчикова, захватившаго непріятельскаго курьера съ очень важными депешами, а народныя преданія вспоминаютъ и подвиги кружевницы Прасковьи, и многихъ дьячковъ, старостъ и крестьянъ, героевъ неизвѣстныхъ, но свершившихъ свое русское дѣло въ страшную годину, дружно шедшихъ на врага или въ одиночку, или сотнями за своими помѣщиками дворянами, объединившихся съ ними одною любовью къ родинѣ, однимъ желаніемъ послужить ей и Царю, освободить Россію по слову Императора Александра: „доколѣ ни одного непріятеля не будетъ на землѣ русской"...

Еще менѣе извѣстными, конечно, остались имена тѣхъ не тысячъ, а десятковъ тысячъ ратниковъ, точнѣе, ополченцевъ, которые, какъ я уже говорилъ, участвовали не только, какъ землекопы, но какъ настоящіе солдаты, и изъ которыхъ отличились въ особенности ополченія петербургское и новгородское, обученныя самимъ Кутузовымъ, пока его не назначили главнокомандующимъ; ярославское, которымъ командовалъ генералъ Я. И. Дедюлинъ, дѣдъ нашихъ славныхъ современныхъ дѣятелей, генералъ-адъютанта и сенатора Дедюлиныхъ; смоленское и московское, мною уже упомянутыя, и доблестныя калужское и нижегородское.

Наконецъ, нельзя не упомянуть, что тверское ополченіе было собрано изъ удѣльныхъ крестьянъ Великой Княгини Екатерины Павловны и содержалось все время на ея счетъ, къ устройству же этого ополченія и его обученію много трудовъ положилъ Августѣйшій Супругъ Княжны, Герцогъ Ольденбургскій, бывшій въ г. Твери генералъ-губернаторомъ.

Впрочемъ, утверждаютъ, что и самая мысль о народномъ ополченіи въ Россіи принадлежала Августѣйшей Сестрѣ Императора.

Тверскіе и смоленскіе ополченцы составляли главную часть партизановъ, москвичи строили всѣ укрѣпленія подъ Бородинымъ, калужане и ярославцы прославились потомъ осадою Данцига, вмѣстѣ съ туляками, одинъ полкъ которыхъ (конный) дошелъ до самаго Парижа.

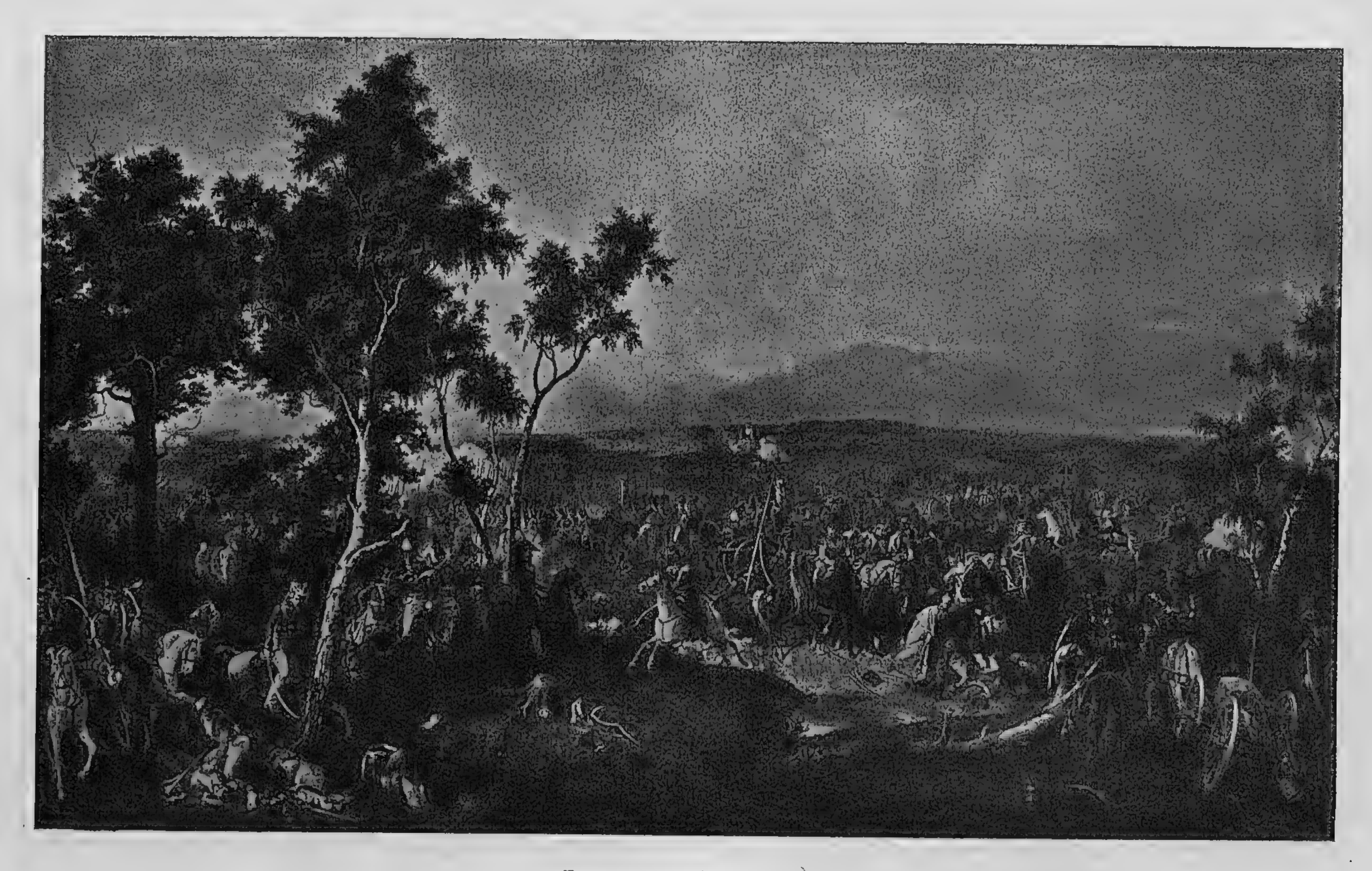
Не менѣе славнымъ показалъ себя и конный полкъ, на собственный счетъ устроенный, одѣтый и все время содержавшійся графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

Этимъ единеніемъ дворянъ и крестьянъ, духовенства и горожанъ, словомъ, всѣхъ сословій, и была тогда сильна наша Родина и, пока такое единеніе будетъ у насъ царить, Россія всегда будетъ непобѣдима. Наоборотъ, когда врагамъ нашимъ удастся поселить рознь между сословіями, намъ нельзя ждать удачи. Поселить эту рознь собирался у насъ и Наполеонъ, не брезговавшій никакими преступными средствами. Вступая въ Россію, онъ ввезъ милліоны нашихъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и возмутительныхъ прокламацій, но... ни то, ни другое средства не удались. Народъ скоро распозналъ фальшь и кредитные билеты жегъ на цигарки, а надъ прокламаціями, гдѣ народу обѣщалась воля, смѣялся, ибо зналъ, что дать волю властенъ только русскій Царь-Самодержецъ, а не чужакъ-пришлецъ. Вы знаете, что съ той поры за сто лѣтъ въ Россіи бывало много такихъ „Наполеоновъ“, куда помельче только, однако, вамъ волю далъ только Царь-Мученикъ Александръ II, а свободу и представительство—только нашъ благополучно царствующій Императоръ Николай II, Царь мира и кротости.

Въ концѣ войны 1812 года Императоръ Александръ I передъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовалъ доблесть и мужество своихъ вѣрныхъ подданныхъ всѣхъ сословій въ манифестѣ отъ 3-го ноября 1812 г., гласившемъ:

„Торжественно, отъ лица всего Отечества изъявляемъ признательность и благодарность нашу всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщане и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченіе, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгла полки непріятелей, съ какою за нѣсколько передъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля.

Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ др. мѣстахъ санктпетербургской и новгородской дружины, отправляемыя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ графу Витгенштейну. Сверхъ того, изъ донесеній главнокомандующаго и другихъ генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли Мы, что во многихъ губеріяхъ, а особенно въ Московской и Калужской, поселяне сами собой ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостью претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ Нашимъ и помогали дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись передъ святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи оного истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнью обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Только великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ эту незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, Мы вмѣстѣ съ православною церковью и Св. Синодомъ и духовенствомъ, призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что если неукротимый врагъ Нашъ и поругатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ, по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея

Бой подъ Тарутинымъ,

Съ карт. П. Гессе, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

и могущество. Между тѣмъ, почитаемъ за долгъ и обязанность *симъ Нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить передъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность Нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу россійскому".*

Но вернемся къ самой Отечественной войнѣ, къ ея славному для насъ и позорному для Наполеона ея концу.

VIII.

Бѣгство Наполеона.

„Да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій".
Слова **Высочайшаго Манифеста.**

Пока партизаны и народъ расправлялись такъ съ „міродерами", обозами и небольшими отрядами войска Наполеона, не знавшаго, куда уходить изъ Москвы, то просившаго мира, то взрывавшаго нашъ Святой Кремль и злившагося на своихъ генераловъ, и этого сдѣлать не успѣвшихъ, Кутузовъ не только обогрѣлъ, накормилъ и далъ отдохнуть нашей арміи, но увеличилъ ее вновь до 110 тысячъ, ожидая часа, когда Наполеонъ выйдетъ изъ Москвы, а Царь прикажетъ Кутузову перейти въ наступленіе. Приказъ этотъ полученъ былъ отъ 2-го октября, и, хотя Наполеонъ изъ Москвы еще не вышелъ, Кутузовъ уступилъ просьбамъ Коновницына, Беннигсена и Толя и согласился дать сраженіе Мюрату, который со своими 26 тысячами войскъ слишкомъ безпечно расположился на рѣкѣ Чернишнѣ, противъ нашего лагеря у Тарутина. Въ ночь на 6-е октября наши подошли неожиданно и съ такой силою обрушились на Мюрата, что, отнявъ у него штандартъ и 38 орудій, заставили уйти къ Спасъ-Куплѣ. Въ этомъ сраженіи мы потеряли убитымъ доблестнаго генерала К. Ѳ. Багговута и около 1.000 офицеровъ и солдатъ, а непріятель свыше 2.500 человѣкъ, но главная выгода этого сраженія для насъ была не въ орудіяхъ и числѣ убитыхъ, а въ томъ,

что здѣсь мы впервые перешли въ наступленіе, побѣдили и окончательно воспряли духомъ. Переломъ войны, о которомъ я говорилъ, начался и конецъ ея совершился вдвое скорѣе начала. Наполеону, чтобы добраться отъ Нѣмана до Москвы, въ лучшую пору года, понадобилось 10 недѣль, а намъ, чтобы прогнать его за Березину, потопивъ въ ней цвѣтъ его арміи, едва лишь 5 недѣль по бездорожью, гололедицѣ и грязи.

Карлъ Өедоровичъ Багговутъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Отступали мы шагъ за шагомъ, гнали же непріятеля такимъ бѣгомъ, что бывали случаи, когда и бѣгущій непріятель, и гнавшіе его наши отряды, не имѣли силъ пройти еще какую-нибудь версту...

Начиная съ Тарутина, войска наши шли не съ уныніемъ, а съ такою радостью, которая только и можетъ овладѣть защитниками родины, когда они сознаютъ, что гонятъ врага со своей родной земли, врага, который, наоборотъ, съ этого дня окончательно палъ духомъ.

Именно, въ день Тарутинскаго боя и Наполеонъ вышелъ изъ Москвы, довершивъ свой позоръ приказомъ взорвать ни въ чемъ неповинный Кремль съ его храмами и дворцами, отомстить свою неудачу на камнѣ стѣнъ Кремля... Но перстъ Божій и тутъ былъ видѣнъ, — генералъ Мортье самъ торопился бѣжать, подкопы сдѣлали кое-какъ, да и порохъ отсырѣлъ, и немного пострадали только стѣны самого Кремля, да Грановитой Палаты, — храмы и возвышающійся надъ всей Москвой и ея округой Иванъ Великій—остались цѣлы.

Куда же думалъ идти Наполеонъ? Несмотря на то, что голодная армія его шла буквально въ лохмотьяхъ, по грязи, подъ проливнымъ дождемъ, онъ все еще надѣялся на свою звѣзду и хотѣлъ обмануть того, кого самъ назвалъ „старой лисой“. Зная, что Кутузовъ въ Тарутинѣ, Наполеонъ рѣшилъ быстрымъ походомъ черезъ Малоярославецъ захватить Калугу, въ которой онъ увѣренъ былъ найти громадные запасы хлѣба, но... Наполеонъ забылъ про нашихъ партизановъ.

Недалеко отъ Малоярославца, у с. Ѳоминскаго въ эти дни развѣдывалъ нашъ славный партизанъ Сеславинъ. Онъ не только увидѣлъ съ дерева движеніе непріятеля, но успѣлъ живымъ захватить унтеръ-офицера, француза, узнать отъ него, что нужно было, и доложить генералу Дохтурову, который сейчасъ же, ночью, отправилъ маіора Бологовскаго съ донесеніемъ къ Кутузову, только и ждавшему извѣстія, когда Наполеонъ выйдетъ изъ Москвы. Этотъ выходъ для Кутузова знаменовалъ конецъ Наполеона, ибо нашъ старецъ-полководецъ все время мучился сомнѣніемъ — смертельно или нѣтъ ранилъ онъ звѣря подъ Бородинымъ. Мучился онъ сомнѣніемъ и не спалъ всю эту ночь съ 10-го на 11-е октября, когда постучали къ нему въ избу и ввели Бологовскаго...

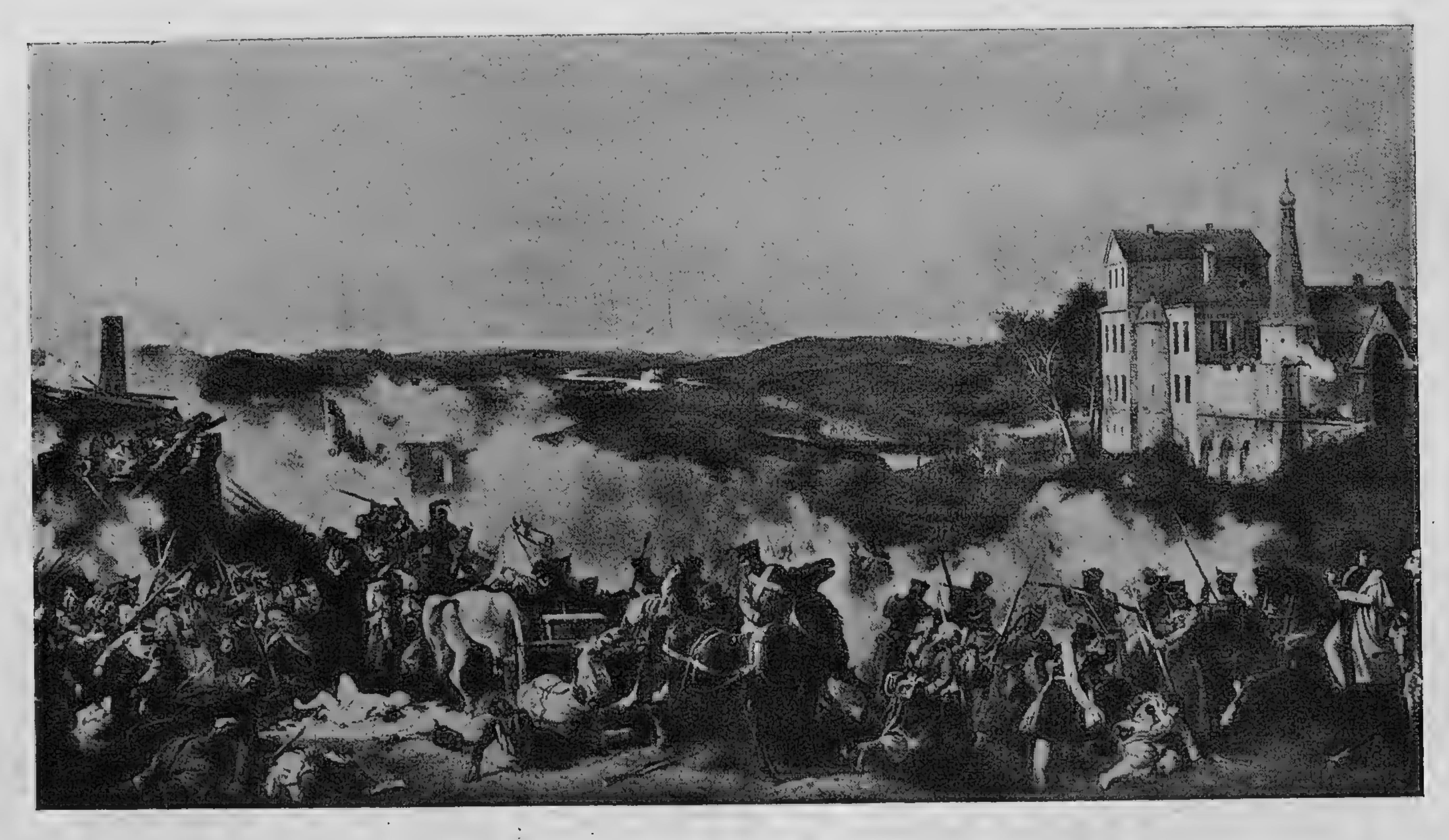

Генералъ-Майоръ
Александръ Никитичъ Сеславинъ.

Сеславинъ гдѣ ни пролетитъ
Съ крылатыми полками
Тамъ брошенъ въ прахъ и мечъ и щитъ,
И устланъ путь врагами.

Жуковскій.

Когда Кутузовъ услышалъ радостное извѣстіе, онъ со слезами на глазахъ склонился передъ образами, восклицая: „Господи, Создатель мой! Внялъ Ты молитвѣ нашей!.. Спасена Россія! Благодарю Тебя, Господи“...

Бой подъ Мало-Ярославцемъ 12-го Октября 1812 г.

Это извѣстіе имѣло громадное для Кутузова значеніе и 12-го октября наши войска у Малоярославца преградили путь Наполеону, а Дохтуровъ занялъ самый городъ, на улицахъ котораго происходилъ жестокій бой.

Здѣсь — отъ исхода битвы зависѣла сама судьба Наполеона, — онъ понялъ это и впервые пустилъ въ бой свою старую испытанную гвардію противъ нашихъ чуть ли не наканунѣ набранныхъ молодцовъ солдатъ... Силы, казалось бы, были не равны, но *мы дрались за родину* и хотя Малоярославецъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, хотя Наполеонъ самъ руководилъ боемъ, желая во что бы то ни стало взять городъ до прибытія Кутузова, который еще только шелъ къ Малоярославцу,—побѣдили мы... Послѣ 18-ти часового боя, когда настала ночь, Кутузовъ занялъ войсками и Калужскую дорогу и г. Медынь на Смоленской дорогѣ, самъ же переутомленный переходомъ, заснулъ на землѣ, едва прикрытый буркою...

Проснувшійся на утро, въ с. Городня, Наполеонъ увидѣлъ себя почти окруженнымъ... Принять бой или отступать? Для рѣшенія этого вопроса никогда не спрашивавшій совѣтовъ, Наполеонъ созвалъ совѣтъ своихъ маршаловъ, хотя въ глубинѣ души не могъ не видѣть, что о сраженіи его утомленныхъ 60 тысячъ войскъ съ нашими свѣжими 90 тысячами — не могло быть и разговора. Напрасно онъ колебался, — 13-го онъ узналъ, что казаки наши съ Платовымъ во главѣ, зашли ему въ тылъ, и 14-го октября началось бѣгство Наполеоновскихъ ордъ чрезъ Можайскъ, Бородино, на Смоленскъ... Впереди бѣжалъ именно самъ Наполеонъ съ его любимой гвардіей, которую онъ и теперь берегъ.

Это было по истинѣ бѣгство... Но какое,—почти все время сзади и слѣва Наполеона гнали войска самого Кутузова, а съ другихъ сторонъ его, можно сказать, разрывали на части казаки Платова, партизанскіе отряды и вооруженныя жители—самъ русскій народъ.

Въ страшномъ безпорядкѣ отступалъ Наполеонъ, но начало бѣгства все же не было бы такъ ужасно, ибо стояли еще хорошія погоды,—если бы не тяжкое душевное состояніе Наполеона и его арміи, на этотъ разъ ясно видѣвшихъ, что для нихъ все погибло... Армія его видѣла, что того „непобѣдимаго“ Наполеона, котораго знала вся Европа —

Преслѣдованіе казаками бѣгущаго непріятеля между Малоярославцемъ и Вязьмою. Октябрь 1812 г.
Съ акварели Юнга, изъ альбома, хранящагося въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

Россія по своему передѣлала, что Наполеонъ думаетъ теперь не объ арміи своей, а о своемъ личномъ спасеніи, и это животное чувство страха за свою шкуру передалось арміи... Чѣмъ дальше—тѣмъ условія становились хуже, ибо впереди, до самаго Смоленска, лежалъ край, разоренный самими французами,—по истинѣ они приготовили себѣ ужасный путь отступленія.

Дисциплина, подорванная безпутными грабежами въ Москвѣ, перестала совсѣмъ существовать, а страхъ и отчаяніе усилились вдвое, когда этой бывшей „побѣдной" арміи пришлось 16-го октября бѣжать черезъ Бородино и здѣсь увидѣть тысячи разлагавшихся труповъ своихъ братьевъ, пожираемыхъ несмѣтными тучами вороновъ и коршуновъ, провожавшихъ всюду бѣгущихъ пришельцевъ...

Солдаты Наполеона, десятками тысячъ раненые подъ Бородино, оставлены были Наполеономъ тогда же, въ наскоро устроенныхъ госпиталяхъ, около Колоцкаго монастыря. Теперь—искалѣченные, полуживые, напрасно молили они о помощи у бѣжавшихъ братьевъ своихъ,—не до раненыхъ имъ было, когда за спиною гнались казаки, когда бѣгущимъ ни минуты не давали покоя партизаны и вооруженный народъ.

Еще не доходя до Вязьмы, непріятель потерялъ десятки пушекъ, знаменъ, не говоря уже объ обозахъ, которые онъ пытался не разъ сжигать, но ... наши партизаны и казаки отбивали цѣлыми. Въ Вязьмѣ непріятеля ожидалъ новый ударъ. Наполеонъ, бѣжавшій впереди арміи, и здѣсь отдохнувшій въ теченіе дня, успѣлъ проскочить, но Милорадовичъ нагналъ у города Понятовскаго, маршала Даву и короля Евгенія, врѣзался между ними и послѣ 5 часовъ боя разбилъ ихъ на голову.... Непріятель оставилъ здѣсь 4.000 убитыхъ, а 3.000 мы взяли въ плѣнъ. Только безусловно необходимый отдыхъ для нашихъ войскъ позволилъ непріятелю бѣжать дальше, дальше, но... на этотъ разъ уже въ сильную непогоду, мятель, вьюгу и начавшіеся русскіе морозы, которые до сихъ поръ непріятелю извѣстны были только по наслышкѣ. Словомъ, на помощь къ намъ пришла и природа и первая испытанная непріятелемъ у Дорогобужа вьюга — привела наполеоновскихъ солдатъ въ ужасъ. Замерзающихъ снѣгъ покрывалъ точно саваномъ...

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.
Съ акварели, Бѣланже, изъ альбома, хранящагося въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

Бой на улицахъ г. Вязьмы 22-го Октября 1812 г.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури Сѣвера
О нихъ плакали...

Но тамъ, въ далекой Европѣ о нихъ плакали ихъ жены и матери, проклиная Наполсона...

Господь Богъ каралъ Наполеона десницею своею, но Онъ же, милостивый, велитъ намъ прощать врагамъ нашимъ, и безъ содроганія нельзя говорить и читать о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя начала теперь переживать эта полуодѣтая, въ лохмотьяхъ, голодная армія, передъ которой такъ недавно трепетала Европа... Взгляните на ужасъ, съ какимъ бѣжитъ Наполеонъ, глядя назадъ, какъ это изображено здѣсь на старинной гравюрѣ (см. стр. 130). Безъ сапогъ, обезумѣвшая отъ голода и холода, даже офицеры которой охотились за падалью, чтобы не умереть съ голода,—эта армія уже перестала вызывать наше законное и естественное озлобленіе, и не десятки, а тысячи замерзающихъ враговъ нашихъ были спасены, согрѣты и накормлены нашими же помѣщиками и крестьянами, а потомъ и навсегда остались въ гостепріимной, всепрощающей Россіи... Сколько разъ, доведенные до отчаянія, умиравшіе съ голоду французы, итальянцы, нѣмцы, поляки, несчастные солдаты несчастной сборной арміи, съ мольбой въ потухающихъ очахъ прокрадывались къ кострамъ нашихъ солдатъ, чтобы согрѣться лишь, готовые умереть отъ приклада русскаго солдата. Но не таковъ нашъ солдатъ, онъ не бьетъ лежачаго,—и эти сдавшіеся на его милость герои Наполеона—оставались цѣлыми и невредимыми. Такихъ несчастныхъ не добивали, конечно, и крестьяне, а между тѣмъ, кто—какъ не они—пострадали отъ непріятеля!

Императрица Марія Ѳеодоровна, въ одномъ изъ писемъ своихъ разсказывала, какъ въ одну изъ деревень налетѣли партизаны и спрашивали — нѣтъ ли у нихъ спрятавшихся французовъ. Именно здѣсь было нѣсколько такихъ, — больныхъ, замерзавшихъ,—но крестьяне не выдали ихъ.

Впослѣдствіе, многіе изъ плѣнныхъ въ запискахъ своихъ благословляли имена спасшихъ ихъ крестьянъ.

Горячее, но доброе сердце у русскихъ!

Войска наши били и гнали только сопротивлявшихся.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

Изъ старинныхъ гравюръ, хранящихся въ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекахъ.

28-го октября Наполеонъ былъ уже въ Смоленскѣ, гдѣ у него были устроены склады хлѣба и гдѣ онъ надѣялся привести хоть немного въ порядокъ свою бѣгущую армію. Тщетно!.. Размѣстивъ въ городѣ только свою гвардію, а армію оставивъ внѣ города, въ полѣ, онъ вызвалъ въ ея рядахъ возмущеніе, а между тѣмъ опять приближался Кутузовъ съ главными силами къ Милорадовичу, висѣвшему надъ аріергардомъ Наполеона, который, пробывъ въ Смоленскѣ 4 дня, опять побѣжалъ.

Послѣ того, какъ Наполеонъ оставилъ разоренный Смоленскъ, въ городъ обратно была внесена Чудотворная икона Смоленской Божьей Матери, начиная съ Бородина во всѣхъ битвахъ сопровождавшая русскую армію. Небесная Заступница всегда была для нашихъ воиновъ прибѣжищемъ, подавала имъ бодрость и крѣпость силъ, а умирающимъ была утѣшеніемъ въ послѣднія минуты их жизни, отданной родинѣ.

Рѣшивъ отрѣзать непріятелю путь отступленія у Краснаго, и направляя туда войска, Кутузовъ отдалъ по арміи слѣдующій знаменитый приказъ: „Послѣ такихъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. Итакъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаютъ морозы, но вамъ ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпѣніемъ, старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова, который научалъ сносить холодъ и голодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ! Передъ нами разбитый непріятель. За нами да будетъ тишина и спокойствіе!“

Здѣсь, у Краснаго, гдѣ покрылъ себя безсмертной славой Милорадовичъ, 6-го ноября, Наполеонъ еще разъ, лично командуя остатками своей арміи, былъ разбитъ, потерялъ почти послѣднюю свою артиллерію, знамя и тысячи плѣнныхъ, и только наступившая ночь дала возможность бѣжать осталь-

Бой подъ Краснымъ 6-го ноября 1812 г.

Отбитіе обоза маршала Даву, подъ Краснымъ, русской кавалеріей.
Съ карт. И. Грузинскаго.

нымъ. На утро Кутузовъ могъ окончательно разбить эти остатки, но надо было дать сраженіе въ стужу и непогоду. Зачѣмъ?— справедливо разсудилъ Кутузовъ,—непріятель все равно погибнетъ, Наполеонъ же ускачетъ... Къ чему рисковать жизнью русскихъ? „За десятерыхъ французовъ не отдамъ я ни одного русскаго. Непріятель все равно весь пропадетъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ за границу?"— говорилъ Кутузовъ слишкомъ горячимъ совѣтникамъ, зная уже, что Императоръ Александръ не ограничится изгнаніемъ Наполеона, но будетъ преслѣдовать его и за границею.

Правъ былъ Кутузовъ,—правъ тѣмъ болѣе, что въ Смоленскѣ Наполеонъ оставилъ еще цѣлый корпусъ Нея, котораго надо было добить отдѣльно, и Милорадовичъ такъ „добилъ" его, что Ней въ Оршу, къ Наполеону, вмѣсто своего корпуса, привелъ едва 800 человѣкъ...

Всего у Краснаго мы взяли 116 пушекъ, 26 тысячъ плѣнныхъ и обозы маршала Даву, отбитые другимъ героемъ этихъ дней, Платовымъ.

Кутузовъ не могъ не дать нашей славной, но крайне уставшей арміи, дневного отдыха 8-го ноября, махнувъ рукой на непріятеля, бѣгущаго теперь къ переправѣ черезъ Березину, у г. Борисова, гдѣ онъ погибъ бы окончательно, если бы не подошли туда же корпусы маршаловъ Удино и Виктора, дѣйствовавшіе до сихъ поръ противъ отряда Витгенштейна, почти не бывшіе въ сраженіяхъ, отдохнувшіе, сытые и одѣтые, страшно пораженные видомъ бѣгущихъ войскъ Наполеона, потерявшихъ даже видъ солдатъ, одѣтыхъ въ бабьи салопы, обросшихъ бородами, безсильныхъ и голодныхъ...

Эти свѣжія силы Виктора и Удино и хитрость Наполеона помогли тому, что черезъ Березину 14—16 ноября удалось переправиться едва 55 тысячамъ,—это было почти все, что осталось у Наполеона отъ той грозной арміи безъ малаго въ 600 тысячъ, которая 12-го іюня вступила въ предѣлы Россіи, остальныхъ добили наши молодцы, и на утро 17-го ноября на берегахъ Березины лежали тысячи труповъ непріятеля...

До границы оставалось недалеко, но казаки и морозы продолжали свое дѣло; 26-го ноября, въ день св. Георгія, Наполеонъ одинъ на тройкѣ проскочилъ границу. Что думалъ Наполеонъ, покидая Россію?—На это намъ отвѣчаетъ поэтъ Майковъ въ своемъ прекрасномъ „Сказаніи о 1812 годѣ":

Переправа Наполеоновской арміи черезъ р. Березину.

Ѣдетъ той же онъ дорогой
Гдѣ прошелъ еще недавно,
Полный гордости и славы,
Къ той загадочной столицѣ
Съ золотыми куполами,
Гдѣ, казалось, совершится
Въ полномъ блескѣ чудный жребій
Повелителя вселенной,
Сокрушителя имперій...
Гдѣ жъ вы, пышныя мечтанья?
Гордый замыселъ? Надежды
И глубокіе разсчеты
Прахомъ стали,—и упорно
Ищетъ онъ во всемъ разгадки,
Гдѣ и въ чемъ его ошибка.
        Все напрасно!
И поникъ онъ, и въ дремотѣ
Видитъ, какъ въ пріемномъ залѣ—
Незадолго до похода—
Въ Тюльери *) стоитъ онъ гнѣвный;
Вѣнценосцевъ всей Европы
Передъ нимъ послы: всѣ внемлютъ
Съ трепетомъ его угрозамъ...
Лишь одинъ стоитъ посланникъ,
Не склонивъ покорно взгляда,
Съ затаенною улыбкой...
И, вспыливши, императоръ:
— Князь, вы видите?—воскликнулъ,—
Мнѣ никто во всей Европѣ
Не дерзаетъ поперечить!
Императоръ вашъ, на что же
Онъ надѣется, на что же?
— Государь,—въ отвѣтъ посланникъ,—
Взять въ разсчетъ вы позабыли,
Что за русскимъ Государемъ
Русскій весь стоитъ народъ!—
Онъ тогда расхохотался,
А теперь—теперь онъ вздрогнулъ...
И глядитъ: утихла вьюга,
На морозномъ небѣ звѣзды,
А кругомъ на горизонтѣ
Всюду зарева пожаровъ...
Вспомнилъ онъ дворецъ Петровскій,
Гдѣ бояръ онъ ждалъ съ поклономъ
И ключами отъ столицы...
Вспомнилъ онъ пустынный городъ,

*) Тюльери—дворецъ въ Парижѣ.

Бѣгство Наполеона черезъ русскую границу 26-го ноября 1812 г.

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.
Раб. Сентъ-Обена.
Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.

Жуковскій.

Вдругъ со всѣхъ сторонъ объятый
Моремъ пламени... А мира—
Мира нѣтъ... И днемъ и ночью
Неустанная погоня
Вслѣдъ за нимъ враговъ незримыхъ...
Справа, слѣва—ихъ милліоны
Тамъ въ лѣсахъ... „*Такъ вотъ что значитъ—*
Весь народъ!"
И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ:
Что-то грозное таится
Тамъ за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...
. . . .

За собою Наполеонъ оставилъ обломки своей грозной когда-то арміи, которую русскіе выбили изъ Вильны и еще разъ побили у г. Ковно, сожженнаго солдатами Мюрата, добравшимися до запасовъ вина и перепившимися. Впрочемъ, 6-го декабря графъ Платовъ, у самой границы, еще разъ по казачьи распростился съ непріятелемъ, о чемъ и поздравилъ Великаго Князя Николая Павловича въ слѣдующемъ письмѣ, хранящемся въ Библіотекахъ Государя, которое я привожу въ фотографіи.

„Ваше Императорское Высочество.

Истиннымъ долгомъ моимъ поставляю принести Вашему Императорскому Высочеству всенижайшее поздравленіе мое съ настоящимъ днемъ тезоименитства Вашего.

На самый день сей остатки дерзкаго непріятеля, преслѣдуемаго и поражаемаго Донскими Казачьими полками за границею, разбиты въ прахъ, взято четыре пушки и въ плѣнъ

Ваше Императорское Высочество.

Истиннымъ долгомъ моимъ поставляю принесть Вашему Императорскому Высочеству всенижайшее поздравленіе мое, съ настоящимъ днемъ тезоименитства Вашего.

На самый день сей, остатки дерзскаго непріятеля, преслѣдуемаго и поражаемаго Донскими Казачьими полками, за границею разбиты въ прахъ, взято четыре пушки и въ плѣнъ до трехъ тысячь, въ томъ числѣ до восьми десяти Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. — а погибающіе самые малые уже остатки его разсѣяны, прогнаны къ сторонѣ Вислы.

Отъ всей души моей желаю, да Всевышній продлитъ дни драгоцѣнной жизни Вашего Императорскаго Высочества, на многія будущія лѣта въ вожделеннѣйшемъ здравіи. —

Съ чувствами сими и съ глубочайшимъ къ Особѣ Вашего Императорскаго Высочества, высокопочитаніемъ пребуду вѣчно.

Вашего Императорскаго Высочества.

Декабря 6го дня.
1812 года.
Г. Ковно.

Всенижайшій Графъ Платовъ

Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

до трехъ тысячъ, въ томъ числѣ до восьмидесяти штабъ- и оберъ офицеровъ. А погибающіе самые малые уже остатки его разсѣяны, прогнаны къ сторонѣ Вислы.

Отъ всей души моей желаю, да Всевышній продлитъ дни драгоцѣнной жизни Вашего Императорскаго Высочества на многія будущія лѣта въ вожделеннѣйшемъ здравіи.

Съ чувствами сими и съ глубочайшимъ къ Особѣ Вашего Императорскаго Высочества высокопочитаніемъ пребуду вѣчно Вашего Императорскаго Высочества

всенижайшій графъ Платовъ".

Декабря, 6-го дня
1812 года.
Г. Ковно.

IX.

„Страшная казнь постигаетъ дерзающихъ".

Слова Высочайшаго Манифеста.

Да, въ день св. Николая Чудотворца славнымъ дѣломъ этимъ окончилась незабвенная война 1812 года. Русь святая осталась подъ покровомъ Великаго Святителя нашего, сбылось слово Царя Александра I, на землѣ русской не осталось ни одного непріятеля, родина наша, какъ одинъ человѣкъ, вздохнула, молитвенно возблагодарила Бога Вседержителя, и Господь, одинъ вѣдающій судьбы народовъ и людей, благословилъ Императора Александра идти и послѣ Россіи спасти и всю Европу отъ *„стопобѣднаго"*, какъ его называли, хищника, оставившаго на поляхъ Россіи мертвыми, ранеными и плѣнными чуть не полмилліона солдатъ, свыше 10 тысячъ офицеровъ, 50 генераловъ, до тысячи пушекъ и ту тьму своихъ знаменъ, подъ тѣнью которыхъ вѣчнымъ сномъ почиваетъ славный вождь нашъ Кутузовъ, князь Смоленскій, въ Казанскомъ соборѣ.

12-го декабря, въ Вильнѣ, особымъ Манифестомъ, по величію души своей простившій измѣнниковъ (см. Приложеніе),

Императоръ Александръ I, 25-го декабря издалъ второй слѣдующій Манифестъ:

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ О ИЗГНАНІИ ФРАНЦУЗОВЪ ИЗЪ РОССІИ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное Наше Отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ Насъ почти со всѣхъ Европейскихъ Державъ страшныя силы, и подвизаемый алчностью завоеванія и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь Великой Нашей Имперіи, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій его, приготовляемую отъ него Намъ горькую чашу золъ, и видя уже его съ неукротимою яростію вступившаго въ Наши предѣлы, принуждены Мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечь свой, и обѣщать Царству Нашему, что Мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя одинъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ Нашей. Мы сіе обѣщаніе положили въ сердцѣ Своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго Намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютостей и неистовствъ не могъ достигнуть до того, чтобъ она хотя одинажды о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ

вздохнула. Казалось съ пролитіемъ крови ея умножался въ ней духъ мужества, съ пожарами градовъ ея воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ, всѣ Государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія, едва ли имовѣрныя, едва ли когда слыханныя. Да представятъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ Нашу землю. Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовало за нимъ. Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проницаетъ онъ въ самую средину Россіи, распространяется, и начинаетъ повсюду разливать огнь и опустошеніе. Но едва проходитъ шесть мѣсяцевъ отъ вступленія его въ Наши предѣлы, и гдѣ онъ? Здѣсь прилично сказать слова священнаго Пѣснопѣвца: видѣхъ нечестиваго превозносящаяся и высящася, яко кедры ливанскія. И мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его. Поистинѣ сіе высокое изреченіе совершилося во всей силѣ смысла своего надъ гордымъ и нечестивымъ Нашимъ непріятелемъ. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? Разсыпались, какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровью землю, лежитъ, покрывая пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая великая часть въ разныхъ и частыхъ битвахъ взята со многими военачальниками и полководцами въ плѣнъ, и такимъ образомъ, что послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе свое предъ ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ гонимая побѣдоносными Нашими войсками, и встрѣчаемая мразами и гладомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи, трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся отъ всей ихъ многочисленной силы самомалѣй-

шая, ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едва ли полумертвая можетъ придти въ страну свою, дабы къ вѣчному ужасу и трепету единоземцевъ своихъ возвѣстить имъ, коль страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступать въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію объявляемъ Мы любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду Нашу, что объявленное Нами, при открытіи войны сей, выше мѣры исполнилось уже: нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли Нашей; или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ Нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно. Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать. Не отнимая достойной славы ни главноначальствующаго надъ войсками Нашими знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя Отечеству заслуги; ни у другихъ искуссныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ; ни вообще у всего храбраго Нащего воинства, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. И такъ *да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыслъ Божій!* Повергнемся предъ святымъ его Престоломъ, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ. Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ! Пойдемъ благостію дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ, единственнымъ ведущимъ къ Нему путемъ, въ храмъ святости Его, и тамо, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліянныя на насъ щедроты, и припадемъ къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость Свою

надъ нами, и прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду, желанный миръ и тишину. Данъ въ Вильнѣ въ 25-й день декабря, въ лѣто отъ Рождества Христова 1812-е, царствованія же Нашего во второенадесять.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Не настало еще время говорить о дальнѣйшемъ преслѣдованіи Наполеона, который добравшись до Европы, собралъ новую многочисленную армію.

Скажемъ лишь, что Императоръ Александръ I, послѣ безвременной кончины Кутузова во время похода *), въ Германіи, лично принявшій командованіе надъ арміей, въ теченіе всего 1813 года въ рядѣ сраженій, изъ которыхъ особенно славно было Лейпцигское, разбивалъ всюду и вездѣ Наполеона, прошелъ побѣдно всю Европу, перенесъ войну во Францію и 19-го марта 1814 г., послѣ новаго боя, вступилъ въ столицу Наполеона, въ Парижъ.

Невольно вспомнишь здѣсь нашу народную пословицу; „долгъ—платежемъ красенъ".—Но... мы „тираны и варвары" (по словамъ Наполеона) не разорили, не ограбили столицу Франціи, а цѣлою и невредимою отдали ее прирожденному Королю Франціи, которому и Императоръ Павелъ I и Александръ I, во время царствованія Наполеона, давали пріютъ въ Россіи.

Вотъ фотографія съ рескрипта Императора о взятіи Парижа, посланнаго Царемъ въ Петербургъ главнокомандующему, графу (затѣмъ князю) Н. И. Салтыкову и хранящагося у Государя Императора:

---

*) 16 апрѣля 1813 г.

Парижъ. Марта 19го
1814. года.

Пріятнѣйшею обязанностію себѣ
поставляю, извѣстить вашего
Сіятельства, что промысломъ все-
-вышнѣго, Парижъ занятъ нами
сего дня, послѣ жаркаго сраженія
подъ стѣнами сего города вчерась
бывшаго, и въ которомъ достались
намъ въ руки два Генерала 71 пу-
-шка и два Знамя. Жители насъ
встрѣтили не какъ враговъ но
какъ избавителей. — Пребываю
на всегда искренно вамъ при-
-обязанной

Александръ

Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.

Парижъ. Марта 19-го
1814 года.

Пріятнѣйшею обязанностію себѣ поставляю, извѣстить вашего Сіятельство, что промысломъ Всевышняго, Парижъ занятъ нами сего дня, послѣ жаркаго сраженія подъ стѣнами сего города вчерась бывшаго, и въ которомъ достались намъ въ руки два генерала, 71 пушка и два знамя. Жители насъ встрѣтили не какъ враговъ, но какъ избавителей. Пребываю на всегда искренно вамъ привязанной

АЛЕКСАНДРЪ.

Такъ благословилъ Господь Царя нашего, и русскій народъ недаромъ назвалъ Императора Александра I „Благословеннымъ“.

Царь отказался отъ этого титула, но исторія сохранила за нимъ и справедливый титулъ этотъ и слѣдующія поистинѣ *царскія* слова Императора, сказанныя имъ Сенату, желавшему чтобы Государь принялъ титулъ „Благословеннаго“: „Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ онъ сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ. Да благословитъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!“

Могу ли я лучшими словами закончить мой скромный трудъ, эту дань мою славѣ русскаго Царя и нашей могучей Родинѣ? Нѣтъ, лучшихъ словъ я не найду.

Памятуя, что испытанія 1812 года, какъ никогда, укрѣпили духъ русскій и силу Россіи, объединивъ Царя и народъ по волѣ Божіей, памятуя, что по слову Императора Александра I народъ русскій чтитъ и благословляетъ его, я изъ глубины моей души, отданной Царю и русскому народу, въ дни столь же знаменательнаго единенія благополучно царствующаго Государя Императора нашего съ его

вѣрнымъ, православнымъ народомъ, готовымъ какъ и 100 лѣтъ назадъ встать, по призыву Его, какъ одинъ человѣкъ въ защиту дорогой родины,—могу лишь повторить:

Да благоденствуетъ Россія и да будетъ надъ возлюбленнымъ Царемъ нашимъ и надъ нею Божье благословеніе!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СПИСОКЪ

всѣхъ воинскихъ частей, участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи, съ указаніемъ ихъ теперешняго расположенія *).

Главнокомандующій всѣми арміями—генералъ отъ инфантеріи князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

1-я АРМІЯ.

Главнокомандующій — генералъ отъ инфантеріи М. Б. Барклай де-Толли.

ПРАВОЕ КРЫЛО.

Генералъ отъ инфантеріи Милорадовичъ.
2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута.

4-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора принца Евгенія Виртембергскаго.

Пѣхотные полки:

Тобольскій (нынѣ 38-й п. Тобольскій въ г. Ниж.-Новгородѣ и 138-й п. Болховской въ г. Рязани).
Волынскій (нынѣ 53-й п. Волынскій г. Кишиневъ).
Кременчугскій (нынѣ 32-й п. Кременчугскій г. Варшава).
Минскій (нынѣ 54-й п. Минскій г. Кишиневъ и 125-й п. Курскій г. Ровно).

---

*) *Примѣчаніе.* Я нарочно привожу этотъ списокъ, ибо всѣ русскіе должны знать названія полковъ, отличавшихся въ славномъ Бородинскомъ бою, а равно и тѣ города и селенія, гдѣ они теперь стоятъ.

Егерскіе полки:

4-й (нынѣ 101-й Пермскій г. Гродно).
34-й (расформированъ).
Батарейная № 14 арт. рота.

17-я пѣх. дивизія генералъ-лейтенанта Олсуфьева.

Пѣхотные полки:

Рязанскій (нынѣ 69-й п. Рязанскій г. Люблинъ).
Бѣлозерскій (нынѣ 13-й п. Бѣлозерскій г. Ломжа).
Брестскій (нынѣ 49-й Брестскій, г. Севастополь и 129-й Бессарабскій г. Кіевъ).
Вильманстрандскій (расформированъ).

Егерскіе полки:

30-й (нынѣ 70-й п. Ряжскій г. Сѣдлецъ).
48-й (расформированъ).
Батарейная № 17 рота.

4-й корпусъ генералъ-лейтенанта Графа Остермана-Толстаго.

11-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Бахметьева 2.

Пѣхотные полки:

Кексгольмскій (нынѣ л.-гв. г. Варшава).
Перновскій (нынѣ 3-й гр. Перновскій г. Москва).
Полоцкій (нынѣ 28-й Полоцкій г. Тамбовъ).
Елецкій (нынѣ 33-й Елецкій г. Полтава).

Егерскіе полки:

1-й (4-й гр. Несвижскій Генер. Фельдм. Кн. Барклая де Толли г. Москва).
33-й (расформированъ).
2 сводныхъ гренадерскихъ баталіона.
Батарейная рота № 11.

23-я пѣх. дивизія генералъ-маіора Бахметьева 1-го.

Пѣхотные полки:

Рыльскій (нынѣ 113-й Старорусскій г. Либава).

Екатеринбургскій (нынѣ 37-й Екатеринбургскій г. Ниж.-Новгородъ и 137-й Нѣжинскій г. Рязань).

Селенгинскій (нынѣ 41-й Селенгинскій г. Дубно и 141-й Можайскій г. Орелъ).

18-й егерскій п. (нынѣ 124-й Воронежскій г. Харьковъ).

Сводный гренадерскій баталіонъ.

Легкая арт. рота № 44.

2-й кавалерійскій корпусъ ген.-адъютанта бар. Корфа.

Драгунскіе полки:

Псковскій (нынѣ 2-й л.-др. Псковскій г. Сувалки).

Московскій (нынѣ 1-й л.-др. Московскій г. Тверь).

Каргопольскій (нынѣ 1-й л.-др. Московскій „).

Ингерманландскій (нынѣ 10-й гусар. Ингерманландскій г. Чугуевъ).

Уланскій полкъ Польскій (расформированъ).

Гусарскій полкъ Изюмскій (нынѣ 11-й гусар. Изюмскій г. Луцкъ).

Конно-артиллерійская рота № 3.

РЕЗЕРВЪ ПРАВАГО КРЫЛА.

1-й кавалерійскій корпусъ генералъ-адъютанта Уварова.

Л.-гвардіи Драгунскій полкъ, г. Петергофъ.
„ Гусарскій „ г. Царское Село.
„ Уланскій „ г. Петергофъ.
„ Казачій „ г. С.-Петербургъ.

Нѣжинскій драгунскій полкъ (расформированъ).

Елисаветградскій гус. полкъ (нынѣ 3-й гусар. Елисаветградскій, Ольгинъ Штабъ, близъ Маріамполя, Сувалкской губ.).

Конно-артилл. рота № 5.

Отрядъ генералъ отъ кавалеріи Платова.

14 казачьихъ полковъ *).

2 донскія батареи.

---

*) Имя Гр. Платова носитъ 4-й Донской каз. полкъ.

ЦЕНТРЪ.

Генералъ отъ инфантеріи Дохтуровъ.
6-й пѣх. корпусъ генерала Дохтурова.

7-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Капцевича.

Пѣхотные полки:

Московскій (нынѣ 65-й Московскій Его Величества п. г. Холмъ, Люблинской губ.).

Псковскій (нынѣ 11-й Псковскій Ген.-Фельдм. Кн. Кутузова-Смоленскаго п. г. Тула).

Софійскій (нынѣ 2-й Софійскій Императора Александра III п. г. Смоленскъ).

Либавскій (нынѣ 6-й Либавскій г. Новогеоргіевскъ).

Егерскіе полки:

11-й (нынѣ 111-й Донской п. г. Ковна).
36-й (расформированъ).
2 сводныхъ гренадерскихъ баталіона.
Батарейная рота № 7.

24-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Лихачева.

Пѣхотные полки:

Уфимскій (нынѣ присоединенъ къ 66-му Бутырскому).

Ширванскій (нынѣ 84-й Ширванскій Его Величества п. г. Пятигорскъ).

Бутырскій (нынѣ 66-й Бутырскій г. Замостье, Люблинской губ.).

Томскій (нынѣ 39-й Томскій г. Козловъ и 145-й Новочеркасскій Императора Александра III п. С.-Петербургъ).

Егерскіе полки:

19-й (нынѣ 109-й Волжскій п. с. Шанцы, близъ г. Ковны).
40-й (нынѣ расформированъ).
2 сводныхъ гренадерскихъ баталіона.
Батарейная рота № 24.

3-й кавалерійскій корпусъ генералъ-лейтенанта Палена 2-го.

Драгунскіе полки:

Курляндскій (нынѣ 2-й л.-улан. Курляндскій г. Кальварія, Сувалкской губ.).

Оренбургскій
Сибирскій
Иркутскій } (расформированы).

Гусарскіе полки:

Сумскій (нынѣ 1-й гусар. Сумскій г. Москва).

Маріупольскій (нынѣ 4-й гусарскій Маріупольскій Генер. Фельдм. Кн. Витгенштейна г. Бѣлостокъ).

ОБЩІЙ РЕЗЕРВЪ.

3-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го.

Лейбъ-гренадерскій полкъ (нынѣ л.-гв. Гренадерскій г. С.-Петербургъ).

1-я гренадерская дивизія генералъ-маіора графа Строганова.

Гренадерскіе полки:

Павловскій (нынѣ л.-гвардіи г. С.-Петербургъ).

Петербургскій графа Аракчеева (нынѣ 2-й гр. Ростовскій г. Москва.

1-я гренадерская дивизія генералъ-маіора графа Строганова.

Екатеринославскій (нынѣ 1-й л.-гр. Екатеринославскій Его Величества п. г. Москва).

Таврическій (нынѣ 6-й гр. Таврическій г. Москва).

Батарейная рота № 1 и легкія роты №№ 1 и 2.

3-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Коновницына.

Пѣхотные полки:

Муромскій (нынѣ 21-й Муромскій, пос. Рожаны, Ломжинской губ.).

Ревельскій (нынѣ 7-й Ревельскій г. Пултускъ, Варшавской губ.).

Черниговскій (нынѣ 29-й Черниговскій г. Варшава).

Копорскій (нынѣ 4-й Копорскій г. Смоленскъ).

3-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Коновницына.

Егерскіе полки:

20-й (нынѣ 103-й Петрозаводскій г. Гродна).
21-й (нынѣ 91-й Двинскій г. Ревель).
Батарейная № 3 и легкія роты №№ 5 и 6 а.

5-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта Лаврова.

Полки лейбъ-гвардіи:

Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій, Финляндскій } С.-Петербургъ.
Литовскій (нынѣ л.-гв. Московскій С.-Петербургъ).

Гвардейскій экипажъ.

8 сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ: 4, 17, 1 и 3 дивизій.

4-я кирасирская дивизія генералъ-маіора Депрерадовича.

Л.-гв. Кавалергардскій полкъ, „ Конный „ } С.-Петербургъ.
Кирасирскій Его Величества нынѣ л.-гв. г. Царское Село.
Кирасирскій Ея Величества нынѣ л.-гв. г. Гатчина.
Астраханскій (нынѣ 8-й др. Астраханскій г. Тирасполь).

Резервная артиллерія генералъ-маіора Левенштернъ.

Батарейныя роты №№ 29, 30, 31 и 32.
Легкія „ №№ 7, 8, 12, 13, 20, 21, 32, 33, 45 и 46.
Конныя „ №№ 4, 5, 6, 9 и 10.

Гвардейская артиллерійская бригада изъ 2-хъ баталіоновъ, 2-хъ легкихъ и 2-хъ конныхъ батарей, 1 піонерная, 2 понтонныя №№ 3 и 4 роты.

II-я АРМІЯ.

Генералъ отъ инфантеріи князь Багратіонъ.

ЛѢВОЕ КРЫЛО:

7-й корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго.

26-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Паскевича.

Пѣхотные полки:

Ладожскій (нынѣ 16-й Ладожскій бл. г. Замброва, Ломжинской губ.).

Полтавскій (нынѣ 30-й Полтавскій г. Варшава).

Нижегородскій (нынѣ 22-й Нижегородскій бл. г. Остроленки, Ломжинской губ.).

Орловскій (нынѣ 36-й Орловскій г. Кременчугъ).

Егерскіе полки:

5-й (нынѣ 95-й Красноярскій г. Юрьевъ).

42-й (расформированъ).

Батарейная рота № 26 и легкая № 47.

12-я пѣхотная дивизія генералъ-лейтенанта Васильчикова.

Пѣхотные полки:

Нарвскій (нынѣ 3-й Нарвскій г. Смоленскъ).

Смоленскій (нынѣ 25-й Смоленскій г. Воронежъ).

Новоингерманландскій (нынѣ 10-й Новоингерманландскій г. Калуга).

Алексопольскій (нынѣ 31-й Алексопольскій г. Скерневицы, Варшавской губ.).

Егерскіе полки:

6-й (нынѣ 104-й Устюжскій Генер. Кн. Багратіона г. Августовъ, Сувалкской губ.).

41-й (нынѣ 16-й гр. Мингрельскій г. Тифлисъ).

8-й корпусъ генералъ-лейтенанта Бороздина 1-го.

2-я гренадерская дивизія генералъ-маіора принца Карла Мекленбургскаго.

Гренадерскіе полки:

Кіевскій (5-й) г. Москва. Астраханскій (12) г. Москва. Московскій (8) г. Тверь. Фанагорійскій (11) г. Москва. Сибирскій (9) г. Владиміръ. Малороссійскій (10-й) г. Владиміръ.	Всѣ полки нынѣ сохранили свое наименованіе съ присоединеніемъ №№ указанныхъ въ скобкахъ.

Батарейная рота № 2 и легкая № 3.

27-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Невѣровскаго.

Пѣхотные полки:

Виленскій (нынѣ 52-й Виленскій г. Өеодосія и 130-й Херсонскій г. Кіевъ).

Сибирскій (нынѣ 24-й Симбирскій бл. г. Острова, Ломжинской губ.).

Одесскій (нынѣ 48-й Одесскій г. Могилевъ-Подольскій и 148-й Каспійскій г. Петергофъ).

Тираспольскій (нынѣ 56-й Житомірскій г. Тирасполь и 132-й Бендерскій г. Кіевъ).

Егерскіе полки:

49-й, 50-й } (расформированы).

4-й кавалерійскій корпусъ генералъ-маіора графа Сиверса 1-го.

Драгунскіе полки:

Харьковскій (нынѣ 4-й улан. Харьковскій г. Бѣлостокъ).

Черниговскій (расформированъ).

Кіевскій (нынѣ 9-й гус. Кіевскій, г. Васильковъ, Кіевской губ.).

Новороссійскій (онъ-же).

Ахтырскій гусарскій (нынѣ 12-й гусар. Ахтырскій г. Межибужье, Подольской губ.).

Литовскій уланскій (нынѣ 5-й улан. Литовскій г. Симбирскъ).

Конно-артиллерійская рота № 8.

РЕЗЕРВЪ ЛѢВАГО КРЫЛА.

2-я сводная гренадерская дивизія генералъ-маіора графа Воронцова.

Сводные баталіоны 26-й пѣхотной дивизіи.
„ „ 19-й „ „
„ „ 2-й „ „

2-я кирасирская дивизія генералъ-маіора Дуки.

Кирасирскіе полки:

Екатеринославскій (нынѣ 4-й драгунскій Новотроицко-Екатеринославскій бл. г. Граева, Ломжинской губ.).

Военнаго Ордена (нынѣ 6-й драгунскій Военнаго Ордена г. Гарволинъ, Сѣдлецкой губ.).

Глуховской (нынѣ 14-й драгунскій Глуховской бл. Остроленки, Ломжинской губ.).

Малороссійскій (нынѣ 13-й драгунскій Малороссійскій г. Калишъ).

Новгородскій (нынѣ 10-й драгунскій Новгородскій г. Сумы).

Резервная артиллерія, артиллерійскія роты: батарейныя № 12, легкія №№ 4, 22, 48, 49 и 50: понтонная № 5.

Отрядъ генералъ-маіора Карпова (6 донскихъ казачьихъ полковъ).

Смоленское ополченіе генералъ-лейтенанта Лебедева.

Московское ополченіе генералъ-маіора графа Маркова.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

РОСТОПЧИНСКАЯ АФИША *).

Московской Мещанинъ бывшій въ ратникахъ Карпушка Чихиринъ выпивъ лишній Крючокъ натычкѣ услышалъ, что будто бунапартъ хочетъ итти въ москву разсердился и разругалъ Скверными Словами Всѣхъ Французовъ вышедъ испитейнаго дому За говорилъ подъ Арломъ такъ: **).

Какъ! къ намъ! милости просимъ, хоть на святки хоть и на масляницу, да итутъ жгутами дѣти такъ припапонятъ, что спина вздуется Горой, полно демономъ та наряжатся,— Малитву сотворимъ, такъ до петуховъ сгинетъ. Сидика лучше дома да играй въ жмурки, либо въ гулючки, полно тебѣ фиглярить, вишь Салдаты та твои Карлики да Щегольки, и небось Нитулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучь ненаденутъ, ну гдѣ имъ русское житье-бытье вынести; отъ капусты раздуетъ, отъ каши перелопаются, отщей задохнутся, тамъ крещенскіе морозы поморятъ, право такъ, все бѣда уваротъ Замерзать, Надворѣ околевать всиняхъ зазебать, въ избѣ задыхатся, на пичи—обжигатся, да и что и говорить— по вадился кувшинъ поводу ходить, тутъ ему и голову положить. Карла тѣ Шведской пожилистіи тебя былъ да и-чистой Царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату да и притебѣ будущихъ та мала будетъ; побойчей

---

*) *Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.*

**) „Московскій мѣщанинъ, бывшій въ ратникахъ Карпушка, Чихиринъ, выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ, услышалъ, что будто бы бунапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился и разругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышедъ испитейнаго дому, за говорилъ подъ Арломъ такъ“:

французовъ твоихъ были поляки, татары, и шведы, да и тѣхъ Старики наши такъ откачали, что и пасію пору кругъ Москвы Курганы какъ грибы, а подъ грибами та ихъ кости, ну и твоей силѣ быть въ мѣшкѣ; да знаешь ли ты, что такое наша Матушка Москва, вить Это не городъ а Царство, у тебя дома та слѣпой да храмой, старухи да ребятишки остались а на немцахъ невыѣдешь, они тебя Съ маху самаво оседлаютъ, а на Руси то ито знаишь ли ты Забубенная Голова, выведено 600 да забриты 300 дастарыхъ рекрутъ 200. тысячъ, а все молодцы одному Богу вѣруютъ, Одному Царю Служатъ, Однимъ крестомъ молются, все братъ родня, да коли понадобится, скажи намъ Батюшка Александръ Павловичъ,—Сила Христіанская выходи—и высыпетъ бесчетная и свѣту божьяго Неувидѣтъ; Ну переднихъ бей пожалуй, тебѣ это по сердцу, за то остальныя та тебя доканаютъ на вѣки вѣковъ. Ну какъ же тебѣ къ намъ за братся, не только што да Ивана вѣликова да и поклонной воснѣ невидать, белорузецъ онъ вазміэтъ да тебя въ польше и погребетъ, Ну поминай Какъ Звали, по сему и протчаго разумевай низевай не наступай ни начинай, а направо Кругомъ, дамой Ступай изнай изрода вродъ, каковъ руской Народъ.

Потомъ чихиринъ пошелъ бодро, и запѣлъ во полѣ береза стояла, а народъ смотря на него говорилъ откуда што берется, а што говоритъ дѣло то ужъ дѣло. *).

---

*) Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ во полѣ береза стояла, а народъ смотря На него говорилъ откуда што берется, а што говоритъ дѣло—то ужъ дѣло".

*ПРИЛОЖЕНІЕ 3 *).*

Выписка извѣстій изъ Москвы отъ 18-го сентября.

„Опустошенія и пожары продолжаются, дома зажигаются, а потомъ стрѣляютъ въ нихъ ядрами, чтобы скорѣе разрушить. Сіе учинено съ домами гр. Растопчина, Маркова, Панина, Остермана, Апраксина и проч.

Въ послѣднемъ изъ сихъ жилъ Бертье, но чрезъ два дня оставилъ его и выѣхалъ изъ Москвы, равно выѣхалъ и Мюратъ изъ Баташова дома.

Своевольства столь велики, что были наказываемы; но теперь и самъ Себастіани **) приносящимъ жалобы признается, что онъ не въ силахъ ихъ удерживать. Всѣ французы ежедневно пьяны послѣ обѣда, и жители ихъ сонныхъ убиваютъ и зарываютъ, но число сихъ жертвъ невелико.

Обѣ Басманныя и часть Покровки сожжены, равно обѣ стороны бульвара, Никитская, Тверская, Нѣмецкая слобода, Стрѣтенка, Арбатъ и Лубянка.

Во всѣхъ церквахъ сдѣлали конюшни, отъ святыхъ иконъ сдираютъ оклады, а потомъ кидаютъ ихъ на улицу. Кремль цѣлъ, и неизвѣстно, что тамъ дѣлается, ибо строгіе караулы никого туда не впускаютъ, а думаютъ, что грабятъ соборы.

Французы опечалены и ожесточены тѣмъ, что не требуютъ у нихъ мира, который Наполеонъ имъ обѣщалъ, коль скоро Москва будетъ занята, а потому разореніями и грабежами думали къ миру понудить.

Наполеонъ былъ одинъ только разъ въ Москвѣ, а другіе говорятъ, что и 15-го числа проѣзжалъ онъ въ солдатскомъ плащѣ, но на самое короткое время. Онъ живетъ въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ и гауптквартира.

У жителей отнимаютъ рубашки и сапоги, мучаютъ ихъ разными работами, не давая пищи, а когда они умираютъ

---

*) *Изъ Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Библіотекъ.*

**) Генералъ, котораго Наполеонъ назначилъ губернаторомъ Москвы.

отъ голода и усталости, то берутъ на улицахъ и въ домахъ другихъ на ихъ мѣста; удивительно то, что у самихъ французовъ бѣгаетъ ежедневно по 100 и болѣе солдатъ. За ними нѣтъ никакого присмотра и они не слушаютъ начальниковъ своихъ. Ежедневно ихъ разстрѣливаютъ за неповиновенiе.

Армiя наша вся по Калужской дорогѣ, французская также въ 10-ти верстахъ отъ города и въ 22-хъ отъ нашей гауптквартиры, въ Красной Пахрѣ.

Отдѣленный въ Можайскѣ генералъ-маiоръ Дороховъ съ 16.000 кавалерiи отрѣзалъ у французовъ сообщенiе съ Францiей. Онъ перехватилъ 16 фуръ, нагруженныхъ золотомъ и серебромъ, кои посылались въ Парижъ. Также перехваченъ курьеръ съ письмомъ Наполеона къ сенату, гдѣ онъ говоритъ, что Москва не представляетъ тѣхъ выгодъ, которыхъ онъ ожидалъ, и въ негодованiи, что ему не присылаютъ снарядовъ, которымъ 1-го сентября надлежало бы уже быть въ армiи. Онъ прибавляетъ, что чиновники будутъ за то отвѣчать своими головами. По всему ясно видно, что миръ ему очень нуженъ, и что устойчивость русскихъ не дѣлать къ тому никакихъ домогательствъ его приводитъ въ большое ожесточенiе на Москву.

Говорятъ, что генералъ Милорадовичъ брался осадить Петровскiй дворецъ ночью и взять Наполеона живого или мертваго, но что князь Кутузовъ на то не согласился.

Въ Москвѣ прибита афиша на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ коей говорятъ, что извѣстiе распускаемое, будто бы Молдавская армiя имѣетъ соединиться съ армiей дѣйствующiй 25-го сентября, есть ложное, что Молдавская еще въ Бухарестѣ, не почитая миръ съ турками надежнымъ, что она состоитъ изъ 25.000 токмо человѣкъ, что слухи сiи распускаются токмо для ободренiя побѣжденной Россiйской армiи и жителей Москвы и проч. глупости подобной *).

Всѣ радуются морозамъ въ Москвѣ, ибо боялись заразы, улицы будучи завалены мертвыми тѣлами, коихъ и не хоронятъ.

---

*) Слухъ этотъ дѣйствительно распускался, но самимъ Наполеономъ.

Еще слышалъ я отъ того бѣглаго, что прекрасный домъ графа А. К. Разумовскаго съ садомъ сожженъ, а равно домы всѣхъ присутствовавшихъ въ комитетахъ и многихъ другихъ. Также сожженъ и театръ.

На всѣхъ домахъ, гдѣ богоугодныя заведенія, Наполеонъ по французски написать велѣлъ: „домъ моей матери"; также и на домѣ сумасшедшихъ... Кажется, тутъ бы скорѣе матушкѣ его слѣдовало написать: „домъ моего сына"... Никто не понимаетъ этой загадки.

Церковь и кладбище раскольниковъ невредимы; потому что они встрѣтили французовъ съ хлѣбомъ и солью и просили пощады.

Преосвященный Платонъ, узнавъ о взятіи Москвы, умеръ ударомъ въ церкви въ Виѳаніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ О МИЛОСЕРДНОМЪ ПРОЩЕНІИ ИЗМѢННИКОВЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ

ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

ОБЪЯВЛЯЕМЪ ВСЕНАРОДНО:

Въ настоящую нынѣ съ французами войну главная часть жителей въ прежде бывшихъ Польскихъ, нынѣ же Россійскихъ областяхъ и округахъ, пребыли Намъ вѣрны; почему и раздѣляютъ со всѣми Нашими вѣрноподданными Нашу признательность и благоволеніе. Но другіе различными образами навлекли на себя праведный Нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей Имперіи, устрашась насилія и принужденія, или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности. Другіе, которыхъ число меньше, но преступленія несравненно больше, пристали еще прежде нашествія на ихъ земли къ странѣ чуждаго для нихъ пришельца, и подъемля вмѣстѣ съ нимъ оружіе противъ Насъ, восхотѣли лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими вѣрноподданными. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ правосудія; но видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ Насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ Наше Всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или взысканіе, въ полной

увѣренности, что сіи, отпавшіе отъ Насъ, почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступокъ и чрезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда же и послѣ сего останется кто изъ нихъ въ службѣ Нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею Нашею милостію и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но, безъ нарушенія справедливости, не можемъ мы послѣдовать движеніямъ Нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ, и они въ свое время вступятъ въ право сего Нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ, и да приноситъ съ неугнетеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе. Между тѣмъ, надѣемся, что сіе Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико щастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею.

Вильна. Декабря 12-го 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

